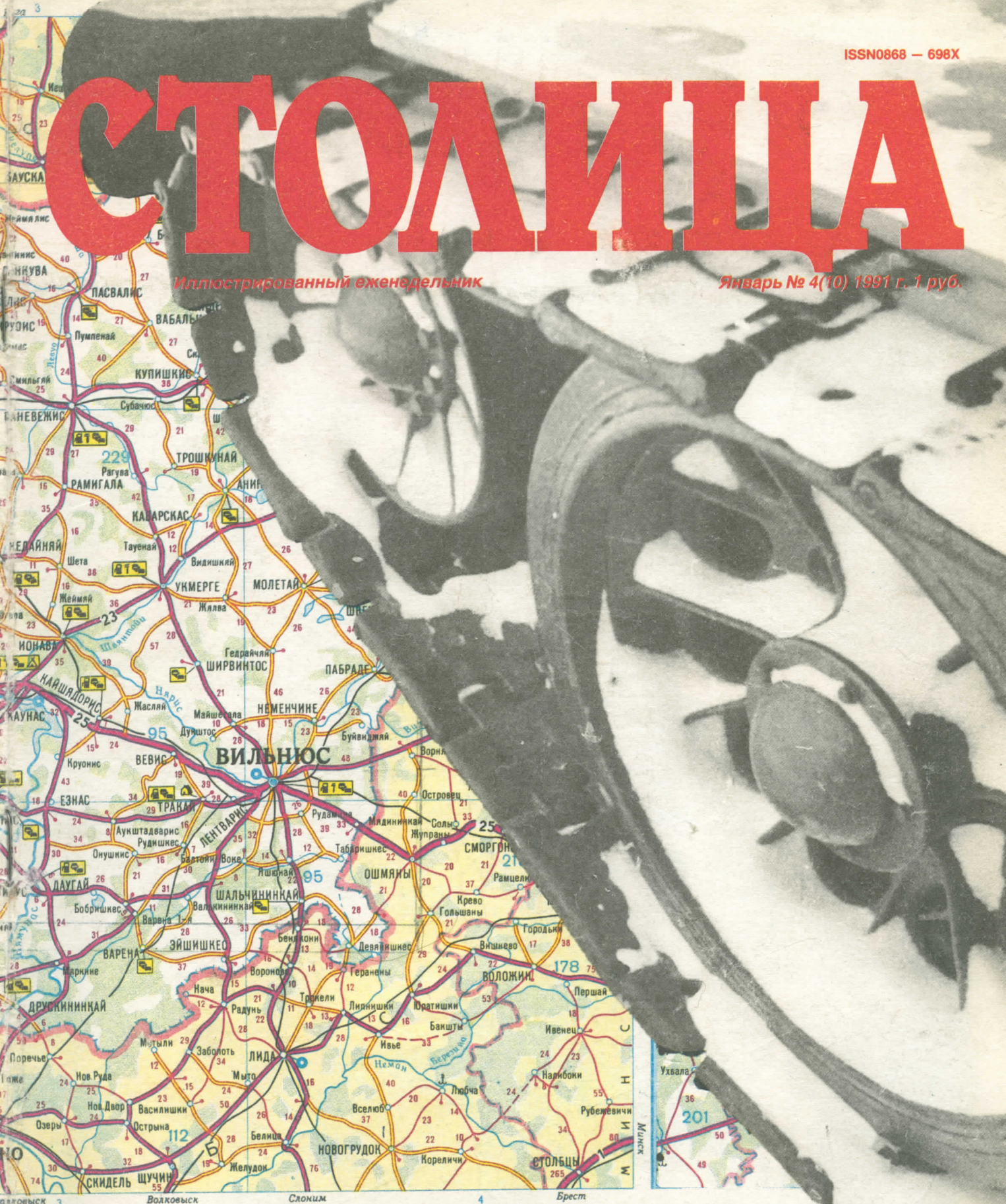

СТОЛИЦА

Иллюстрированный еженедельник

Январь № 4(10) 1991 г. 1 руб.

Вильнюс, далее везде...

О ней говорят: «Странная». Нормально говорят, так и должно, когда речь — о художнике. И то, что внешняя жизнь у нее тяжкая, — тоже нормально для человека, творящего в этой стране. У Лины Мкртчян, обладательницы уникального природного контральто и единственной русской певицы — исполнительницы духовной музыки, нет ни званий-лауреатств, ни постоянной сцены, ни зарубежных гастролей. И все-таки у нее есть все, чтобы петь, то есть жить. У нее есть вера.

Илья ЗАСЛАВСКИЙ

В СТРАНЕ НЕ- НУЖНЫХ

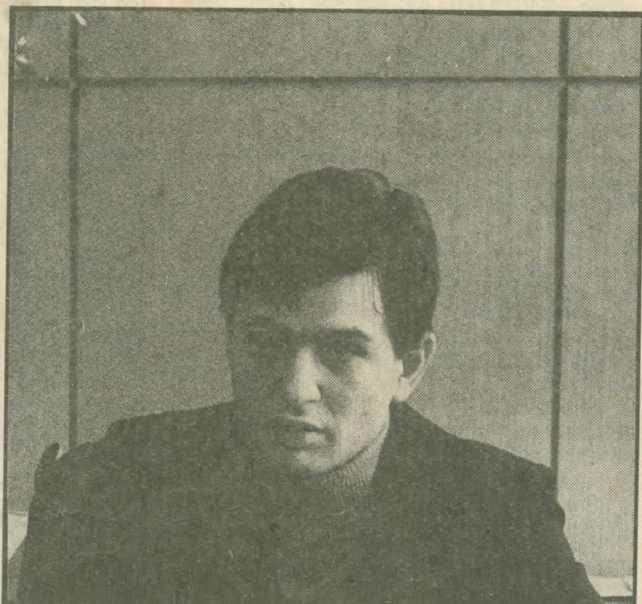

Фото Ю. Штукина

СОВЕТОВ

Илья ЗАСЛАВСКИЙ (1960 г.р.), народный депутат СССР, председатель Октябрьского райсовета столицы. Один из активных участников межрегиональной депутатской группы, сторонник радикальных политических и экономических преобразований. Возглавляемый им район, сразу же после выборов в местные Советы, стал законодателем в практической демократии. Здесь были зарегистрированы многие партии и неформальные средства массовой информации. Возглавляя общественное движение за передачу всей полноты власти Советам народных депутатов, Заславский в числе первых демократически ориентированных руководителей на собственном опыте убедился в нежизнеспособности советских структур. По его мнению, Советы в принципе не способны укреплять демократию и противостоять диктатуре.

Январь, № 4, 1991.

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с
точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.
При перепечатке ссылка на «Столицу»
обязательна.
Редакция в переписку не вступает.
С предложениями о рекламе звоните по
телефону: 928-83-40

Центральный разворот фото Б. Азарова
и В. Смоляникова

Номер набран в типографии издательства
«Известия».

Отпечатано на ордена Трудового
Красного Знамени Чеховском
полиграфическом комбинате
Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов, Московской области. Зак.

АКЦЕНТ

- 1 В стране ненужных Советов
(И.Заславский)

СТРАНИЦА РЕДАКТОРА

- 5 Немного арифметики
(А.Мальгин)
- 8 Куда бежать беженцу?
(Г.Емельянова)
- 11 Депутат в законе
(М.Маслов)
- 12 Разновесы Фемиды
(О. Ромашков)
- 13 Трое против горбачевского режима,
или ...

ЖИЗНЬ

- 15 Капитал, шоу или поле чудес?
(И. Андронов)
- 18 Неизвестная война 1990 года
(Олег Воронин)

ПОДОПЛЕКА

- 22 Крючков «подставил» и президента, и
премьера считает Борис Кузнецов, ад-
вокат Олега Калугина
- 24 Антикрасота на службе мира
(А.Ефимова)

ПАРАДОКСЫ ГЛАСНОСТИ

- 29 Во что играют настоящие мужчины?
(Е.Салина)

ВЕРСИЯ

- 34 Родимое пятно большевизма
(А.Арутюнов)

МИФЫ

- 38 Зачем я был нужен КГБ
(Ю.Щекочихин)

СИМВОЛЫ

- 41 Далеко ли мы ушли от 1984-го?
(В.Матизен)

ДНЕВНИК И.

- 46 **ВСПОМНИМ**
Это был голос, казавшийся безгра-
ничным
(А.Шнитке)

ПЕРИСКОП

- 50 Дайджест зарубежной прессы

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО

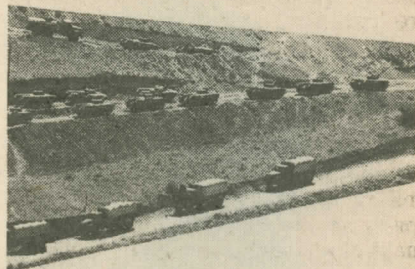
- 52 Возвращенец
(А.Минкин)

ДИАЛОГ

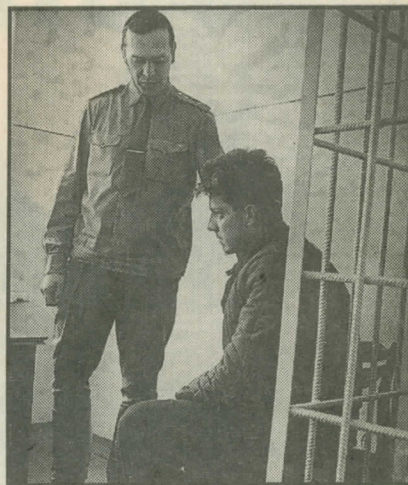
- 62 Л.Мкртчян: Я — обыкновенная хри-
стианка

АРТ-САЛОН

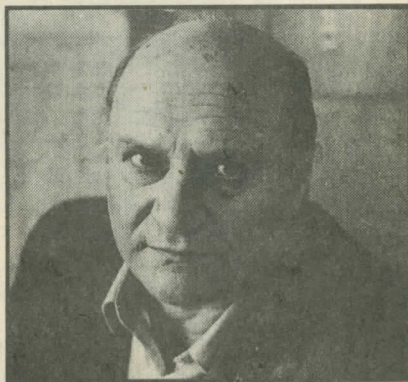
- 64 Обманка жизни
(Е.Кулаков)

20 «...специально переброшенные части внутренних войск начали наступление с использованием оружия» («Хроника бунтов в СССР»)

26 Маугли в солдатской стая

56 Ю.Давыдов. Оверкиль.
Проза

— Председателем райсовета меня избрали буквально на первых заседаниях нашей первой сессии. В то время я был полон оптимизма и самых радужных надежд. Чувствуя поддержку большинства депутатского корпуса, предполагал, что дела у нас пойдут быстро и слаженно.

Кое-что на пути демократизации нам действительно удалось сделать. Благодаря прогрессивно настроенному большинству наш Совет опережал многие Советы по темпу демократических преобразований. Там еще спорили по организационным вопросам, а мы уже приступали к разработке конкретного плана действий. Нам нравилось чувствовать себя первопроходцами демократии. Кстати, у нас уже готова концепция реорганизации районного хозяйства в период перехода к рынку.

Все это и позволило средствам массовой информации создать миф о том, что в Октябрьском районе благоустроен блаженный островок демократии. Действительно, на первых порах, в порыве энтузиазма, депутатский корпус худо-бедно голосовал за программу Демократической России, открывшую большинству депутатов путь к победе. Сегодня ясно — если и дальше свои ожидания перемен к лучшему мы будем связывать с упрочением положения Советов, то вскоре неизбежно окажемся в западне диктатуры. Это, к сожалению, не досужий вымысел, а горькая истина, добытая опытом.

Теперь, оглядываясь в прошлое, я могу твердо сказать, что структуры Советской власти оказались непригодными для управления районом уже с первых дней своего существования. Пока речь шла о голосовании за политические лозунги, о регистрации партий и газет — еще удавалось достичь если не консенсуса, то хотя бы работающего большинства. Когда речь зашла о главном, самом важном для жителей, — о хозяйственных вопросах, требующих элементарного осмысления, — дело встало. Выяснилось, что раздутый депутатский корпус — 150 человек! — не позволяет практически решить ни одного принципиального вопроса. Слишком велик разброс мнений! Слишком много нужно времени, чтобы эти мнения выслушать и согласовать. В итоге обсуждение любого вопроса до бесконечности затягивается. Четвертая сессия райсовета началась еще первого ноября. Но когда она закончится, неизвестно. Неизвестно вообще, будут ли приняты какие-нибудь решения. Депутаты разделились на враждующие группы. Любые предложения другой стороны напрочь блокируются. Дело дошло до рукоприкладства. Один депутат ударил другого по лицу прямо возле трибуны. С трудом удалось предотвратить драку.

Я думаю, кулаки пускают в ход не от большого ума. Это скорее свидетельство собственного бессилия и собственной ненужности. Уже многие депутаты начинают понимать, что если райсовет неожиданно прикажет долго жить, то жизнь в районе от этого никак не изменится. Наоборот, управление районом станет более эффективным.

Райсовету, к счастью, удалось создать квалифицированный исполнительный комитет, который с помощью невероятных усилий каким-то образом еще продолжает контролировать ситуацию в районе. Абсурдно, но факт. Депутаты приревновали свой исполком к власти. И стали не просто с ним конфликтовать, начали методично его дискредитировать. Это все равно что мозг человека задался бы целью лишиться собственных ног и рук.

Многие депутаты до сих пор примитивно понимают подчиненность им исполнительной власти. На первых порах они наделили себя правом давать личные указания исполкому. Представляете себе, 150 требований немедленно подмести тротуар, отремонтировать дом, выделить квартиру! Исполком, естественно, не мог стать для депутатов джином из бутылки. Начались обиды, конфликты. Ко мне зачастили депутаты с жалобами. Дескать, они обещали избирателям заасфальтировать ямку на автобусной остановке сразу после выборов, а исполком обещает заасфальтировать ее только через год. Исполнительная власть подрывает авторитет народных избранников. Принимайте меры!

А надо сказать, что район у нас специфический. Недавно по заданию президиума райсовета проводились социологические исследования. Выяснилось, что из 218 тысяч жителей у нас в районе 60 тысяч пенсионеров и инвалидов, свыше 50 тысяч детей. 30 процентов живут в коммуналках. Очередь на жилье составляет 22 тысячи человек. И это при том, что Октябрьский район считается одним из самых «обеспеченных» районов столицы по метражу жилой площади на человека. Фон «обеспеченности» нам создают многочисленные привилегированные дома ЦК КПСС, КГБ СССР, Академии наук СССР и других ведомств и организаций. Поэтому город, считая наш район благополучным, выделяет нам квартиры чуть ли не в последнюю очередь. Собственного строительства мы не ведем. В районе нет места для новых застроек. Да и жители района резко протестуют против возведения новых домов. Ибо при неразвитой инфраструктуре новые квартиры автоматически увеличивают очередь в больницах и магазинах. Половина школ в районе и так уже находится на двухсменке.

Непростая социальная ситуация осложняется экономическими проблемами. Специалисты подсчитали, что минимальный годовой бюджет должен составлять примерно 100 млн. рублей. А предполагаемый дефицит бюджета исчисляется в 27 млн. рублей. Где взять такую сумму? А ее обязательно где-то нужно взять, иначе инфраструктура района просто развалится. Традиционные источники в данном случае не помогут. Раньше мы поддерживали свой бюджет во многом за счет дотаций города. Но сегодня у города тоже нет денег. Средства от налогов с предприятий тоже не спасут — сокращается объем производства. На недавно зарегистрированные предприятия рассчитывать серьезно нельзя. Будет у них прибыль или не будет, никто не знает. Да и нелепо связывать жизненно важные функции целого района с коммерческим риском отдельных предприятий. Но для финансирования социальных программ, для запланированного в районе повышения зарплаты медикам, учителям, милиционерам, доплат пенсионерам — нужны средства!

В этой ситуации исполком нашел выход: решил зарабатывать деньги самостоятельно. И для этого взялся создавать сеть необходимых ему предприятий (государственных!). Разговоры о том, что в цивилизованных странах исполнительная власть не имеет права заниматься коммерцией, в нашей ситуации считаю доводом демагогическим. Во-первых, мы далеки от истинной цивилизованности. И во-вторых, как показывает международный опыт, во всех слаборазвитых и развивающихся странах исполнительная власть всегда непосредственно поддерживает предпринимательство. В одной из африканских стран бизнесом занимается даже сам президент.

Но как заставить вновь создаваемые предприятия работать, прежде всего, на бюджет района? Выход тоже известен: это совместительство. Предприятия возглавляют представители законодательной и исполнительной власти. Естественно, их работа находится под особым контролем. Многие из них вообще не получают денег за свое предпринимательство. Некоторые предприятия до 95 процентов прибыли передают в бюджет района.

Именно это совместительство и привело к окончательному размежеванию депутатского корпуса. Расколоты почти наполовину даже сам демократический блок в райсовете.

Известно, что предпринимательской деятельностью способны заниматься далеко не все. Поэтому сформировалось большинство, которое активно выступает против такого предпринимательства. По натуре своей я тоже весьма далек от бизнеса. Соглашаюсь, давайте закроем все предприятия Совета. Но предложите иной реальный способ, с помощью которого можно пополнить районный бюджет. А ведь главные критики предложений исполкома сидят в комиссии Совета по экономическому развитию! За полгода работы могли бы подготовить конструктивные предложения! Куда там! Никаких дельных предложений у большинства нет.

Что прикажете делать мне? Где брать деньги для поддержания жизни в районе? Естественно, я хватаюсь за соломинку и выступаю за сохранение таких предприятий. И буду выступать, пока не увижу иного выхода. Иначе в сентябре-октябре наш район окажется без копейки. Надеюсь, людям, живущим на зарплату, понятно, что значит остаться с пустым кошельком в наших условиях за неделю до очередной выплаты денег. Один человек, временно оставшись без средств к существованию, выжить еще может. А целый район?

Но проблема выживания района интересует далеко не всех депутатов. У них свои причуды и амбиции. Защиту народа они понимают слишком своеобразно. Не дай бог, кто-нибудь заработает чуть больше, чем другие. Тут же пускаются в ход разглагольствования о социальной справедливости. Я всегда был противником всевозможных привилегий. И вопросы социальной справедливости чувствую, надеюсь, достаточно остро. Но я не могу мириться с тем, когда под видом борьбы за эту справедливость кое-кто пытается нажить себе политический капитал или оправдать собственную бездарность и ненужность. Социальная защита очень легко превращается в демагогию, а демократия — в охлократию.

И вот уже свое бессилие, неумение стабилизировать ситуацию отдельные депутаты связывают с проiscaми «врагов». А кто неизменный враг нашего Октябрьского района? Естественно, ЦРУ, международный сионизм и местная жидо-масонская мафия. Все решения исполкома — не что иное, как происки этой мафии. А ваш покорный слуга — ее «крестный отец». Стыдно признаться, но на одном из заседаний нашего районного Совета депутаты даже голосовали за то, чтобы не продавать квартиры в частную собственность, поскольку «вечные враги народа» покупают квартиры только за тем, чтобы при выезде из страны продать их за валюту. За это решение, естественно, несколько закамуфлированное для приличия, проголосовало 66 депутатов. Не хватило десяти голосов, чтобы оно стало законом: на заседании присутствовало всего 80 человек из 150. На фоне объективных трудностей, связанных с несовершенством самой системы Советов,

идет хорошо скоординированная массивная кампания травли руководства Октябрьского района: поток статей, обильно напичканных некорректной информацией и просто откровенным враньем. Одновременно председатель КГБ В.А. Крючков «упрекнул» на съезде Октябрьский район столицы за регистрацию фонда «Посев», связанного с народно-трудовым союзом российских солидаристов — НТС. Логика тут одна: неважно, в связях с кем обвинить Заславского, главное — обвинить.

Сейчас группа депутатов райсовета через партийную прессу пытается вынудить меня подать в отставку. Сложить с себя полномочия председателя райсовета — самый простой выход. Но как передать всю полноту власти в руки таких людей, как мои оппоненты? Не имея никакой конструктивной программы, они своей деятельностью обрекут жителей района на новые неудобства и страдания.

Свое бессилие и ненужность демонстрируют почти все Советы самых разных уровней. Не работает полноценно вся структура Советской власти. Заседания и съезды этой власти превратились в бессмысленные дебаты, совершенно далекие от реальной жизни.

В плане демократии наш Совет продвинулся чуточку дальше других Советов. И по праву впереди идущего я должен предупредить: лозунг «Вся власть Советам!» обманчив! Он не приводит к демократии. Это прямой путь к диктатуре.

Поддерживаю идею реорганизации местных Советов в органы местного самоуправления и создание структуры с выборными мэрами на местах и губернаторами, подчиненными Президенту России.

Если вашему предприятию предстоит отправить дорогостоящее имущество в другой город или республику, Управление Госстраха по г. Москве предлагает вам новый вид услуг — **СТРАХОВАНИЕ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ.**

Договор страхования перевозки грузов обеспечит вашему предприятию возмещение материальных потерь, которые могут произойти во время транспортировки имущества, а также во время погрузочно-разгрузочных работ.

Управление Госстраха по г. Москве **ГАРАНТИРУЕТ** ВАМ страховую защиту от различных видов крушений и аварий, стихийных бедствий, кражи, недоставки груза и т.д.

Телефоны Управления Госстраха по г. Москве:

229-38-40,
229-51-01

Немного арифметики

В нашей почте появились письма, авторы которых сетуют на то, что «Столица» в этом году стала слишком дорогой. «Раньше за 1 руб. можно было купить книгу в твердом переплете, а теперь приходится выкладывать за один номер журнала, — пишет, например, москвичка С. Гиацинтова. — А ведь ваш журнал выходит раз в неделю, да к тому же есть и другие органы печати. Только на то, чтобы читать «Столицу» и «Огонек», я должна выложить больше сотни рублей в год. Боюсь, мне этого не потянуть...»

Да, печать в этом году подорожала. Но журналисты в этом не виноваты. Судите сами: государственная цена на газетную бумагу поднялась в три раза и в настоящее время составляет 900 рублей за тонну. Причем, если бумаги по госпоставкам не будет хватать, мы будем вынуждены закупать ее по рыночным ценам — это уже более 3000 рублей за тонну. Значительно больше берет с нас Министерство связи СССР за услуги по распространению «Столицы»: из 95 копеек, заплаченных подписчиком за экземпляр журнала, почтовики забирают себе 41 копейку. Столько же они собирались брать и с журналов, поступающих в розницу, но мы не могли на это пойти, поэтому «Столица» везде, кроме Москвы, будет распространяться в основном по подписке (напоминаю, кстати, наш индекс: 73746). В Москве розничная продажа будет, и вот на каких условиях: с каждого рубля, заплаченного покупателем, в «Союзпечати» останется 25 копеек. Тоже немало, особенно если учесть, что еще 33 копейки мы отдадим типографии, которая журнал напечатает, и 13 копеек заплатим за бумагу.

Если произвести несложные арифметические действия, вы легко обнаружите, что у редакции с каждого номера журнала останется совсем немного денег.

Но и это еще не все. Невидимый дирижер в один и тот же день взвинтил все другие редакционные

расходы. За аренду нашего здания мы обязаны теперь платить в 16,5 раза больше; автокомбинат, где мы арендуем наши редакционные машины, за каждую из них теперь желает брать 10 рублей в час (вместо 2 руб. 70 коп. по прежним расценкам). А ведь мы редакция новая, никакого начального капитала от своего учредителя не получившая. Надо и зарплату сотрудникам платить, и гонорары авторам, я уже не говорю о закупке оборудования, без которого работа современной редакции немыслима. А тут еще новые налоги подоспели, и половина без того невеликой прибыли уходит в госбюджет. Одни только отчисления на соцстрах возросли, согласно свежему президентскому указу, с 7% до 26%. Нас попросту ограбили.

К чему я все это говорю? А к тому, что 1 руб. за экземпляр журнала — это тот минимум, который еле-еле позволяет редакции держаться на плаву. Печать, особенно новая, демократическая, первой ощутила на себе все прелести рынка. Не сумев задуть ее цензурой, политическими гонениями, правящий класс удушает ее экономически. «Вы хотели рынка? Вот он, получите». В итоге издательское дело, которое традиционно считалось у нас в стране весьма прибыльным, становится разорительным. За исключением, впрочем, крупных партийных издательских монстров, сохранивших многие льготы.

Кстати, насчет монстров. Накануне Нового года в партийных издательствах была паника: тиражи печатающихся там изданий резко упали, мощное импортное оборудование могло остаться без дела, а рабочие, соответственно, без зарплаты. Издательство «Правда» первым нашло выход: оно перевело освободившиеся машины на выпуск... обоев. Это не так смешно, как может показаться, если учесть, что десятки пользующихся популярностью изданий — органы новых партий, общественных движе-

ний, Верховного Совета России, Моссовета, — не имея собственных типографий, стучались во все двери, пытаясь найти на будущий год хоть какую-то производственную базу.

Издательство «Московская правда» в столичных партийных газетах печатало в декабре объявления:

ВНИМАНИЕ

Типография

выполнит на долгосрочной основе работы по печати журнальной и другой иллюстрированной продукции.
Телефон 256-94-05.

ТИПОГРАФИЯ выполнит на долгосрочной основе работы по печати журнальной и другой иллюстрированной продукции.

Телефон 256-94-05.

Когда же мы, ради интереса, позвонили в издательство, а позже и в горком партии, который его деятельностью руководит, выяснилось, в который раз, что именно для нас производственных мощностей нет. Удавятся — но демократическую прессу на свои машины не пустят. Хотя закуплены они, машины, на отнятую у народа валюту. В ближайшее время мы хотим познакомиться читателей с новой продукцией партийных издательств — там теперь взят курс на коммерцию и что только не печатается — от эротики до обоев, зато — ни одного слова супротив прогнившего коммунистического режима.

Вот так и живем. Так что извините нас, дорогие читатели, что мы дороги. Будем еще дороже (розничная цена, возможно, возрастет до 1 руб. 30 коп.). Извините, что печатаемся на худших сортах бумаги (так уж распорядился Госплан). Извините, если по той или иной причине отдельные номера журнала вдруг придут к вам с опозданием. Несмотря ни на что, мы полны сил и желания выпустить в этом году все 52 номера «Столицы».

На 1 января у нас было 52579 подписчиков. Еще четверть миллиона приобретали наш журнал в киосках. Мы получили тысячи писем, в которых выражена поддержка нашей позиции. Нам дорого внимание к нашему журналу. Спасибо вам.

Мы — с вами.

Андрей МАЛЬГИН

Фото В. Суварова

ГОРОД В ДВИЖЕНИИ

Работой городского общественного транспорта пассажиры все еще недовольны. Автобусы, троллейбусы и трамваи ходят редко, едут медленно, по дороге часто ломаются, и тогда пассажиров бесцеремонно высаживают прямо на дорогу. Между тем, переходя на талонную систему, автопарки обещали улучшить обслуживание пассажиров. Больше того, именно в продаже талонов московские транспортники видели спасение пассажиров — в противовес утомительному сбору мелочи в каждой поездке. Экономисты предупреждали, что услуга по перевозке пассажиров не может быть оплачена заранее. Тогда у парков, которые получают деньги вперед — не за перевозку пассажиров, а за успешную продажу талончиков, — не будет стимула посылать машины на линию. Но экономикой победила коммерция. Так называемый государственный интерес (ведь все парки государственные) оказался гораздо

выше интересов пассажиров: главное, чтобы у парка была выручка, а каким путем собрались там деньги — якобы не важно. Но это как раз самое важное.

Приведа несколько типичных в наше время примеров безобразной работы автобусов и троллейбусов (мы взяли эти примеры из писем читателей), редакция обратилась в исполком Моссовета с просьбой дать оценку талонной системе. На запрос ответил начальник управления движения «Главмосгортранса» А. Д. Васюков. «Введение талонной системы на наземном городском пассажирском транспорте никак не отразилось на интервалах движения», — убежденно написал он. Из его письма следует, что в плохой работе наземного транспорта виноваты одни лишь водители: их и не хватает («недокомплект водителей, который в настоящее время составляет более 30%»), они и дисциплину нарушают, с

ними, как с воспитанниками детдома, цацкаются («по выявленным нарушениям к водителям принимаются меры морального и материального воздействия»). Но разве не талонная система водителя обезличила и сделала его на работе вовсе не нужным? Неудивительно, что водители потеряли к работе всякий интерес. Раньше водители выезжали на линию за выручкой, от нее в какой-то степени зависела их зарплата. А теперь билеты на автобус, троллейбус и трамвай продаются помимо них, независимо от того, перевез водитель пассажиров или нет. И вообще не ясно, из чего складывается теперь шоферская зарплата. Уж не из экономии ли бензина и электричества?

Не получив внятного ответа из Главмосгортранса, редакция обратилась к начальнику управления «Мосгортат» Лидии Зотовне Корнеевой, которая в продолжение рубрики **«РАЗГОВОР ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТИСТИКА С ЧИТАТЕЛЕМ»** (начало ей было положено в третьем номере «Столицы» за 1991 г.) представила на суд читателей объективные данные о московском городском общественном транспорте.

За девять месяцев 1990 года внутригородским транспортом (без такси) перевезено 5 396 900 000 человек. Когда я говорю «перевезено», это вовсе не означает физическую перевозку людей. Подсчет пассажиров в автохозяйствах идет по проданным в городе талонам. В прежние годы считали пятаки — та цифра выражала, конечно, гораздо более чисто число перевезенных пассажиров. Прежняя система подсчета пассажиров пригодна сегодня только для метро, где пятаки еще в ходу.

По данным единовременного обследования «Обслуживание населения внутригородским транспортом», 80,5 процента пассажиров при поездке на работу пользуются метрополитеном, автобусом — 77 процентов, троллейбусом — 21 и трамваем — 11,5 процента.

Опрашиваемым были заданы вопросы об удобстве проезда. Вот их ответы (в процентах):

	метро	автобус	троллейбус	трамвай
Есть свободные места	13,7	7,2	19,1	8,7
Ехать тесно	64,0	76,6	57,1	69,9
Ехать не тесно	22,3	16,2	23,8	21,7

Таким образом, видно, что число довольных работой городского общественного транспорта ровно вдвое меньше, чем недовольных.

За девять месяцев были оштрафованы за безбилетный проезд 431.600 пассажиров. Сумма штрафов составила 1.291.500 рублей. Любопытен в этом отношении прогноз (а может быть, план по штрафам?): ожидается, что к концу 1990 года будут подвергнуты штрафу 580.800 пассажиров, которые принесут паркам 1.742.500 рублей.

Работа по изъятию штрафов ведется намного активнее, чем разветвление сети маршрутов. В Москве действуют 646 маршрутов наземного городского транспорта, их них всего 7 новых: троллейбусных — 2, автобусных — 5. Трамвайного — ни одного.

За девять месяцев троллейбусный парк пополнился 220 новыми машинами — на 41 машину больше, чем в 1989 году. Автобусов же поступило крайне мало — всего 341 машина (17 процентов от плана). Сравните: в 1989 году новых автобусов пришло 760. Не выполнили своих

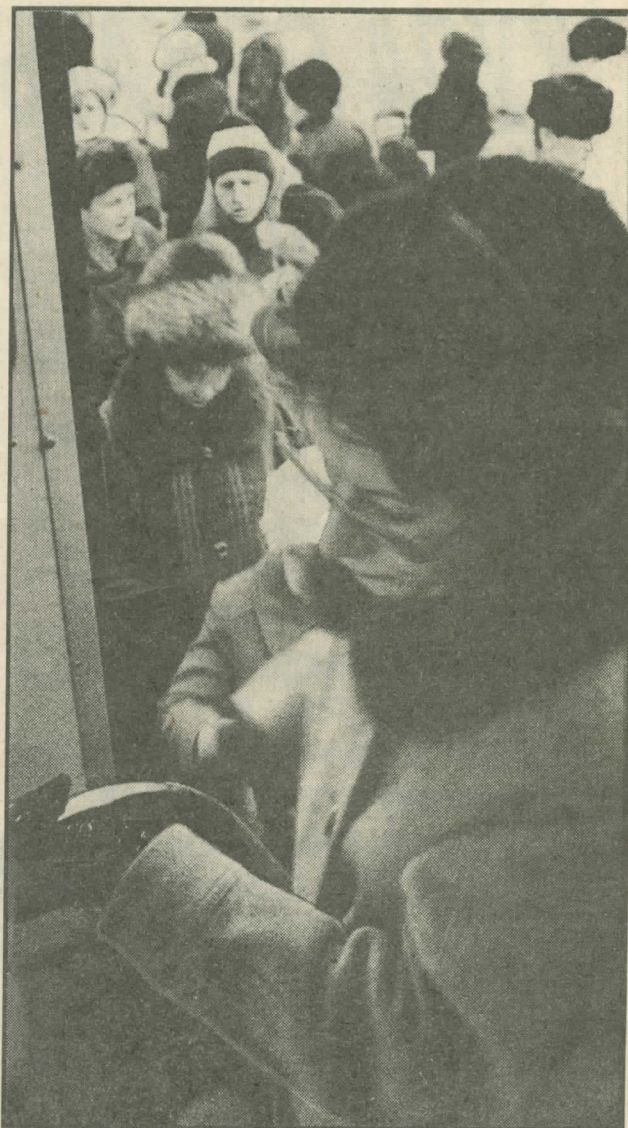

Фото В. Суворова

обязательств Ликинский автозавод (31 автобус), Львовский завод (13 автобусов) и, наконец, Венгрия, от которой ждали 356 «Икарусов». И — ни одного нового трамвая.

Несмотря на трудное обновление парка и на массовое недовольство пассажиров работой автобусов, троллейбусов и трамваев, труд водителей стал цениться выше. Среднемесячная зарплата водителей трамвая возросла по сравнению с 1989 годом почти на 20 процентов и составила 391 рубль, водителя троллейбуса — на 14,5 процента и составила 443 рубля, водителя автобуса — на 13 процентов и составила 491 рубль.

Но и для пассажира парки кое-что делают. Так, появилось 337 павильонов на остановках — их стало в Москве 6280, развешено 227 информационных таблиц о пунктах остановок...

Выборочное обследование свидетельствует о том, что ни недавнее повышение цен за проезд (в трамвае — на 66 процентов, троллейбусе — на 25), ни введение талонной системы всё-таки не сделали транспортное обслуживание в городе лучше. Главный и бесспорный показатель этого — мнение пассажиров.

КУДА БЕЖАТЬ БЕЖЕНЦУ?

Национальные междоусобицы разразились кровавыми конфликтами. Из кризисных зон устремились русские. Куда же им еще бежать, если не в Россию? Мы заняты выстаиванием в длинных очередях, ломаем головы над тем, как бы отоварить талоны, раздобыть поочередно становящиеся дефицитом табак, сахар, соль, сыр, не говоря уже о колбасе, — и забываем, что кому-то сейчас приходится еще хуже, чем нам...

Тысячи беженцев до сих пор не трудоустроены, не имеют постоянной крыши над головой. Иссякает потихоньку ручеек благотворительных пожертвований, питавший силы людей, оставшихся без одежды, пищи, крова. И сами беженцы, и многочисленные ведомства, не привыкшие жить без указки сверху, недоумевают: почему так долго власти не принимают мер? Все ссылаются на закон, который должен регламентировать ответственность государства перед такого рода переселенцами и обеспечивать если уж не неприкосновенность жилища, то хотя бы возмещение материального ущерба и устройство на работу. Проект закона, закрепляющий юридически статус беженца, будет рассматриваться Верховным Советом СССР. В нем якобы говорится, что основные расходы возьмут на себя те республики, на чьей территории случилось несчастье. Но где он, этот проект? Да и появится ли вообще? Синдром неповиновения союзным законам, охвативший республики, распространился и на законы будущие. Пока что лишь цивилизо-

ванная Прибалтика, по собственной, кстати, инициативе, предлагает уезжающим материальную помощь в устройстве на новом месте — какой бы они национальности ни были. В союзном же правительстве о беженцах, похоже, просто забыли. Складывается впечатление, что там выжидают: время сгладит остроту проблемы, и беженцы «рассосутся» по стране.

Беженцы стоически переживают смену настроения у людей, к которым вынуждены обратиться за помощью. Но если к формализму чиновников они привыкли еще у себя дома, то сталкиваясь со здешним неприязненным, а порой откровенно враждебным отношением в очередях, на улице, в пансионатах обидно. (Особенно если все это приходится терпеть от таких же русских, как и они сами.) Действительно, реакция на русских беженцев у москвичей, скорее, агрессивная: неужели во всей стране не нашлось для вас другого места, кроме как в Москве?

Во-первых, беженцами называли эвакуированных. Угрозы по телефону обернулись выстрелами и избиениями. Военные бронетранспортеры вывозили потрясенных людей в бакинский аэропорт, на любой рейс. Так и оказались они — кто в Свердловске, кто в Курске, кто в Москве. Кого-то потом в другие города и села позвали родственники, знакомые. Тех, кого не позвали, — большинство.

Медсестре из Баку В. Онищенко, например, одной, с тремя детьми, ехать некуда, да и не на что. Распродав последнее, подалась было из Москвы в Куйбышев, откуда родом. Но без прописки приняли работать на турбазу лишь на летний сезон, хотя медиков, как и везде, не хватает. Может, и удалось бы как-то устроиться на работу — не будь в трудовой книжке статьи о прогулах. Попробуй, докажи теперь, что всю жизнь проработала честно, а поплатилась за то, что в бакинской больнице не отказалась лечить армян и русских. Осталась под Москвой в надежде обустроиться Н. Горяева, от которой отрекся муж-азербайджанец. У супругов Широковых родственники в Киеве. Там тоже лимит прописки. А Чемоданова отважилась поехать из Москвы в Симферополь. И полетел вскоре крик отчаяния: не прописывают к собственной матери. Пришлось Москве вмешаться, подтвердить, что пострадавшая она, а не самозванка.

В пансионатах поначалу жили, как на пороховой бочке: постановлением Совмина СССР расселение беженцев там разрешалось лишь на два месяца. Потом начались продления. Одно время пронесся слух: теперь уж точно будут выселять. Но куда? Сейчас, в зиму, никого тронуть не посмеют...

Но как же заработать себе на хлеб сегодня? Кому-то удалось устроиться на работу в Калужскую область, многие уехали по найму в Сибирь, на Урал. А что делать тем, кого на работу не берут и по справке беженца, хотя было на то постановление Моссовета? То дети малые, то специальность сугубо городская, к тому же вопрос трудоустройства напрямую связан с претензией на жилье.

Супруги Запудряевы из Северного Казахстана — предпенсионного возраста. Их приютила московская церковь адвентистов. На работу же ни в Москве, ни в соседних областях не приняли.

— Проехали по русским деревням, — рассказывает Валериан Николаевич (сам он водитель), — кругом развал, пьянство, рабочих не хватает. Но первый вопрос к нам был — сколько осталось до пенсии?

Кстати сказать, главе семьи, как бывшему блокаднику, полагаются ссуда на индивидуальное жилищное строительство, другие льготы. Но кто ему их обеспечит?

Люди расплачиваются за политическую близорукость правительства. Но на фоне общего неблагополучия в стране их надежды кажутся безжизненными... Так куда же податься русскому беженцу? От ходьбы по инстанциям стоптались последние башмаки, а толку нет.

Пробовал было беженцам помочь организованный ими же при издательстве «Советская Россия» комитет. И поначалу планы у него были грандиозные: созданием кооператива, арендой магазина, экскурсионным обслуживанием и другого рода предпринимательской деятельностью заработать деньги на строительство дома для беженцев. Сами беженцы составили перечень профессий: кто чем может заниматься.

Списки эти до сих пор лежат в комитете... А перечисленные выше проекты один за другим рухнули.

Беженцы требуют от комитета конкретной помощи, а комитет от них конкретных идей. А поскольку взаимопонимания нет, то беженцы все реже заходят в «свой» комитет, а комитетчики, вероятно, забыли уже о существовании пансионатов, где проживают их собратья. Денежные пожертвования за неимением у комитета своего субсчета идут на сберкнижку одного из сопредседателей. Расходятся они на те самые проекты, которые когда-то еще принесли выгоду. Комитетчики полагают, что если просто эти деньги поделить между беженцами, то их скоро не станет. Конечно, в этом тоже есть своя логика. Но... на деле реальную помощь, по словам самих беженцев, на сегодняшний день им смогли оказать только энтузиасты «Русского центра» при Союзе писателей СССР. Причем помощь разнообразную: выдачу денежных пособий, благотворительных посылок, устройство на работу в разных районах России: в Нечерноземье, на Алтае, Дальнем Востоке.

Русские беженцы ищут кров. Эмигрировать согласны далеко не все, нечестным путем добыть кусок хлеба не хотят. А честным, оказывается, — ой, как не просто...

Галина ЕМЕЛЬЯНОВА

Фото Э. Кудрявского

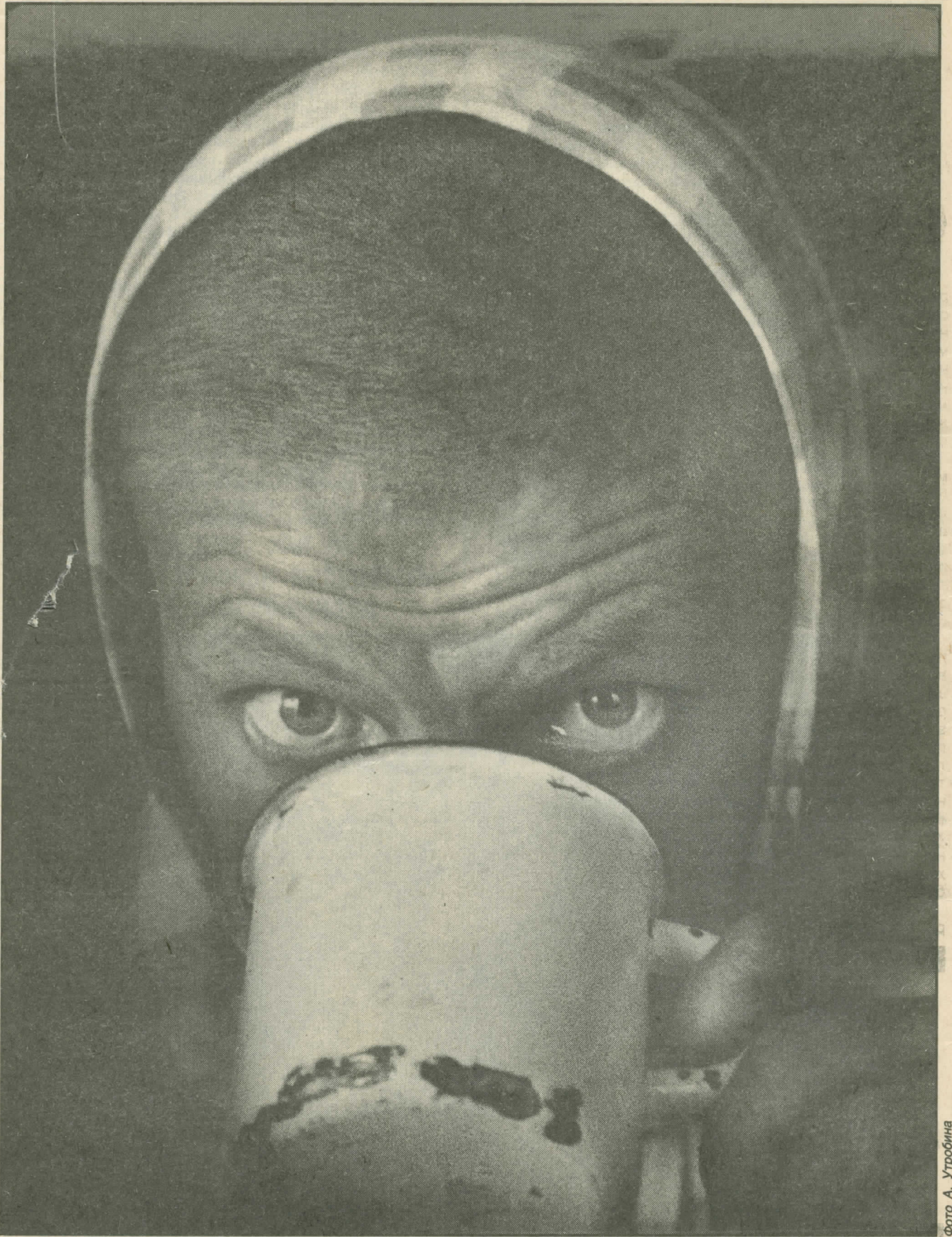

Фото А. Утробина

Депутат в законе

У несчастных людей, лишенных рассудка и находящих в домах скорби на вечном поселении, взять нечего. У них нет даже собственной майки. Всю минимальную одежку, чтобы прикрыть наготу, выдает крикливая сестра-хозяйка. А необходимое количество калорий для поддержания брэнного тела отпускает со своей кухни необъятный шеф-повар.

Вот и получается, что все «осязаемые» интересы психически больных обитателей интерната крутятся около этих двух казенных служб. Больше сумасшедшему и не надо, но и меньшим никак не обойтись. Далее раздевать и объедать больного невозможно — тогда обнажится плоть, возвращенная на таблетках, или наступит голодная смерть.

Наша система здравоохранения, не поддающаяся никакому лечению, воспитала замечательные руководящие и хозяйственные кадры, виртуозно владеющие всеми видами воровства и мошенничества. Лучшие представители оных давно рассосались по темным подсобкам интернатов, больниц, психлечебниц. Особенно приятно и выгодно работать с душевнобольными. Им что ни дай, все хорошо, а главное — они безропотные. Никогда не услышишь от них худого слова или жалобы. Кто ж их, больных, слушать-то будет?

А теперь — проза жизни. Ее авторы — вполне нормальные лица.

В октябре прошлого года сотрудники ОБХСС Перовского района задержали при выходе с работы сестерхозяек и шеф-повара психоневрологического интерната № 26 Управления социального обеспечения Мосгорисполкома. В сумках, в которых, до этого прискорбно для obsługi события, было перетаскано в домашние кладовые немало продуктов, обнаружили кур, масло, мясо, а также новенькое постельное белье и кое-какую одежду. Все это, естественно, предназначалось для больных, но к ним не попало.

Через месяц, в ноябре, в аналогичном воровстве был уличен сам директор интерната Валерий Кравченко. Он упаковался более основательно — кроме мяса, кур, у него изъяли растительное масло, лимоны, молоко.

На скромный вопрос: «Где взял?» — Кравченко, не моргнув глазом, ответил:

— В соседнем магазине...

В «соседнем магазине» после проверки выяснилось, что этих дефицитных продуктов не получали уже целую неделю.

Здесь проза жизни заканчивается.

Попутно стало известно — Валерий Кравченко не просто гражданин Страны Советов, не просто врач и директор интерната № 26, а народный депутат Черемушкинского района города Москвы.

Этот факт из биографии нечистого на руку депутата несколько обескураживает, и, какось, я решил разузнать, от кого же баллотировался Кравченко, и чуть было не поехал в районную избирательную комиссию.

А потом понял — это не имеет никакого отношения к банальной уголовщине. Кто бы его ни выдвигал на высокий пост — красные или зеленые, демократы или консерваторы, — они оказались в сложном положении. Кто же захочет видеть своего лидера в роли вора, к тому же крадущего у беззащитных и неизлечимых людей?

ЛОВЛЯ ОКУНЬКОВ В МОСКВЕ

Бабушки и дедушки стали сегодня кормильцами московских семей: у пенсионеров больше всего свободного времени, которое они и коротают в многочасовых очередях.

Но не все. Некоторые пенсионеры находят себе занятие поинтереснее. Мы, в деловом темпе проносясь мимо, иногда обращаем внимание на этих людей, которые с утра пораньше располагаются на московских прудах со своими страшного вида коловоротами и ящиками-сиденьями (с подушками — для тепла и комфорта). Смотрим и думаем — вот чудак! Страна разваливается, вокруг — хаос, а он сидит себе, завернувшись в огромный тулуп, обмотавшись шарфом немыслимой длины, — и в ус не дует. Да и что можно выловить в загаженном московском водоеме?

— А если бы не было рыбы — что я, дурак, сюда, на Вернадского, ехать, через весь город? — возмутился один из чудачков, Константин Максимович. — Хотя, конечно, это дело больше для души. Посидишь тут на воздухе — лиц озверелых не видно, тихо, спокойно, подумать можно...

В небольшом полиэтиленовом мешочке трепыхается утренний улов — несколько окуньков величиной с указательный палец. Как объяснил Константин Максимович, окуньков он тушит особым способом («Масла, говорят, в магазине нет, но я-то запасаюсь...»), в результате чего получаются — шпроты. Так что, сидючи здесь на ящичке, тоже можно «поймать дефицит».

Между прочим, на базе рыбалки и шахмат уже возник своеобразный клуб пенсионеров. Зимой — рыбалка, летом — больше «шахматистики», но самое главное — никакой политики. Это слово считается ругательным.

— Врут все, — выразил свое отношение к политическим деятелям Константин Максимович. — Под себя гребут. Только Россия — она большая, с голоду не помрем. Так и знай, сынок...

А потом — метро, те самые «озверелые лица», и все бегом, бегом... И кто же из нас чудак, интересно?

М. Д.

Михаил МАСЛОВ

Из серии
«Сумасшедший
дом»

Разновесы Фемиды

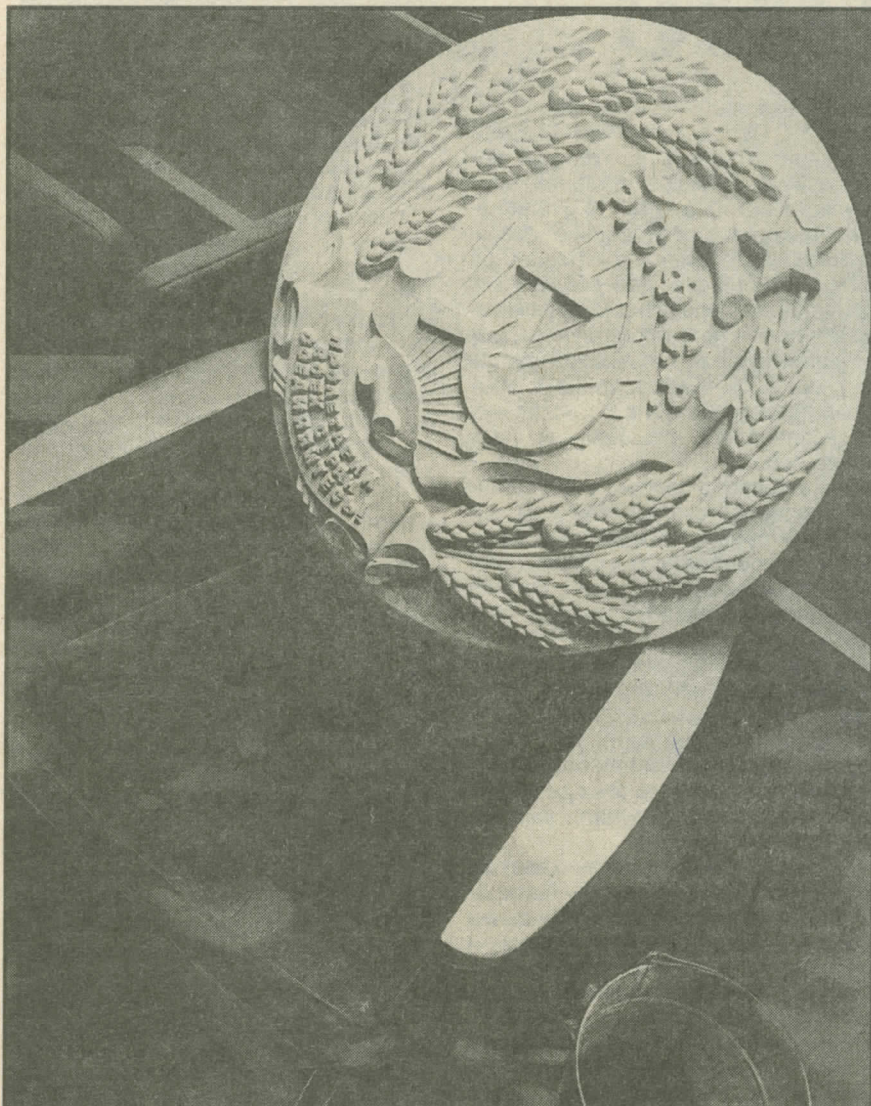

фото Ю. Штукина

Вот уже четыре столетия, как с девиза германского императора Фердинанда I сошел в цивилизацию принцип «Правосудие должно свершиться, хотя бы для этого погиб мир». Похоже, наш уникальный и во многом убогий соцмир все еще каким-то чудом существует. Но вот юстиция в нем определенно гибнет. А вместе с ней и сама возможность правосудия.

По крайней мере, московская юстиция бедствует на правах худшей падчерицы среди прочих государственных институтов столицы. Положение это создало не вчера и является следствием давнего и

продолжающегося пренебрежения властей к самой системе правосудия.

По правде говоря, и советской юстиции за свою долгую историю есть в чем повиниться. Вполне «достойно», право же, завершила она «правосудие», рожденное в недрах партийных, компетентных и особо компетентных органов. Но вот вырваться из этой порочной связки юстиции не дает возможности и перестройка. Ибо на смену одной (идеологической) зависимости «самого независимого суда в мире» пришла другая — финансовая.

Чтобы осознать степень ее унижительность, достаточно только вспомнить историю бывшего здания Перовского райсуда. Вот уж где было все! И пяточок в 15 квадратных метров, выполняющий роль «кабинета» судьи и «зала» заседаний с обшей скамеечкой для подсудимых, свидетелей и посетителей. И неисправное отопление при холоде таком, что гуманная санэпидемстанция запретила привозить подсудимых в арестантскую (судей при этом никто от работы не освободил). И падающие на голову кирпичи, от которых пытались спастись надстройкой специальных козырьков, пока, наконец, окончательно не провалились полы. Только после этого здание опечатала комиссия профсоюза, усмотревшая-таки нарушение в нем нормальных условий труда.

В результате «целого комплекса мер» невнимания к судам и нотариату по Москве насчитывается около 40 вакансий судей и около 4 тысяч (!) незавершенных дел за прошлый год. Но Моссовет уж никак не обвинишь в особом участии к проблемам юстиции. И печально знаменитая осенняя сессия 1990 года никогда бы не нашла места в своем сверхнапряженном графике для утверждения судей, если бы и.о. начальника Управления юстиции Ю.Костанов буквально не отловил в кулуарах С.Станкевича с требованием поставить вопрос о судьях в повестку сессии. Вот так она и делается, политика!

А вот другой пример. В декабре юридическая комиссия Моссовета заслушивала очередных кандидатов на судейские вакансии. Кандидаты были с самым разным уровнем компетенции и жизненного опыта. Оперативник со стажем так терялся в элементарных вопросах, что я не хотел бы встретиться с ним ни в старой, ни в новой его должностях. Но когда стало известно, что он недавно вышел из партии, вопросов заметно поубавилось. К очередному же кандидату, в КПСС не состоявшему вовсе, вопросов практически не было. Только одобрительный гул. И так тоже делается политика.

И последнее. Конечно, на все эти вопросы сразу найдется резонный ответ: все можно решить, если будут деньги, но пока у нас столько бедствующих стариков, семей, больниц — до судов ли?

Но ведь не просят судьи чужого. Только за десять месяцев прошедшего года московские суды, по некоторым данным, внесли в казну 58 миллионов рублей при годовых затратах на столичное правосудие менее 8,5 миллиона.

Как уж тут не вспомнить богиню Фемиду с завязанными глазами и весами. Только на одной чаше этих весов сейчас сидит замерзший судья с чужим предзаказом, а на другой — не допусти, судьба, оказаться нам с вами.

Олег РОМАШКОВ

«Прежде всего, необходимо выбить из рук правящей олигархии материальные орудия ее силы — армию и полицию... Организация на предприятиях вооруженных рабочих отрядов, создание выборных солдатских комитетов... Ограничить заработную плату всех государственных служащих уровнем средней зарплаты рабочего... Нужна партия, организация пролетарского авангарда для революционной классовой борьбы...»

Вздروгнули? Вам неприятно читать реликтовые программные положения, давно канувшие в Лету? Но все дело в том, что написаны эти пламенные строки не сто лет назад, а в 1990 году.

Создание рабочей партии, которая в качестве секции Четвертого Интернационала будет вместе с трудящимися всего мира бороться «за рабочую демократию, за социализм», необходимо сегодня. Во всяком случае, так считает Алексей Гусев, председатель троцкистской партии — Комитета за советскую секцию Четвертого Интернационала.

Идея не нова и вызывает массу отрицательных ассоциаций. Может быть, поэтому ряды ее сторонников пока немногочисленны. В Москве в Комитет входят три (!) человека, есть еще несколько (!!!) троцкистов в Киеве и Новосибирске. Имеются «тесные контакты» с ленинградскими «Революционными пролетарскими ячейками» (15 человек).

Советский неотроцкизм молл во всех отношениях: Комитет А. Гусева существует меньше полугода, а самому старшему из «представителей передовой интеллигенции» — 35 лет.

— Старшему поколению долгие годы внушали, что этот кошмар и есть социализм, — считает Гусев. — Сейчас они оказались в классической ситуации — у разбитого корыта. А мы, молодье, видели и брежневизм, и горбачевский режим. И понимаем, что ни диктатура, ни сегодняшнее сползание в сторону капитализма — не для нас...

К рынку наши троцкисты относятся, мягко говоря, без симпатии. Товарищ Гусев напомнил предостережение товарища Троцкого о том, что «второе издание» капитализма в России возможно лишь в форме «кабально-колониаль-

ТРОЕ ПРОТИВ ГОРБАЧЕВСКОГО РЕЖИМА, или забытая мелодия для пролетариата

ной, азиатского образца». А вот еще одно пророчество Троцкого: буржуазия рано или поздно «должна будет искать для себя опору в имущественных отношениях». Именно этим, по мнению Гусева, и занимается сейчас «буржуазный урод» — КПСС. Глобальный же вывод троцкистов таков: реформы в нашей стране неосуществимы без «сильной руки», без диктатуры.

Предлагаемая альтернатива — для людей с крепкими нервами. «Иной путь, путь вперед есть. Социализм — не утопия». (Цитирую статью Алексея Гусева, написанную для первого номера журнала «Перманентная революция».)

Допустим, не утопия и вся наша история — сплошное извращение хорошей идеи. Так какой же он, настоящий социализм?

Помните, вначале — про «вооруженные рабочие отряды» и т.п.? Так вот, это — часть программы «возрождения в СССР власти трудящихся». Программа, между прочим, предусматривает «полное устранение существующей политической структуры».

— Новоизбранные парламенты и муниципалитеты, претендующие на место разлагающейся партократии, не имеют никакого отношения к подлинным Советам, — делится мыслями Алексей Гусев. — Сегодня эти органы, несмотря на свой «прогрессивный» состав, остаются простыми игрушками в руках закулисных сил — бюрократии и буржуазии. Нам необходима рабочая демократия. Советы

должны строиться по производственному принципу. Лишь тогда коллектив предприятия сможет быстро отозвать не оправдавшего надежд депутата... Что касается экономики, то мы наполним новым демократическим содержанием плановое хозяйство.

... Пожалуй, достаточно. «И мне агитпроп в зубах навяз...» Можно только позавидовать голландским, шведским и другим иноязычным рабочим. У них не только не возникает желания объединиться с пролетариями всех стран — многие из них даже не знают таких терминов — «пролетарий», «революционная борьба». А главное, никто не зовет их на баррикады и не предлагает организовать вооруженные отряды. Некогда, да и незачем... Остается надеяться, что советские трудящиеся, которых наши неотроцкисты уже включили в свои стратегические планы, найдут для себя что-то более интересное и перспективное.

А вот троцкистскому Комитету пожелаем здравствовать. Приятно же иногда собирать единомышленников, почитать любимые книжки и пообщаться... втроем. Но не больше.

М.Д.

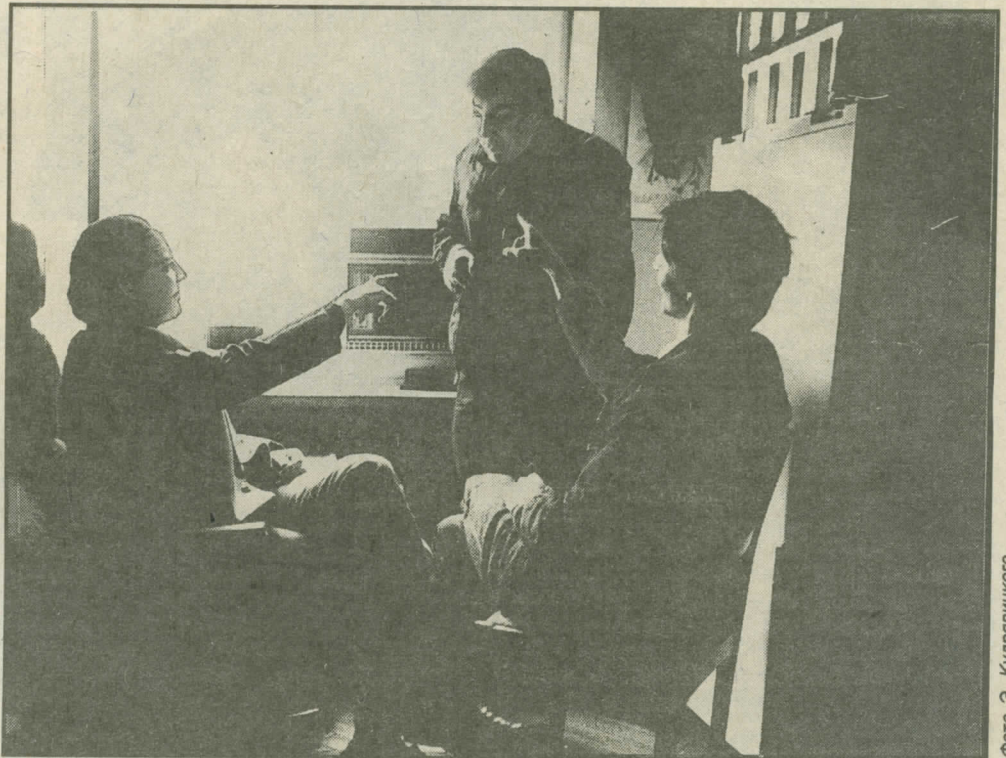
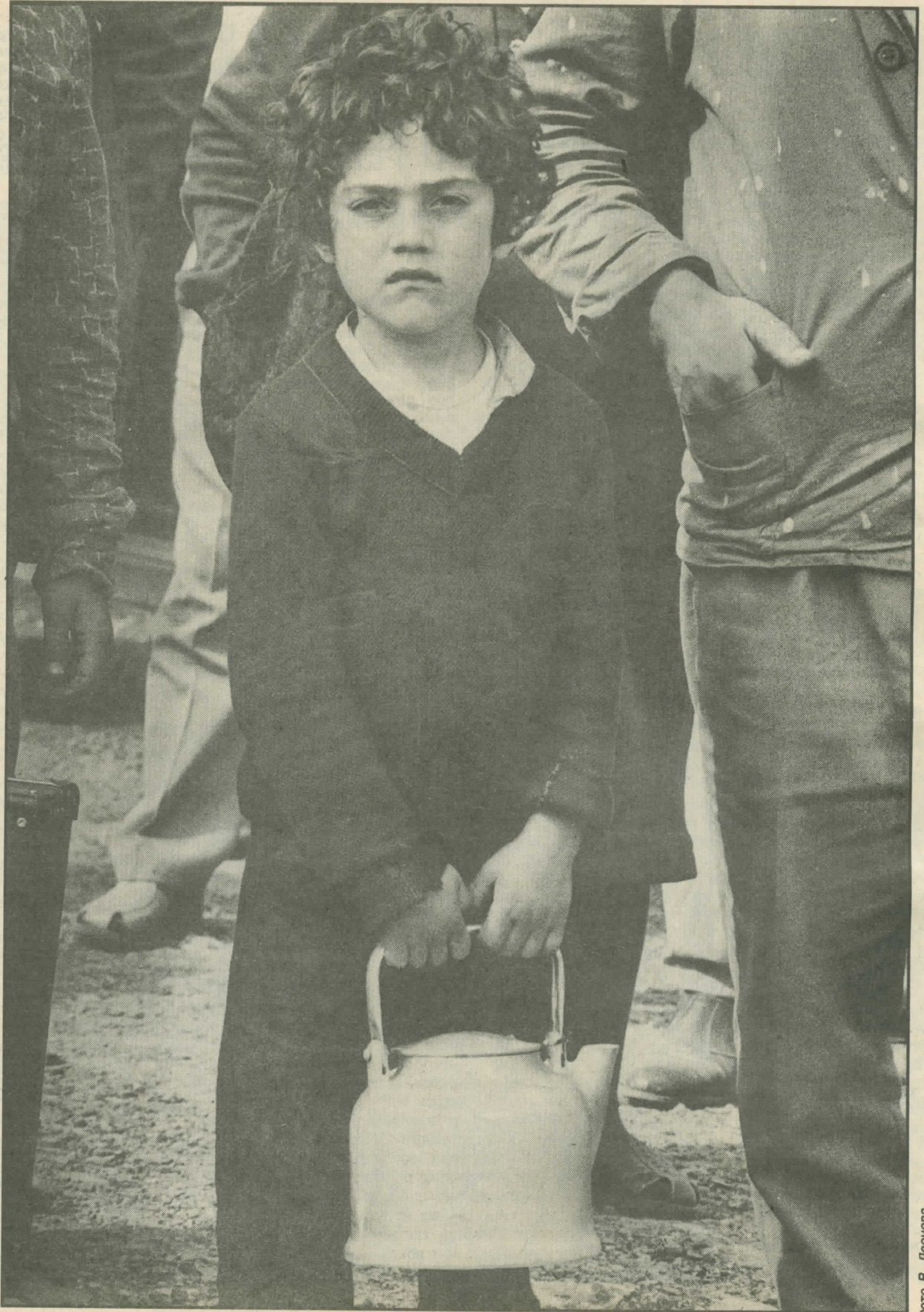
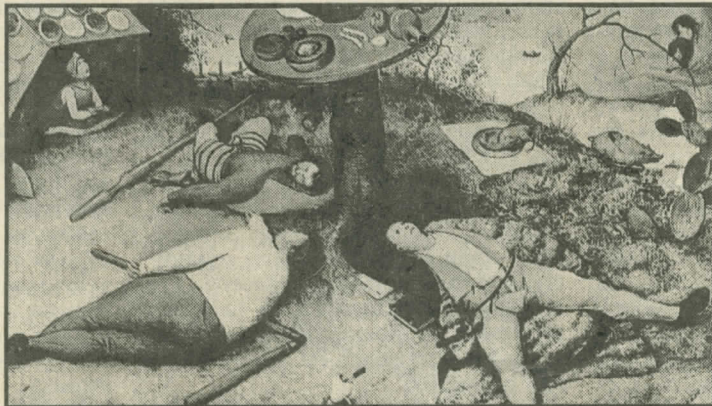

Фото Э. Кудрявского

КАПИТАЛ, ШОУ ИЛИ ПОЛЕ ЧУДЕС ?

Никто не накормит народ, пока вопрос «Быть ли крестьянину частным собственником?» остается вопросом идеологии, а не экономики.

Дольше века длится спор

Зрелищами, которые обрушивает на нас вторая общесоюзная программа (да и первая тоже), народ уже наелся. Ему бы теперь хлеба. И мяса. И...

Пример развитых стран Запада свидетельствует о прямой связи между сытостью, изобилием продуктов питания по доступным ценам и восприимчивостью к научно-техническому прогрессу. То есть: будет мясо — будут и автомобили. Да и наш дореволюционный опыт говорит о том же. Необыкновенный промышленный подъем, начавшийся после первой русской революции, в первую очередь обязан был успешному проведению столыпинской аграрной реформы.

Интересно, что дискуссия вокруг вопроса о земле на внеочередном Съезде народных депутатов России почти полностью повторила дебаты, разгоравшиеся зимой 1905 года на «Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (заметим, кстати, — почти за два года до реформ Столыпина). И уже тогда ясно была очерчена проблема, которую мы сегодня заново решаем: не оправдавшие себя коллективные формы землепользования есть плод идеологии, и, чтобы сытно кушать, надо изменить собственные представления. Заменить в нижеследующих цитатах слово «община» на «колхозы-совхозы», и вам многое покажется до боли знакомым.

«Я убежден, — говорил С.Ю. Витте, тогдашний премьер-министр, — что громадное большинство высказалось бы против

общины; опыт показывает, что отдельная у каждого собственность обеспечивает лучше... Но положение наше иное: община, как форма народного общежития, существует... Наша цель заключается не в том, чтобы уничтожить общину, а в том, чтобы... устранить те искусственные препятствия, которые ныне поставлены законом для сохранения общины».

Граф Витте говорил, как видите, о законах, которые «искусственно» поддерживают разваливающиеся на глазах формы коллективного сельхозпроизводства, не давая им самим издохнуть. Управляющий государственными сберегательными кассами А. П. Никольский выразился еще яснее: «Все надежды, возлагавшиеся в прошлом на общину, являлись плодом идеологии. Действительность дает яркую картину крушения всех этих надежд».

Кстати, примечательно то обстоятельство, что тогдашние защитники общины главным аргументом против частного землепользования выдвигали опасность быстрого классового расслоения. Сегодня защитники колхозов берут на вооружение этот же аргумент. Сходство ситуации, как видите, почти полное. Но есть разница: обсуждение аграрного вопроса и выработка решения (составившего костяк столыпинских реформ) значительно опередили обсуждение демократических свобод — гласности, плюрализма и т.д., говоря современным языком. Произошло это потому, что государственные мужи отдавали себе отчет в первостепенной важности вопросов собственности. Премьер-министр Витте говорил на том же Особом совещании, что Россия составляет исключение из всех стран мира в одном отношении: систематически, в течение более чем двух поколений (это тогда, а ныне? — И.А.) народ воспитывал-

ся в отсутствие понятий о собственности и законности. Какие исторические события явятся результатом этого, граф Витте затруднился спрогнозировать, но... «Но чую, что последствия будут очень серьезные...»

История мирового прогресса, движения человечества полностью совпадает с изменением отношений в сельском хозяйстве, с его эволюцией от коллективных форм землепользования к частным (а не наоборот). Эффективность сельскохозяйственного производства повышалась с каждым следующим шагом: от рабовладения — к колонату, затем, при феодализме, — от барщины к оброку. Высшей формой землепользования стала частная, поскольку именно она отвечала требованиям максимальной целесообразности, — она позволяла сосредоточить в одном лице и собственника-управленца, и рабочие руки, сокращая необходимые в предшествующих формах громадные штаты надсмотрщиков, управляющих, контролеров и т.п.

По Марксу основными показателями зрелости производственных отношений являются: то, как работник относится к собственности на средства производства; как участвует в распределении произведенного продукта; то, как принуждают его к труду. Если сопоставить по этим показателям феодальную и колхозно-совхозную системы, то принципиальных различий между ними найти почти невозможно. С уверенностью можно утверждать: пока существует почти рабская зависимость тружеников села от руководителя практически во всем (жилье, отопление, приусадебный участок, детский сад и т.п.), нет никакой гарантии, что не повторится история правления Героя Социалистического Труда педеровика Адылова, копирующего два века спустя правление помещицы Салтычихи.

«Попав в трясины, следует избегать резких движений...» (Из «Памятки туристу»)

Неэффективность коллективного землепользования для многих, можно сказать, для большинства, сегодня уже очевидна и, думаю, референдум, бог весть с какой целью затеянный Горбачевым, это только подтвердит. Но это не означает, что необходимо сию минуту начинать декolleктивизацию. А именно это предлагают сторонники «сверхрадикальных» перемен. Взяв на вооружение главный лозунг своих идеологических противников «Дашь!» и решения Российского парламента, они, кажется, уже готовы нарезать землю и каждому — продать? отдать? всучить силком? — причитающийся кус, в полной уверенности, что именно в юридически оформленной частной собственности на землю находится ключ к разрешению всех проблем сельского хозяйства. Основными аргументами в пользу приватизации земли служат обычно примеры быстрого насыщения рынка продуктов во времена нэпа или недавние аграрные преобразования в Китае. И, надо сказать, общественное мнение к таким мерам уже весьма благосклонно.

Что ж, давайте попытаемся разобраться. Нэп: верная марксизму-ленинизму Коммунистическая партия не продавала землю в частное пользование крестьянам. Тем не менее (без юридически оформленной частной собственности!) уже через год после смертного голода страна продавала зерно за рубеж. То же самое Китай: верная «четырем принципам», КПК не сделала юри-

дически частной ни одной пяди земли. Следующий пример: наше приусадебное хозяйство сегодня демонстрирует чудеса эффективности по сравнению с общественными полями. Тоже безо всякой частной собственности.

Отчего такая разница? Почему в указанных выше случаях (Китай, Россия при нэпе) аренда способна давать быстрый и эффективный результат, а в наших условиях все, чего мы добились за несколько лет демократизации, — это абсолютно пустые полки магазинов? В чем дело? Только ли в сопротивлении консервативных сил вообще и местных бюрократов в частности? Так их и в Китае было предостаточно.

Основное различие в том, что и наш нэп, и его китайский вариант, не сделав крестьянина собственником земли юридически, делали его собственником фактически. Крестьянин получал реальную, а не декларированную возможность полностью распоряжаться произведенным продуктом — свободно продавать (за вычетом налогов, разумеется).

Сегодняшняя же аренда проводится в полном соответствии с доброй традицией — провозглашать кардинальные изменения, ничего не меняя. По сути, отношения арендатора с колхозом или совхозом воспроизводят систему отношений государства с колхозами (совхозами): арендатор получает у монополиста-государства в лице колхозов, совхозов или других звеньев агропромышленного комплекса буквально все — землю, машины, инвентарь, удобрения, скот и т.д. И ему же, монополисту, обязывается за это сдавать всю произведенную продукцию по твердо установленным государственным ценам. Вот только где тут рыночные отношения, свобода конкуренции, чувство хозяина, если фактически арендатор остался одним из звеньев кол-

хозно-совхозной системы?

И ведь не откажешь авторам этих «революционных перемен» в логике. В самом деле, как еще заставить колхоз, которому спущен «сверху» план и все ресурсы даются исключительно под выполнение плановых заданий, помогать арендатору или частному собственнику: делиться с ним землей, семенами, машинами и т.д.?

Убежден, что систему отношений не сможет изменить выдвинутое на внеочередном съезде предложение правительства РСФСР наделить крестьянина не только земельным паем, но и причитающейся «долей стоимости основных производственных фондов». Этих мер абсолютно недостаточно, чтобы крестьянин стал независимым производителем сельскохозяйственной продукции, работающим на рынок, поскольку основным держателем и распорядителем всех ресурсов на селе по-прежнему остается государство в лице агропромышленного комплекса, который функционирует, руководствуясь планом, на «закрома Родины».

Еще одна проблема сельскохозяйственного производства, о которой стоит упомянуть особо и которую никоим образом не решит Закон о земле. Пустые прилавки продуктовых магазинов — это не только и не столько «заслуга» колхозов и совхозов, неспособных собрать весь урожай. Это в огромной мере — результат деятельности транспорта и перерабатывающих отраслей, которые ухитряются гноить до 30% сельхозпродукции. Бессмысленно пытаться перевести на рыночные рельсы только одну из отраслей народного хозяйства, если остальные, напрямую связанные с ней, остаются плано-директивными. Поэтому решение Съезда народных депутатов России о допустимости частной собственности на землю не имеет никакого экономиче-

ского значения. Скорее, это решение продиктовано политическими соображениями.

Законы бывают действующие и судбоносные

Первые отличны тем, что отражают жизненные реалии, образно говоря, расчищают путь уже существующему. Прочие же подобны мыльному пузырю: несмотря на обилие радужных красот, пользы от них — как от пузырей. Есть все основания полагать, что указанная юридическая частная собственность на землю сегодня может стать очередным мыльным пузырем, мутные брызги которого затуманят нужное дело на долгие годы.

Можно ли сказать, что уже сегодня частные формы землевладения достигли такого масштаба, что могут стать основным (или хотя бы сколько-нибудь заметным) производителем сельскохозяйственной продукции?

Союз фермеров и арендаторов надеется, что в ближайшее время в стране появится 180—200 тысяч самостоятельных хозяйств. В Америке, которую большинство радикальных экономистов приняли за безусловный пример для подражания, — около четырех миллионов фермеров. Значит, мы имеем на сегодняшний день менее пяти процентов от потребного. И это по американским меркам, которые к нам не подходят ни в коей мере, во всяком случае сейчас. Наше телевидение демонстрирует нам чудеса свободного труда у нас на селе в виде ста пятидесяти—двухсот голов крупного рогатого скота или до пятисот свиней на одну фермерскую семью — и это выдающиеся результаты! Американский же средний фермер выращивает три тысячи

свиней, а это уже не столько количество, сколько новое качество. Такой производительности американец достигает прежде всего благодаря принципиально иным условиям труда.

Нам обычно видится залог успехов американского фермера в высокой насыщенности хозяйства специальными механизмами и техникой. Безусловно, это одно из слагаемых успеха. Но мы забываем о наличии мощной разветвленной инфраструктуры, также ориентированной именно на фермерское хозяйство. Мы забываем об условиях быта, которые неминуемо сказываются на производительности труда. Западному фермеру, который занимается выращиванием свиней, не придет в голову выращивать еще и капусту для своего стола, разве что в качестве хобби. Нашему же фермеру неминуемо придется отвлекать часть своего труда на бытовые нужды. Ему придется обеспечивать себя и свою семью продуктами питания. А заготовить дрова на зиму? А ежедневно носить воду? (По статистике лишь 17% сельских домов имеют водоснабжение.) А отсутствие дорог? А еще множество проблем, крупных и мелких, на которые не приходится отвлекаться американскому фермеру? И все эти проблемы не решить в сколько-нибудь короткий срок, а значит, сегодня будет неизбежен полунатуральный, мелкотоварный характер наших фермерских хозяйств. А это означает, что потребность в фермерских хозяйствах сегодня у нас будет выше, чем в Америке, по самым скромным подсчетам, в 3—4 раза. Но тогда получается, что то количество фермеров, которое мы имеем сегодня, нам нужно увеличить в 80—90 раз.

Вдумаемся: не в два, не в три — в семьдесят раз! Реально ли это?

Мы сейчас часто повторяем слова: «Наша экономика больна». Но если мы

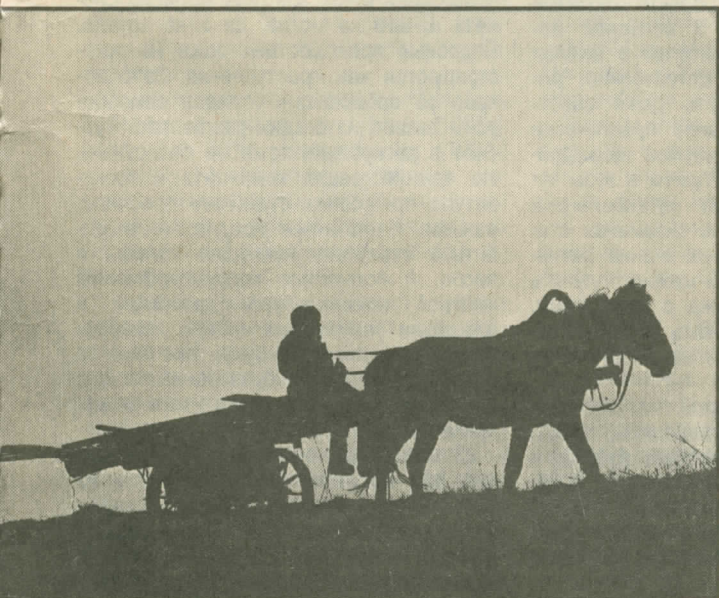
собираемся ее «лечить» всерьез, на деле, а не на словах, мы должны помнить главную заповедь врача: «Не навреди». Не навредить можно лишь тогда, когда учитываются все последствия каждого шага. Пока методы «лечения» остаются достаточно традиционными, а возможные последствия не просчитанными. Несмотря на разговоры о свободе крестьянина, все принимаемые решения вписываются в рамки дальнейшего усовершенствования колхозно-совхозной, то есть нерыночной, системы. И по-прежнему ничего не сделано для создания рыночного сельского хозяйства.

Создать его можно не в рамках, не на базе колхозов, а лишь параллельно им. Как это сделать — особый разговор. Но нужно помнить, что с колхозами (совхозами), как бы мы ни хотели обратного, нам предстоит еще пожить.

И прежде чем приступить к созданию частных форм землепользования, нужно сначала определиться: что же все-таки мы хотим создать? Нужно понимать, что если мы собираемся возрождать наше традиционное сельское хозяйство на основе деревенской модели, то это будет означать один комплекс мер, одну стратегию, один подход к решению вопросов. Если же это будут фермерские хозяйства западного типа — то совершенно иные.

Пока этой определенности нет. Пока нет ничего, кроме выстраданного убеждения, что все проблемы села можно решить одним махом — дав землю. Такая же искренняя вера в однодневные чудеса при помощи волшебных заклинаний была присуща знаменитому деревянному герою из детской сказки, который проводил свои аграрные эксперименты на Поле Чудес в неизвестной стране...

И. АНДРОНОВ

Тувинские события 1990 года были отражены в прессе достаточно широко, но все эти публикации имели, по нашему мнению, один недостаток — аналитики кинулись делать выводы, не собрав достаточного количества фактического материала, выстраивая аналогии со столкновениями в других регионах империи. Но Сумгаит, Фергана, Ош и т. п. отнюдь не явления одного порядка с Тувой. Если искать совпадения (да и то очень приблизительные), то они, быть может, в нынешнем противостоянии Кишинев—Тирасполь.

Рискнем утверждать, что Тува стала ареной первого в Советском Союзе чисто антирусского выступления, причем в классическом афро-азиатском стиле (заставляющем вспомнить знаменитое движение «Мау-Мау» в Кении).

Из официальной статистики: Тува — автономная республика в центре Азии, вошла в состав СССР в 1944 г. Население — около 300 тыс. человек. Площадь — ок. 200 тыс. кв. км. Столица — г. Кызыл (73 тыс. населения, кроме столицы еще 3 поселка городского типа. Два крупных горнодобывающих предприятия — комбинаты «Тувакобальт» (пос. Хову-Аксы) и «Туваасбест» (пос. Ак-Довурак).

Независимая Тувинская народная республика, захваченная Сталиным в конце второй мировой войны, стала классической колонией, где хозяйничали и хозяйничают крупные предприятия союзных министерств, а органы Советской власти являются чистым камуфляжем. Отношение к тувинцам как к «грязным туземцам» не только не скрывалось, а почти официально поощрялось.

Неофициальная статистика: из 150 тыс. коренного населения — 3 тыс. безработных (около 10% трудоспособной молодежи в возрасте до 30 лет). У населения скопилось более 10 тыс. единиц огнестрельного оружия (чабанам разрешено иметь нарезные карабины). По данным министра внутренних дел В. Б. Кара-Сала, посевы конопли в республике из расчета на душу населения больше, чем в Казахстане и Средней Азии. Наркоманов примерно 2,5 тысячи. Антиалкогольная кампания 1985—1986 гг., приведшая к тому, что водка в течение полугода в республике вообще не продавалась (а за привозимую из Минусинска и Абакана шоферы дальнерейсовики брали по 100 рублей за бутылку), резко увеличила количество наркоманов. Наркотики и оружие свободно перемещаются через границу в Монголию и обратно. Банды конокрадов перегоняют из Монголии краденый скот.

Детская смертность в республике — 40 чел. на тысячу родившихся. В се-

Неизвестная война

мьях кочевников (среднее количество детей 12—14) постоянные заболевания рахитом, дизентерией, бруцеллезом (от коров), сотни людей болеют открытой формой туберкулеза. В сельской местности некомплект учителей в школах составляет 70—80%. Естественно, детям кочевника получить даже советское высшее образование практически невозможно. Так называемое нацкадровое образование (т. е. прием в вузы тувинской молодежи по установленной квоте, когда тройки на экзаменах ставятся за молчание, а за знание латинского названия болезни можно получить отлично) плодит невежд с дипломами, которые не могут работать по специальности, да в городах их на работу и не берут.

Нагнетание социальной напряженности шло постоянно, конфликты, нередко кровавые, между группами русской и тувинской молодежи происходили в рабочих поселках, в Кызыле. В горную местность русские после гибели двух групп геологов и рыбаков не выезжали вообще.

29 декабря 1989 г. в поселке Хову-Аксы 8 джигитов («бесов» на местном жаргоне) напали на детей, игравших у новогодней елки. Местная милиция сделать ничего не могла, да и не хотела. Подобные происшествия даже не регистрируются как преступления. Зато вопрос об организации отрядов самообороны вышел из стадии разговоров. Русские в республике тоже не безоружны. Но администрация комбината и прокуратура пригрозили судебным преследованием. Начальники предпочли уподобиться страусам, прячущим головы в песок. А полностью коррумпированной местной номенклатуре, дрожащей в ожидании неминуемых чисток, заварушка была только на руку, так как по своей дремучей необразованности она не понимала, к чему это в итоге может привести.

23 мая в поселке прошла демонстрация под лозунгом «Русские! Прочь из Тувы!», на которой выступил лидер только что образовавшегося Народного фронта Бичей Сол. Он заявил, что НФ Тувы предлагает сдать горнодобываю-

Фото А. Ковалевича и Б. Акипова

1990 года

щие предприятия в аренду Китаю.

Вечером группы местных безработных и приехавшие степняки начали бить окна, стрелять в русских (милиции практически не было на улицах), стычки и столкновения произошли в Ак-Довураке и Кызыле.

В июне начались обстрелы КАМАЗов, ввозящих в республику бензин (100%), хлеб (ок. 50%), медикаменты (100%) и водку (нелегально). Рабочий комитет Минусинского автотранспортного предприятия, целиком работающего на перевозки в Туву, объявил о начале забастовки.

Началось массовое бегство русских рабочих, комбинаты оказались под угрозой полной остановки. Положение усугублялось и тем, что для успокоения демонстрантов в мае партийные боссы пообещали «лицам коренной национальности» руководящие должности на предприятиях, а безработным — освобождающиеся квартиры. Последнее вызвало волну угроз, похищений детей и т. д.

К середине лета опустели практиче-

ски все поселки геологов, буровиков, строителей. Распространялась информация о формирующихся в горах отрядах «джигитов», готовых идти на штурм поселков, комбинатов и даже столицы.

Всеобщее потрясение вызвало убийство трех рыбаков и несовершеннолетнего ребенка недалеко от Кызыла.

Прошли митинги русского населения в Кызыле, и только после этого власти начали что-то делать. К этому времени число убитых достигло 50 человек.

В республику началась переброска отрядов ОМОНа (по разным данным, было введено от 800 до 2,5 тысячи человек).

Замполит отряда милиции особого назначения рассказывает: «По приказу командира мы вывели из парка в/ч 3640 шестьдесят расконсервированных ЗИЛов, перегнали их по тракту на перевалы и практически отрезали горную часть республики от кызыльской котловины. Но еще до этого, по показаниям информаторов МВД, через перевалы просочилось до 300 вооруженных всадников (в нападениях на поселки

участвовало до 2 тыс. — О. В.). Около 40 подозрительных было задержано. Честно говоря, все это было пустой тратой бензина и времени. Чабаны отлично знают все тропы и прекрасно могут обходить перевалы...

Вооруженные группы появились в окрестностях Ак-Довурака. Свободный отряд ОМОНа занял позицию на южной окраине поселка под прикрытием развернутых в цепь машин. До вечера ничего не произошло, но в отдалении маячили конные: то появлялись, то исчезали. К 21.00 мы выставили заставы по всем направлениям. Когда начало темнеть, стали появляться группы конных, затем в нашу сторону было сделано несколько выстрелов из карабинов и двустволок. (Потом некоторые ребята говорили, что снова почувствовали себя, как в Афгане.) Первая группа конных на рысях ринулась на нас около 23 часов. По приказу вначале были брошены взрывпакеты и сделаны предупредительные выстрелы в воздух. Группа рассеялась. Затем, уже в полной темноте, еще дважды предпринимались попытки атаки. Теперь уже из автоматов били прицельно по всадникам. Слепили нападающих прожекторами. Явно были раненые и, может быть, убитые, но всех в темноте унесли. У нас никто не пострадал...»

Стычки с конными отрядами произошли и в Хову-Аксы. Здесь, по информации МВД, было убито три человека из числа нападавших и ранен омоновец. Постоянно происходили стычки в Кызыле. Общее количество убитых превысило в августе 80 человек. Отдельные группы нападали на поселки до середины сентября. И только с началом осени неизвестная война на время стихла, т. к. началась стрижка овец и заготовка кормов. Прекратились и нападения на КАМАЗы.

Номенклатура стала проводить «заслушивания» на бюро и выносить постановления об «усилении интернационального воспитания...» Квартир, продуктов и лекарств от этого, однако, не прибавилось. Рабочие места на комбинатах появились, но джигиты занять их не спешили: «Зачем работать, когда можно грабить?»

Очередь на железнодорожные контейнеры на год вперед. Комбинаты под угрозой остановки — видимо, будет широко использоваться труд заключенных. Русские бегут. Когда следующая военная кампания? Нынешней зимой?.. Будущим летом?

Олег ВОРОНИН
Агентство «Азия»

ХРОНИКА БУНТОВ В СССР:

5—9 марта 1956 года — многотысячные демонстрации и митинги, начавшиеся в Тбилиси в день смерти и похорон Сталина, быстро перекинулись на другие города Грузии (Батуми, Кутаиси, Рустави, Сухуми и др.). Участники выступлений требовали отмены решений XX съезда КПСС и восстановления «добраго имени» вождя. Принимались коллективные обращения к Молотову с просьбой выступить в защиту Сталина и возглавить союзное руководство. Разгоряченные толпы осаждали здание ЦК КП Грузии, пытались прорваться на центральный телеграф. 9 марта введенные в Тбилиси значительные силы войск подавили выступление, используя танки и огнестрельное оружие. Очевидцы сообщают о многочисленных жертвах.

2 ноября 1956 года — демонстрации литовской молодежи в Вильнюсе и Каунасе в связи с Днем поминовения усопших. Были проведены аресты участников, несколько человек исключили из учебных заведений.

24—27 августа 1958 года — волнения в Грозном в связи с убийством ингушом русского рабочего (из-за ссоры на танцах). Демонстранты славянских национальностей пришли с гробом к обкому, требуя выступления перед ними руководителей республики. Участники митинга (ок. 10 000 человек) смяли оцепление милиции и ворвались в здание. Из окон обкома разбрасывались самодельные листовки. Была зачитана резолюция, требующая выселения всех чеченцев и ингушей, расстрела тех из них, у кого будет найдено оружие, и образования власти русских. При попытке захвата телеграфа военные применили оружие. Сообщается об отдельных случаях расправ над жителями кавказских национальностей...

3—5 октября 1959 года — восстание молодых рабочих, занятых на строительстве «Казахстанской Магнитки». Рабочие, прибывшие в Темиртау из Европейской части СССР, были недовольны чрезвычайно плохими условиями жизни, представлявшими резкий контраст с обслуживанием занятых вместе с ними граждан из стран Восточной Европы. Волнения начались 3 октября в рабочей столовой, потом перекинулись на базар. Несмотря на противодействие милиции, рабочие соорудили баррикады, и вскоре около полутора тысяч человек присоединилось к восставшим. Прибывших из Караганды солдат рабочие разоружили, партийные активисты, вызвавшие к «сознательности масс», также не имели особого успеха. 5 октября специально переброшенные части внутренних войск начали наступление с использованием оружия. Очевидцы свидетельствуют о большом числе жертв при подавлении восстания.

30 июня 1961 года — во время похорон в Муроме мастера радиозавода (умершего, как полагают, от

побоев милиции) рабочие смяли милицейский кордон, препятствовавший движению похоронной процессии по улице Ленина, и, дойдя до горотдела, устроили митинг. Многие выступавшие рассказывали об избивании их в милиции, показывали следы от побоев. Вскоре здание горотдела было захвачено толпой, оружие и часть документов разобраны, задержанные из КПЗ освобождены. Милиция не оказывала никакого сопротивления. К вечеру толпа разошлась. Газеты сообщили о суде над шестью участниками беспорядков, трое из них были приговорены к расстрелу.

Июль 1961 года — после задержания участников инцидента на танцплощадке в Александрове на центральной площади города собралась большая толпа. Было захвачено и подожжено здание горотдела милиции. Один из парней залез на стену тюрьмы и стал кричать: «Да здравствует свобода!», но был застрелен тюремной охраной. Осада тюрьмы продолжалась несколько часов. Люди кидали бутылки и камни, в ответ раздавались винтовочные выстрелы. Вызванные на помощь войска не смогли быстро прибыть в город. Наконец, не выдержав огня, люди побежали. Партийные работники и сотрудники КГБ организовали преследование. Официально сообщалось о девяти осужденных, четверо из которых были приговорены к расстрелу.

Начало июня 1962 года — в связи с повышением цен на продукты питания во многих городах состоялись рабочие выступления. События в Новочеркасске 1—2 июня 1962 года достаточно подробно описаны прессой. Их итогом стал расстрел семитысячной рабочей демонстрации (24 убитых, 30 раненых) и осуждение 105 участников волнений, семеро из которых были приговорены к расстрелу. Есть свидетельства о многочисленных жертвах при вооруженном подавлении рабочих волнений в трех городах Донбасса (Донецк, Артемовск, Краматорск). По некоторым данным, в Донецке застрелился командир армейской части, отказавшийся отдать приказ стрелять в рабочих. Отрывочные сведения о кровавом усмирении забастовок поступали из Кемерово и других городов Кузнецкого бассейна. Волнения и столкновения с милицией в этот период имели место также в Иванове — на заводе сельхозмашин и на текстильной фабрике.

Июнь 1962 года — в Днепропетровске из задержанных милицией нескольких участников свадебных гуляний двое погибли в попавшем в аварию и загоревшемся милицейском автомобиле, брошенном на произвол судьбы «стражами порядка». Возмущенные люди разгромили горотдел милиции и горком КПСС. Беспорядки подавлены военными с применением оружия.

ОТ XX СЪЕЗДА КПСС ДО СМЕРТИ БРЕЖНЕВА

1962 год — киргизо-узбекские столкновения в Джалал-Абаде (Киргизия).

Июнь 1963 года — в Кривом Роге на остановке трамвая пьяные милиционеры жестоко избили человека за то, что он курил в вагоне, и открыли стрельбу по прохожим, бросившимся на помощь. Возмущенные люди, несмотря на выстрелы, захватили и сожгли райотдел милиции. Тысячи жителей микрорайона собрались у телеграфа, требуя приезда представителей правительства. Вечером район волнений был оцеплен солдатами танковой дивизии. Подавление беспорядков заняло три дня. Милиция, применяя оружие, рассеивала скопления людей, многие участники волнений защищались. Свидетели сообщают о многочисленных жертвах. Официально сообщено об осуждении 7 участников волнений и 4 работников райотдела милиции, виновных в возникновении беспорядков.

Апрель 1965 года — первая неофициальная демонстрация в Москве. По инициативе молодежной литературной группы СМОГ около 200 человек собралось у Центрального Дома литераторов с лозунгами, содержащими требования творческих свобод. Среди них — лозунг «Лишим соцреализм девственности!».

24 апреля 1965 года — несанкционированное 100-тысячное траурное шествие в Ереване в связи с 50-летием геноцида армян турками. В этот день студенты, собравшись с утра в институтах, не приступили к занятиям, а двинулись по улицам к центру Еревана с лозунгом «Справедливо решить армянский вопрос!». Рабочие и служащие многих организаций присоединялись к демонстрантам. С полудня на площади Ленина начались митинги. К вечеру толпа окружила здание оперы, где проходило официальное «собрание обществу» в связи с годовщиной трагедии. В окна полетели камни. После этого демонстранты были разогнаны с использованием заранее подготовленных пожарных машин.

5 декабря 1965 года — первый митинг правозащитников на Пушкинской площади в Москве с требованием освобождения арестованных КГБ писателей Синявского и Даниэля. Из 200 участников и зрителей задержаны около 20 человек. Примерно 40 студентов исключено из институтов.

8 октября 1966 года — прошли митинги крымских татар в Анджане (2000 чел.) и Бекабаде (более 2000). Через 10 дней состоялась митинг крымских татар по случаю 45-летия образования Крымской АССР — в Фергане (более 2000 участников), Кувасае, Ташкенте, Чирчике, Самарканде, Коканде, Янгикургане, Учкудуке. Многие митинги разогнаны. Только в Ангрене и Бекабаде задержано более 65 человек. 17 из них осуждены за участие в «массовых беспорядках». При разгонах митингов в этих двух городах

милицией использовались брандспойты, дымовые шапки и дубинки.

17 мая 1967 года — на базаре во Фрунзе распространился слух об убийстве милицией задержанного здесь пьяного солдата. Пятитысячная толпа, смяв войсковое оцепление, взяла штурмом здания городского управления и двух райотделов милиции. Один из участников беспорядков был застрелен при попытке проникнуть в комнату, где находилось оружие. К вечеру участники беспорядков разошлись. Осуждено 9 человек.

22 мая 1967 года — во время традиционного собрания и возложения цветов к памятнику Тараса Шевченко в Киеве было задержано несколько человек. Возмущенные люди обступили милицию и скандировали «Позор!» Позднее 200—300 участников собрания направились к зданию ЦК, чтобы выразить протест и добиться освобождения арестованных. Власти пытались остановить движение колонны водой из пожарных машин. В половине второго ночи прибывший на площадь министр охраны общественного порядка республики пообещал освободить задержанных, и через полтора часа их отпустили на глазах у 40 ожидающих демонстрантов.

13 июня 1967 года — антимилицейское восстание в Чимкенте. После гибели одного из шоферов в медвытрезвителе на собрании коллектива автопарка было решено «разобраться» с милицией. К полудню около 3000 человек собралось у автовокзала. Вскоре были сожжены здания городского и областного управлений внутренних дел. До позднего вечера шоферы пытались прорваться в помещение тюрьмы. Охрана вела автоматный огонь, вызвавший многочисленные жертвы. Ночью собравшиеся на площади были разогнаны подошедшими из Чирчика курсантами танкового училища. В печати сообщалось об осуждении 13 человек, четверо из них были приговорены к расстрелу.

Июль 1967 года — после задержания на базаре в Нальчике демобилизованного солдата-кабардинца распространился слух об убийстве его милицией. 4—5 тысяч человек осадили опорный пункт милиции, требуя показать им солдата. (Солдату ранее удалось бежать, но его отсутствие еще больше усилило подозрения.) Базар окружили подразделения милиции и внутренних войск. Призывы партийных руководителей к успокоению успеха не имели. Местный участковый, известный, по утверждению свидетелей, своей жестокостью, был убит при попытке вывезти его с базара на армейском автомобиле. После этого толпа рассеялась. За участие в массовых беспорядках осуждено 15 человек, четверо из них приговорены к расстрелу.

2 сентября 1967 года — милиция разогнала в Ташкенте многотысячную демонстрацию крымских татар, протестовавших против разгона 27 августа двухтысячного собрания-встречи с представителями крымско-татарского народа, возвращавшимися из Москвы после приема их членами правительства. Задержаны 160 человек, 10 из них осуждены.

21 апреля 1968 года — массовое избиение милицией крымских татар во время их традиционного гулянья в городском парке г. Чирчик. Задержано более 300 человек, 10 из них осуждены по уголовным статьям.

Окончание следует

Азия-Пресс

КРЮЧКОВ «ПОДСТАВИЛ» И ПРЕЗИДЕНТА, И ПРЕМЬЕРА, СЧИТАЕТ БОРИС КУЗНЕЦОВ, АДВОКАТ ГЕНЕРАЛА КГБ ОЛЕГА КАЛУГИНА

— Борис Аврамович, как случилось, что никому не известный юрист стал адвокатом суперпопулярного Олега Калугина?

— Я магаданец. Двадцать лет проработал в розыске. Занимался раскрытием тяжких преступлений. В 1982 году ушел на пенсию. Работал в адвокатуре, откуда меня через год выгнали. Потом руководил группой экологической экспертизы в Институте биологических проблем Севера.

— За что, если не секрет, вас выгнали из адвокатуры?

— Несмотря на то, что я проработал в розыске в самые застойные годы, должен сказать, что моя совесть совершенно чиста. Те люди, которых я когда-то ловил, сохраняли со мной, как ни странно, человеческие отношения. Многие и сейчас пишут, обращаются за помощью. И вместе с тем я не знал, что буквально по соседству работники ОБХСС творили беззаконие: устраивали провокации по «золотым» делам, подкладывали людям золото. И вот, будучи адвокатом по одному «золотому» делу, я с этим столкнулся. Мне удалось доказать, что моего подзащитного спровоцировали на хищение, и я заявил об этом суду. Меня обвинили в разглашении какой-то тайны и через некоторое время под надуманным предлогом из адвокатуры исключили.

Но адвокатскую деятельность я не бросил. И, не сочтите за нескромность, еще ни одного дела не проиграл.

— Как же все-таки вас нашел Калугин?

— Все началось с Белозерцева. Я ведь работаю его помощником. Познакомился с ним, защищая одну женщину, которую незаконно уволили с работы. Параллельно она обратилась и к нему. В Москве мы с ним встретились по этому поводу, я кое в чем еще ему помог, и Белозерцев пригласил меня быть своим помощником.

К Сергею стал заходить Калугин. Он попросил о помощи в избирательной кампании. По-моему, мне хорошо удалось подготовиться на последнем этапе теледебатов Калугина с его конкурентом.

Когда случилась вся эта история с лишением звания, наград и пенсии, Олег Данилович советовался со многими юристами. Все сочувствовали, но помощи не предлагали. Я попросту посоветовал обратиться в суд. Мне кажется, что я переступил чисто психологический барьер, который для многих юристов продолжает существовать. Как это подать в суд на Президента, на председателя КГБ? Не хочу сказать, что я совсем уж бесстрашный человек. Нет. Просто надоело бояться.

Итак, 29 июля заканчивался срок обжалования, а 27-го я эти жалобы только написал. Естественно, правовая основа была не проработана. Я чувствовал, что это так, и писал. Это потом пришлось изучить дополнительно законодательство, в том числе и военное. И в основном все оказалось правильно. Правовая позиция была несколько скорректирована, но суть осталась прежней.

Во-первых, незаконно решение, принятое по Калугину персонально, во-вторых, целый ряд подзаконных актов противоречит законам и Конституции. Например, по новому законодательству института лишения пенсий нет вообще. А ранее действовавшее законодательство, вернее, даже подзаконные акты, такую воз-

можность предусматривало в нарушение Конституции.

— Борис Аврамович, не пришлось ли вам преодолевать определенный нравственный барьер, когда вы решались защищать работника КГБ. Да еще и генерала?

— Нет, не пришлось. Знаете, по-моему, это стереотипный подход, и мне кажется, я от него свободен. К тому же Калугин ведь не простой генерал КГБ. Сразу со студенческой скамьи он попал в Штаты и прожил там много лет. Америку он знал, пожалуй, лучше, чем Союз. Видя «язвы капитализма», он считал, что у нас ничего подобного нет и быть не может. И когда, приехав сюда, с этим столкнулся, он же просто не мог смириться. Начал писать, жаловаться, докладывать по инстанции. Чем это кончилось, мы видим.

Заметьте, КГБ — настолько элитарная организация, что там сейчас даже не принято расправляться со своими работниками, ставшими неудобными. Их тихо задвигают, дают понять. Если человек не понимает, его отправляют на пенсию. С почестями. Точно так и произошло с Калугиным. Так что, на мой взгляд, у него действительно безупречная репутация.

Конечно, во всей этой истории наверняка сыграло роль чувство личной неудовлетворенности. Человек не старый, хорошо образованный, журналист, дипломат, он не реализовал свои возможности в полной мере. И пытается это сделать сейчас.

— Вам удалось получить свидетельства министров, что заседания Совмина 29 июня не было и решение принималось Рыжковым единолично. По сути дела, вы доказали, что премьер-министр совершил подлог. Но скажите, как же вам удалось добиться признания министров? Или это были личные враги Николая Ивановича в Совмине?

— Нет, не враги. Просто они не ведали, что творят, отвечая на запросы.

У меня достаточно богатый опыт розыскной деятельности. Когда преступление совершается тайно, всегда приходится изобретать какие-нибудь «военные» хитрости, учитывать психологические особенности конкретного человека или группы людей. Совсем не обязательно при этом кого-нибудь обманывать.

В данном случае я попросил Сергея Белозерцева подписать несколько депутатских запросов министрам. Тексты подготовил сам. Думаю, что я все очень верно рассчитал. Во-первых, министры в большинстве — узкие профессионалы в своей области. Во-вторых, все они с некоторым снисхождением, мягко говоря, относятся к депутатскому корпусу. Особенно когда приходящие к ним запросы не очень грамотны. Часто бывает, что пытаются тут же «уесть» депутата. Учитывая все это, я и написал запросы. Запросы, надо сказать, совершенно идиотские. Не хочу ставить министров в неудобное положение, так что никаких фамилий называть не стану. Но исключительно в качестве примера, один из запросов выглядел примерно так: «Уважаемый товарищ министр. Прошу сообщить, почему Вы не были на заседании Совета Министров 29 июня 1990 года, на котором рассматривался вопрос о строительстве Байконурского деревообрабатывающего комбината?» Приходит возмущенный ответ министра: «Какой Байконур? Какой комбинат? Там нет ни одного дерева! И вообще никакого заседания в этот день не проводилось, потому что в этот день был Пленум ЦК КПСС, и я был там!»

И таких ответов у нас шестнадцать.

— *Вы как-то выбирали министров или посылали запросы наугад?*

— Конечно, выбирал. Никому из тех, кто мог бы, по моему мнению, догадываться, в чем тут дело, я запроса не посылал. Заранее собрал характеристики и примерно знал, кто что будет отвечать.

— *Помнится, когда подлог обнаружился, председатель КГБ как ни в чем не бывало заявил, что Калугина лишили звания точно так же, как и присвоили.*

— Да, это очень любопытное заявление. Во-первых, Крючков тем самым признал, что звания Калугин лишен незаконно. Во-вторых, с формальной юридической точки зрения получается, что генерала Калугина никогда в КГБ не существовало. Возникает естественный вопрос: а как же с остальными генералами? Может быть, у нас вообще не существует генералитета? А как быть с самим Крючковым?

Вообще сейчас ситуация такова, что и руководство КГБ, и Совмин, а возможно, и сам Президент стремятся любыми путями не допустить, чтобы это дело рассматривалось в судебном заседании. Каждый день такого процесса — это удар по престижу этих ведомств.

Но такого ущерба, который нанес своей организации сам Крючков, не могла бы нанести ему ни одна заинтересованная разведка мира. Мы все прекрасно знаем о способностях нашего руководства в этой области. Вспомните феномены Гдльян с Ивановым, феномен Ельцина. Совершенно очевидно — чем хуже, тем лучше. Как только Калугина лишили звания, его тут же выдвинули в депутаты. Как только возбудили уголовное дело, его избрали.

— *Нет ли каких-нибудь известий из Главной военной прокуратуры? Я имею в виду дело о разглашении государственной тайны.*

— Это дело будет расследоваться месяцев шесть. Должна проводиться экспертиза. Но у наших процессуальных противников из военной прокуратуры положение очень сложное. Я им не завидую. Во-первых, надо иметь перечень сведений, составляющих государственную тайну. Второе — необходимо, чтобы эта тайна не была раньше известна. А ведь Калугин человек очень осторожный. И, по совести говоря, никто ведь в его выступлениях ничего нового для себя не открыл. Все это давно не тайна для народа.

— *А в каком состоянии сейчас дела с жалобой на Горбачева?*

— Надеюсь, она будет рассматриваться. Правовая ситуация там однозначна. Президенту по Конституции дано лишь право награждать, а право лишать наград ему дать, видимо, забыли. Отнять награды мог раньше только Президиум Верховного Совета. Сейчас идут разговоры о том, что Президент является правопреемником Президиума. Все функции одного органа могут передаваться другому только письменно. Суд может выносить решения только по писаному закону.

Так что Крючков здорово тогда подставил и Рыжкова, и Горбачева. Я полагаю, что юридические советники Президента этого указа не видели, иначе они не допустили бы его подписания. А сам Горбачев, хотя и называется юристом, юрист, конечно, никакой.

Лучшим выходом из положения было бы принесение извинений Калугину и почетное увольнение Крючкова на пенсию.

— *Ну а если честно, Борис Аврамович, вы надеетесь выиграть этот процесс?*

— А мы его уже выиграли. Выиграли морально, выиграли политически. Мы создали важнейший прецедент, подав жалобу в суд на высших должностных лиц государства и заставив суд эту жалобу рассматривать. Что же касается формальной стороны дела, то здесь предстоит еще борьба.

Беседу вел Алексей ЗУЙЧЕНКО

Бабушкины сказки

Моей бедной неграмотной бабушке никогда не нравилось разоружение. Сидя у телевизора, она гордилась могучей советской военной техникой.

«Как же нам жить-то без армии, — рассуждала она. — Без армии давно бы погибла страна, ведь солдаты убирают урожай, тушат пожары, спасают нас при наводнениях и ураганах».

Вспомнил я свою покойную бабушку, прочитав статью собственного корреспондента «Литературной газеты» по Поволжью Жана Миндубаева «Где наш хлеб?», в которой командующий военным округом генерал А. Макашов представлен в роли спасителя городов Поволжья и Урала. Приведу отрывки из этой статьи:

«Ропот негодования, грозивший стать бунтом, дошел до местных властей. Колоколом громкого боя раздался телефонный звонок из обкома в кабинете генерала А. Макашова, командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа... Генералу не надо было долго объяснять суть дела. Ему приходилось спасать города от бунтов — в частности, не так давно он уберег Пермь, срочно доставив туда тысячи пачек махорки из войсковых запасов, — там назревал табачный мятеж... Оперативно действовал военачальник и на этот раз. Был объявлен призыв запасников-хлебопеков. Развернули полевой хлебозавод. На городские хлебозаводы были направлены солдаты... Макашов спас Самару».

Подобная благодетельская роль генерала Макашова в спасении городов Поволжья и Урала напоминает мне старую подростковую игру, когда влюбленный подросток просил своего друга имитировать в темном переулке нападение на гордую девушку, а сам, словно киношный супермен, ловко спасал ее от «злостного хулигана». Финал этого трюка известен всем: спасенная девушка навеки обязана своему спасителю. Бывают при этом случаи, когда гордая и недоступная девушка полнокровно «спасителя» навсегда. Вот примерно таким же образом добывается любви народов Поволжья и Урала генерал Макашов. Видимо, жители Самары и Перми тоже обязаны заплатить ему жизнью за солдатский хлеб и махорку. Не зря, видимо, говорят советские идеологи, что у нас всегда есть место подвигам.

Л. ЗАКИРОВ,
г. Казань.

АНТИКРАСОТА НА СЛУЖБЕ МИРА

СЛАВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ МИРА
ЗА СЧЕТ ДОВЕРЧИВЫХ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ И НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Никто после Достоевского не придумал более точной формулы: «Красота спасет мир». Красота поступков, мыслей и побуждений, отношений между людьми. Красота бескорыстия, идеализм — вот та черта, которая должна бы характеризовать народное движение за мир во всем мире. У нас в стране за главного «голубя мира», вожака-мироносца выступает от нашего имени Советский комитет защиты мира. О нем и речь в контексте высоких (но в разговоре о спасении мира — неизбежных) понятий красоты и совести. Сколь достоин сегодня СКЗМ, декларативно независимая от «идеологического госзаказа» структура, играть свою прима-миссионерскую роль?

Во всех цивилизованных странах действует федеральный закон, согласно которому статус неправительственной организации новым формированиям ООН дает лишь при соблюдении двух условий. Первое: демократизм движения — открытые выборы и ротация руководящих органов. Второе: ежегодный отчет о финансовых расходах, заверенный независимым ревизором.

Дата последнего обновления секретариата СКЗМ — январь 1985 года. Нынешний же председатель СКЗМ Г. Боровик был «рекомендован» на должность А. Добрыниным. С тех пор конференций Комитета, символизирующих «свободные выборы», не проводилось. По знаку, поданному с того же столичного «пятачка» (Старая площадь — Лубянка), первым замом председателя СКЗМ стал доктор исторических наук полковник Р. Богданов, ответственным секретарем Комитета — бывший 2-й секретарь ЦК ВЛКСМ В. Федосов.

Средства массовой информации вчерашнего нашего «врага № 1» Соединенных Штатов обзывали наш СКЗМ «органом пропаганды ЦК КПСС под видом общественных мероприятий» и «средством налаживания неформальных контактов КГБ СССР». А мы тем временем не только путем добровольных пожертвований, но и автоматическим отчислением из фонда заработной платы в Фонд мира содержали Комитет. Тем самым помогали ЦК КПСС, до недавних пор ежегодно отпускавшему от

8 до 9 миллионов рублей на прием Комитетом иностранных делегаций и 4—5 миллионов долларов на содержание его представительств за рубежом и на миротворческие заграничные поездки.

По мере перестройки дотации ЦК КПСС Комитету прекращены. Убывают жертвенные поступления в Фонд мира. Слишком много в наше проблемное время народилось других благотворительных фондов. Растут вокруг, как под дождем борвики, новые и новые (и пока, действительно, неформальные) организации, вторгающиеся на поприще охраны мира, где привык быть монополистом СКЗМ. Где он привык защищать мир почти по Достоевскому — при помощи красоты. Внося для начала хотя бы в свою, «народно-дипломатическую», среду элементы «красивой жизни».

А где их почерпнешь? — только за кордоном. Скажем, председатель СКЗМ Г. Боровик за один год пересекал границу (в один конец) более 20 раз, отсутствуя на Родине большую часть года. Бывший его зам В. Богданов «почерпнул» заграничного воздуха 6 раз за то же время. Впрочем, не в количестве дело...

Из «Акта проверки правильности расходования валютных средств...», составленного ревизионной бригадой Акционерного общества по оказанию аудиторских и консультационных услуг «Инаудит»: «В постановлениях Секретариата СКЗМ на командирование делегаций за границу чаще всего не указывается цель командировки, а делается запись: «в связи с предполагаемым выездом...» Советские делегации при выезде за границу не имеют ни определенного плана работы, ни программ пребывания за границей, ни финансовых условий, на которых советская делегация будет принята, что является грубейшим нарушением правил выезда советских работников за границу... Сметы часто составляются без учета реальных потребностей советских делегаций в валютных средствах за границей. В ряде случаев необоснованно закладываются расходы по статье «квартирные расходы», в то время как принимающая сторона обеспечивает бесплатное проживание... По существующей практике делегации или отдельные лица, выезжающие за границу

по приглашению зарубежных организаций, как правило, обеспечиваются бесплатным жильем помещением или питанием или тем и другим... Проверкой установлено, что членам делегаций СКЗМ, выезжающим за границу по приглашению зарубежных или международных общественных организаций, как правило, выдаются авансовые суммы в инвалюте на оплату гостиницы и выплачиваются суточные в размере 100%...»

Эта практика — отнюдь не «пережиток застойных времен». Так, в октябре минувшего года дополнением к постановлению Секретариата СКЗМ, завизированным всего тремя вместо положенных восьми подписей, предусмотрены расходы на разъезды по маршруту Стокгольм—Гётеборг—Куруна—Стокгольм т. Зорина В. С. в сумме 6400 шведских крон (1152 доллара). Цель поездки: «встречи с руководством антивоенных организаций... и выступления с лекциями по актуальным проблемам советской внешней политики». Если даже предположить, что в Швеции внезапно возник острый дефицит знаний о внешней политике Советского Союза, то, по логике, оплачивает поездку лектора приглашающая сторона. Иначе вызывает сомнения само обоснование путешествия члена Бюро президиума СКЗМ В. Зорина в одну из самых заманчивых для простого советского гражданина стран.

В защиту мира (опять же путем пропаганды «красивого образа жизни» на собственном примере) активно включены сегодня и члены семей руководства СКЗМ. К примеру, Комитет оказывает визовую поддержку, упрощает приобретение авиабилетов в Испанию для жены, дочери и 6-летнего внука Г. Боровика по приглашению Королевского музыкального фонда сроком на 30 дней. Все расходы отнесены за счет Г. Боровика, а не Королевского, принимающего гостей, фонда. Летний отдых в Мадриде — завидуйте, да и только, все, кто не причастен к тайнам советской «народной дипломатии!» Тем же летом минувшего года в группе делегации школьников Центра детской дипломатии им. Саманты Смит выезжают среди других детей на 37

дней в США не имеющие никакого отношения к этому Центру дети руководства Комитета.

Немного ранее комиссия партбюро СКЗМ рассмотрела вопрос о «злоупотреблении служебным положением» первого заместителя председателя Комитета Р. Богданова, который «трижды за короткий промежуток времени провел оформление выезда через СКЗМ в Западный Берлин своего зятя Клименко И.С. — сотрудника НИИ санитарной техники Минстройматериалов СССР». Вылетел за рубеж Клименко через КПП Шереметьево, а вернулся в Союз уже через КПП Брест на собственном автомобиле марки ВАЗ-2109, номер В 954 Н... Парткомиссия в лучших коммунистических традициях взывала к партийной совести Р. Богданова. Но разве «чисто по-человечески» не понятен порыв миролюбца высокого ранга «порадеть родному человечку»?

Не так давно придирчивая наша пресса обрушила град упреков на руководящие голы СКЗМ за юбилейное разбазаривание народных средств — поездку представителей «народной дипломатии» в город Канзас в связи с празднованием 100-летия президента Соединенных Штатов Эйзенхауэра. Абстрагируясь от финансовой стороны дела, посмотрим, представителей какого советского сословия направил СКЗМ пожить в американских семьях во имя укрепления неформальных человеческих контактов между нашими странами: зам. директора ЗИЛа; генеральный директор тракторного завода г. Владимира; секретарь горисполкома Алма-Аты; генеральный директор ВАЗа; зам. председателя Совмина республики Коми; predisполкома из Мурманска; сотрудник треста столовых с Украины; первый секретарь обкома из Смоленска; зав. сектором идеологии ЦК КП Таджикистана и министр торговли из Таджикистана; зам. директора филиала Центральной базы Мосмелбурга.

При все расширяющемся, несмотря на разрядку, размахе борьбы за мир за пределы родной страны простого, прямого финансирования из Фонда мира одноименному Комитету явно недостает. Комитет поистине творчески решает трудную задачу по сохранению набранной уже «высоты полета» своих «голубей мира» по заморским странам. В нарушение всех законов СКЗМ открыл «специальный долларовой счет № 1067» в американской турфирме «Энниверсари Турз». Приняв в СССР за наш с вами рублевый счет делегацию нью-йоркского отделения организации «Сейн» (с женами), СКЗМ без всякой бумажной волокиты с постановлениями секретариата договорился, что руководитель американской делегации в порядке компенсации откроет счет Комитета за рубежом и внесет сумму 9000 долларов. Эти средства в дальнейшем расходовались на приобретение авиабилетов на рейсы внутри США, оплату гостиниц и

Фото К. Бабалова

автотранспорта для делегаций СКЗМ в Америке. Около 1000 долларов со счета в «Энниверсари Турз» было потрачено на территории СССР для закупки спиртных напитков и «других представительских целей» в ходе Круиза мира по Днепру летом 1987 года. Деньги с этого счета были полностью израсходованы уже к ноябрю 1987 года, но он продолжал существовать с отрицательным сальдо (то есть в долг) в размере 2843,43 доллара вплоть до конца 1990 года, несмотря на неоднократные обращения к Генриху Боровику президента «Энниверсари Турз» Джея Шаффнера с просьбой решить дело «по-честному» и с «самыми наилучшими пожеланиями дальнейших успехов СКЗМ в его деятельности на благо нашего единого мира, свободного от угрозы ядерной войны и уничтожения...»

Утомившись от нападков критики, желая восстановить репутацию постоянного выразителя мирных чаяний своего народа на мировой арене — и вместе с тем не потерять и свое «фирменное» достоинство, — СКЗМ сейчас делает ставку на самостоятельную добычу денег. Внутри, вокруг да около основной советской «цитадели мира» возникают и приживаются различные ассоциации, коммерческие объединения, кооперативы и совместные предприятия. При этом не разработана и официально не принята политика взаимоотношений Комитета с этими организациями, не ведется бухгалтерский контроль над бесчисленными коммерческими выездами по линии мира и разоружения. Председателю никаким боком не касающегося СКЗМ знаменитого кооператива «Кропоткинская, 36» А. Федорову, его жене и дочери были выписаны служебные паспорта с многократной визой на 3 года...

Из отчета комиссии партбюро СКЗМ:

«...В ряде случаев в документах не формулировались задачи и цели поездки... или формулировались самым общим образом типа «для развития делового сотрудничества...»

Однако встречается в документах о выездах доморощенных дельцов — творцов мира во всем мире и весьма четкая постановка цели путешествия: например, члены СП «Сона Венчерз» из Марийской АССР дважды посетили Штаты «для проведения эксперимента по кастрации животных» (!).

Исключительно безупречно, на фоне остальных комитетовско-кооперативных взаимоотношений, оформлен договор сотрудничества между Советским комитетом защиты мира и кооперативной фирмой «Фитон» из Саратова, специализирующейся по выпуску... губной помады, — тоже по линии СКЗМ. «Фитон» арендует комфортное, весьма дорогостоящее по нынешним временам помещение под крышей СКЗМ на проспекте Мира, официально отчислая не слишком щедрые суммы учредителю-благодетелю (к примеру, 122 тысячи рублей за 1989 год). Но логика «сотрудничества» прозрачна: в обмен на оперативное, в пятидневный (не более) срок, решение СКЗМ об оформлении выездных документов сотрудников фирмы «Фитон» за рубеж кооператив, в свою очередь, частично (по крайней мере, по документам) оплачивает расходы на путешествие в США зам. председателя СКЗМ Ю. Ольховикова для переговоров по проведению встречи «Мир и перестройка в СССР».

Самый же удобный, никому в Союзе не подотчетный способ «красивого выживания» за народный счет для СКЗМ — путешествия на конференции Всемирного Совета Мира. Сегодня, по выходе из последнего Чехо-Словакия, Болгарии, Польши, Венгрии, Совет на 100% финансируется СССР. Конкретно — Фондом мира. В то же время Советский Союз не имеет права контролировать финансовую деятельность ВСМ как международной организации.

Надо добавить, что СКЗМ не отказывал себе в маленьких радостях пресловутой «красоты жизни» и на родной земле. Ежемесячно, до недавних пор, сотрудники Комитета приобретали у московской конторы спецзабвения № 208 продовольственные товары якобы для приема и обслуживания иноделегаций. Иностранцам от этой «кормушки» перепал лишь черный кофе. Черная же и красная икра, белая и красная рыба уплывали на семейные белы скатерти советских «ангелов мира»...

Худой мир, говорят, лучше доброй ссоры. Но только не под крышей Комитета защиты мира. Личная корысть, равнодушные к своим землякам-содержателям, чувство превосходства, выражающееся в монополии на «дело мира» в стране, рачительно-загребательное направление коммерческого «миротворчества» — это антикрасота. А значит — антимир.

Дмитрий СЕМЕНИК

Он рос как вся дворовая шпана. Потом его призвали на военную службу. И новая людская стая взялась за воспитание по своим законам.

Виталий Слепенков в конце концов не выдержал жизни по законам человеческой стаи. Из армии — бежал. Нашему корреспонденту не так-то просто было встретиться с дезертиром. Запуганный людьми, он избегал любого общения. И все-таки беседа состоялась. Возможно, кое-кому речь нашего героя покажется слишком примитивной, а рассказы его об армии неправдоподобными. И все же, на наш взгляд, запись исповеди этого молодого человека представляет бесспорный интерес как документ эпохи. Изначально-то человеческое сознание — чистый и даже прозрачный материал. А то, что отразившаяся в нем жизнь уродлива и страшна, — его ли вина...

— Чем ты занимался до армии?

— Лоботрясничал. Работал где придется. На часовом заводе, грузчиком на автобазе, в ДОСААФ, на шашках. До этого учился в интернате.

— Почему?

— Мать от меня отказалась, а отец лишен родительских прав.

— Пьянство?

— Да. До армии жизнь была такая... ребята, девочки, водка. Потом решил жениться в 16 лет. Жена — швея-мотористка, ей было 17 лет. Жили с тещей. Даже когда женился, не изменился. Уже ребенок есть, полтора года. Вообще-то по правилам я должен был служить тут, в Белоруссии, потому что у меня ребенок маленький.

Вчера звонил — жена на развод собралась подавать из-за этой армии. Сказала, что ей отказываются платить пособие — 35 рублей, — из-за того что я сбежал.

— Ты все успел в 18 лет. Где служил?

— В городе Хмельницком, на Украине, — в стройбате. Показали бетонный завод. Показали лопату. Бадью. И сказали: «Работайте, ребята». Работал 4 месяца.

— Дедовщина была?

— Конечно, была. Не такая, чтоб уж очень. А больше межнациональная вражда. Начальство, конечно, хохлов поддерживает, потому что прапорщики все местные — украинцы.

Мы, белорусы, вообще не дружные. Одного бьют, десять рядом стоят, смотрят. Даже если знают, что им ничего не будет: «Ай! А вдруг меня по лицу заденут?» Над нами смеялись за то, что мы по-белорусски не говорим, своих праздников не имеем, друг друга не поддерживаем. Бульбоедами называли.

Мы с Артуром всегда вдвоем держались. Правда, прапорщик нас специально в разные смены развел.

Честно говоря, меня так уж не били,

потому что я всегда отмахивался. Пусть хоть десять человек нападут — всегда дрался. Я до армии драчуном был, бывало, и на хлеб себе кулаками зарабатывал вышибалой в ресторанах.

— В интернате у тебя тоже была жесткая жизнь?

— Да, постоянно драки, все остальное.

До армии я был бандит — не дай Бог. Девочки, пьянки, драки. Пришел в армию — мне ко всему этому не привыкать. А тот, кто прожил всю жизнь тихо, по роже кулаком получил — и уже готов на все.

Чечены за меня постоянно заступались, так как я сам всегда за себя заступался. Они не любят трусов. До армии я много дрался, но в основном просто так. А в армии как-то серьезнее стал. Например, командир части, майор, ударил нашего солдата, белоруса. Я подсказываю, откинул его: «Пошел на ...» И меня уважали за это.

Нос, видишь, какой горбатый? В армии доломали. Рукой, потом сапогом, потом еще трубой. А раньше прямой был.

Раз меня на иглу посадили. Потом я с ведром подходил к офицерам и спрашивал: «У вас не будет полведра пара?»

На губе по колено воды, бочка с парашей стоит, воздуха не хватает. Где спать? Приходится на эту бочку залазить.

Я просто не знаю, как тебе рассказать. Помню все, но рассказывать — настроение не то. Чтобы это рассказывать, надо выпить.

Постоянное состояние: идешь, все болит, и кровью плюешься. Потому что все отбито.

Или, помню, Дворников упал, его ногами по голове бьют. У него уже кровь изо рта пошла, глаза выкатились. Я думал — все, готов, а чурбан ему еще раз

МАУГЛИ В СОЛДАТСКОЙ

по затылку дал — и пошел. Его отливали, отливали — вроде нормально, стоит. Потом бух, опять завалился, из ушей пошла кровь. Страшно было.

Сейчас с ним поговоришь — он ненормальный. И зрение ухудшилось. А до армии нормальный был. Сейчас тупой совершенно. Какие-то детские мысли стали, вспоминает — может расплакаться. Бывает, нормально разговаривает, а бывает — «тормозит». Рожа и то ненормальная стала — смотришь и смеяться хочется. Но с тобой он разговаривать не будет — боится.

Не знаю, как высказать все. Когда я с кебистом разговаривал, высказал ему 4—5 фактов. Он сразу притих: «Бывает. А это с тобой было?» Было.

А сколько ребят девочками сделали! Это же ужас. Меня тоже однажды «опустить» хотели. С одним украинцем началась у нас завязка, тут прискакала банда. Взялись за руки, поставили нас в круг: кто проломает кольцо и вылетит наружу — того опустят. Один раз я чуть не вылетел — не знаю, как удержался. Он шкаф здоровый. Если честно, я думал, он меня сейчас убьет. Но я понял, что нижняя челюсть у него не защищена. Раз удачно попал, и он вылетел. И его «опустили». Эзков же много там.

— Расскажи, как бежал.

— В нашем батальоне 350 человек, из них 70 — белорусы. Сначала договорились бежать 50 человек. Тянули жребий — кто побегит первым, потому что знали — если первых поймают, кости будут ломаться по-черному. Я не вытянул, но попросил одного, чтобы он отдал мне свою бумажку.

Бежали втроем — Дворников Александр, Артур и я. Приехали в Минск в форме. Родители у меня в Минске живут. Переоделись в старое, что до армии было. Потом прошли, посмотрели по балконам — может, чего висит. Но ничего не висело. Висело, но мокрое, одевать неудобно.

— Зачем убежал?

— Чтобы служить в Белоруссии. Там не живешь, а гниешь. Работа — сон — работа — сон. И больше ничего.

— Но если ты будешь служить в Белоруссии, будет то же самое: работа — сон — работа.

— Я понимаю. Я знаю, что будут бить везде. Но так как я здесь вырос, я этим воздухом дышал, эту воду пил, то

СТАЕ

здесь мне легче.

— **Что теперь собираешься делать?**

— Если не получится служить в Белоруссии, попрошу, чтобы меня направили строить дома для чернобыльских переселенцев, или пойду в милицию, которая собирается в Полоцке. Мне нужна какая-то работа, чтобы прокормить себя.

Пока скрываюсь, а если меня возьмут силой, я просто руки на себя наложу.

— **Ты это сам придумал или тебе посоветовали?**

— Сам придумал. Мы еще когда ехали, так решили, я специально с собой бритву взял.

Мне вот чурки бритвой руку порезали. Выпала рука с кровати, они и порезали.

— **А ты сказал, дедовщина была не очень.**

— Я считаю, что дедовщина — это когда тебе даже дыхнуть некогда — постоянно в работе. Лично я считаю, что мне нормально жилось.

— **Почему же тогда о самоубийстве говоришь?**

— Пойми одно — я полностью задался целью служить в Белоруссии. А там гниешь. Даже дембеля бегут.

— **Все-таки я не понимаю, зачем нужно накладывать на себя руки?**

— Чтобы что-то изменилось.

— **Ты был таким «бандитом», как сам говоришь, а сейчас вдруг стал «борцом за идею». Не кажется ли тебе, что это не стыкуется?**

— До армии человек — тупое существо. Он ничего не понимает в жизни, потому что он еще не был свободным человеком. Я вот 8 лет отучился в интернате, не видел свободы ни физической, ни материальной. Я и сейчас жить не умею. Допустим, мне сейчас тысячу рублей дали. Я знаю, что если жене ее не отдать, то за один день спущу.

В части, когда собирались, мы не говорили — «слышь, пацаны». Говорили — «товарищи». Даже если мы с тобой спим на соседних койках, вечером пойдем вместе к девочкам, тебе говорю «товарищ». С каждым — на «вы». Честно говоря, я повзрослел за эти полгода.

— **Вас заставляли «товарищ» говорить?**

— Нет, мы сами. Сами, понимаешь? Просто культуру как-то развивали. Вот сидят эти 50 человек. Сказать им «мужики» или «пацаны», они будут относиться к твоим словам несерьезно. Надо, допу-

ФОТО С. АНТОНОВА. Дезертир. Из серии «Армия».

Не долг, а повинность?..

стим, листовки отпечатать ночью. Даже если «чмошник» всю ночь стирал, а в 5 часов собирается лечь спать, он все равно будет печатать листовки до подъема.

— **Какие листовки?**

— Допустим, Белорусский народный фронт (БНФ) прислал нам листовки, мы переписываем их и отдаем в другие части. У нас листовка, если ты хочешь совсем забрать ее себе, стоила 20 ру-

блей. Эти листовки у нас ценились как кусочек родины. Артур украл в штабе белорусские газеты, мы их читали раз пять. Я половину слов не понимаю, но все равно читаю. Интересно — и все.

Недавно я тайком пробрался в свою часть. Оказывается, пацанам сказали, что одного из нас посадили, а другие двое в дурдоме сидят. Что один из нас сдался, а остальных БНФ сдал.

От редакции

Безусловно, надо создавать национальные землячества, школы, газеты и, может быть, даже национальные армии. Но мы не должны обольщаться, уповая на чудодейственную силу какой-либо одной из этих мер. В тех же национальных армиях солдаты могут опять начать уничтожать друг друга.

Невозможно в одночасье восстановить народную нравственность, которая, подобно плодородному слою почвы, вымывалась из наших душ все эти годы. Но у каждого человека, если он еще считает себя таковым, существует предел, когда он понимает, что нельзя уподобляться животному, заниматься богопротивным делом. Вчерашний Маугли начинает впотьмах искать какие-то духовные опоры, натываясь на язык, культуру своего народа, которые он, в сущности, не знает.

Значит, не совсем еще вымыли плодородный слой из нашей духовной почвы. Есть надежда, что он будет когда-нибудь восстановлен.

ХОХМАЧИ

В Москве много скучающих жителей, настолько много, что каждый «убивает» свободное время, как Бог на душу положит. Одни топят свою тоску в стакане с трудом раздобытого портвейна, другие во что бы то ни стало хотят свести счеты с неблагоприятной жизнью, третьи стремятся приукрасить скучный быт просмотром непритязательных телепрограмм. А прочие любители неформального общения хватают телефонную трубку в надежде немного разрядиться с помощью нехитрого приспособления Александра Белла.

Кому только не звонят — пожарникам, врачам, газовщикам, электрикам и, конечно, — милиционерам. Служба «02» по «телефонному» рейтингу занимает первую строчку в длинном списке многочисленных организаций, обеспечивающих коммуникацию. В сутки девушки-телефонистки из «02» (а их на весь город всего 10) 30 000 раз втыкают допотопные штыри в специальную панель с дырочками образца 1917 года (помните фильм «Ленин в Октябре»?). Это не шутка: именно с тех незабываемых дней с минимальными техническими дополнениями функционирует уникальный центральный милицейский телефонный узел на Петровке, 38.

О том, что в «02» звонят не только по криминальным вопросам, — известно. Милицию просят включить горячую воду, усмирить лающих во дворе собак, сообщить точное время или без обиняков спрашивают: «В чем смысл жизни?»

Что же приходится выслушивать измотанным телефонным барышням в погонах в то время, когда солнце уже зашло, а до рассвета еще много-много бессонных минут?

фото Э. Кудрявицкого

— Вы кто?

— Я — мужчина, по непроверенным данным...

— У меня домработница хулиганит.
— А что она делает?
— Она посыпает меня сахаром и поливает водой.

— У меня тараканы замкнули электроцепь...

— Скажите, пожалуйста, телефон на Петровке, который обслуживает гомосексуалистов.

— Пришлите собаку, а то муж вчера получил зарплату, и мы ее найти никак не можем...

— Приезжайте. Напротив Курского вокзала лежит представитель национальных меньшинств.

— Дочь у меня пьет, а в свободное время хулиганит.

— Здесь квартиру обворовывают...
— А что вы такой веселый?
— Так это же не моя квартира.

— Как найти товарища Желобова?
— А кто он такой?
— Не то сыщик, не то уголовник...

— У меня тут сосед хулиганит. Я полтора года назад звонил, и никто не приехал.

— Девушка, если критический момент в жизни, что лучше — повеситься или напиться?

— Лучше напиться.
— Большое вам спасибо. Есть все-таки порядочные люди в милиции.

— У меня в квартире происходит нехорошая вещь.

— Какая?
— Моя жена с другим мужчиной сходится.

— Какие приметы преступников?
— Один грузинистый, другой толстый.

— Мне по телефону звонят бандиты.
— А что они хотят?
— Не знаю. Я к телефону не подхожу.
— Откуда же вы знаете, что это бандиты?
— А кто же может еще звонить?

В службе 02 дежурил Михаил МАСЛОВ

ВО ЧТО ИГРАЮТ НАСТОЯЩИЕ МУЖЧИНЫ?

Объяснение в любви

Из закона «О печати и других средствах массовой информации».

«Журналист имеет право:

1/ искать, получать и распространять информацию...»

Статья 30

«Воспрепятствование со стороны должностных лиц государственных и общественных органов законной профессиональной деятельности журналистов... влекут уголовную ответственность и наказываются штрафом до пятисот рублей».

Статья 36

Как они галантны! Права была мама, ни разу в детстве не напугавшая меня дяденькой-милиционером.

Входишь — встают. Только откроешь рот — сразу бросаются накручивать телефонный диск, чтобы позвать кого-нибудь в свидетели. Встаешь — подают пальто. Уходишь — провожают до двери на улицу, чтобы, не дай бог, не вернулась.

Обожаю милицию. Первый вопрос всегда: «Вы какой материал будете писать: положительный или отрицательный?» Улыбаюсь по-американски: «Объективный». Они: «Да, вот «Огонек» тоже все ругал милицию, а как там кого-то убили, так сразу перестал». Намекают, значит, что с моей американской улыбкой можно заработать неприятности.

Улыбаюсь вымученно, по-советски: «А за положительный что?» Минута на размышление. Ответ готов: за положительный начальник ГУВД каждый год лично премирует журналистов. От 200 до 400 рублей в конверте.

Дальше следует обязательная лекция о вреде журналистики вообще. Аргументы известны и в подробном цитировании не нуждаются. Я давно уже чистосердечно призналась, что развалила страну, распло-

дила своей гуманизацией преступников и несказанно уронила престиж всех известных органов.

Меня опять скручивают муки совести, и в них стремительно тонет последняя надежда: «А можно?...» — вспоминаю напоследок о цели своего визита. «Нельзя! — отрезают по живому. — Тайна следствия!»

Мой хлеб — информация. Но если бы ты знал, читатель, сколько информации я тебе недодала, сколько золотого времени потеряла, блуждая меж высоких кабинетов.

Судебный процесс закончен. Преступник получил свое, и, следовательно, все его злодеяния, открыто оглашенные в зале суда, перестали быть секретом. А мне мало казенных строчек приговора. Мне бы в душе его покопаться, а душа-то вместе с телом за решеткой.

Звоню судье, прошу разрешить свидание. Слышу: приговор еще не вступил в законную силу. Звоню через неделю — ждем кассационной жалобы. Еще семь дней — осужденный знакомится с протоколом. И каждый раз неперемное добавление: «По закону на свидание имеют право только родственники и адвокат. Вы ведь не родственница?»

Я чту закон и вынуждена признаться, что, к сожалению, не состою в родстве с этим нехорошим человеком. Страшная догадка пронзает мозг. Значит, ПО ЗАКОНУ я обречена всю жизнь описывать собственное генеалогическое древо? Потому что про журналистов ни в одном законе специально не написано. Кроме, разумеется, Закона о печати.

Действую старым, проверенным способом. Жалуюсь на судью ее начальнику и без злорадства слушаю в трубке его бодрый голос: «Конечно, конечно. Конечно, разрешим. Нет проблем».

Тщательно согласовываю время посещения мною уважаемого учреждения, заранее зная, что никого там не застану. Так и есть — ни судьи, ни начальника.

Решаю брать обоих с полицным. Приезжаю без предупреждения. Судейский начальник — профессионал! — демонстрирует такой горячий восторг от знакомства со мной, что хочется броситься ему на шею и расцеловать.

— А бумага у вас есть? — хитро прищурившись, охлаждает начальник мой пыл.

Но разве мое журналистское удостоверение из стали или кирпича?

— Что такое бумага? — патетически вопрошаю я. — Что она меняет в жизни? Сама напишу — сама подпишу...

— Э-э, нет, — торжествует третий-пертертый начальник. — А вдруг прокурорская проверка?

Мысленно желаю ему двадцать пять прокурорских проверок и пристегиваю еще сутки-две к отпущенному мне сроку.

Наконец получаю в руки вожделенное разрешение. С дружеским пояснением девочек из канцелярии: «Все равно вас к нему не пустят. Он уже не числится за судом — сегодня отправили все документы».

Классная подножка! Но не так-то легко сбить с ног человека, охваченного творческим порывом. Мчусь в изолятор.

Понедельник — санитарный день.

Вторник — «по вашей бумажке можем разрешить только разговор через стекло по телефону». Как? О душе — через стекло? А диктофон в сумке?

«Пишите письмо генералу».

Ну, думаю, вы, ребята, не промах. Все вежливые, аж жуть.

Дорогие читатели! Не верьте крокоди-

ловым слезам МВД, которые оно разливает ручьями по поводу нехватки денег. Это самое богатое министерство в мире. Оно содержит генералов, которым нечем заняться, кроме выдачи пропусков журналистам.

Еще сутки долой. Выясняю, что письмо с высочайшей резолюцией специальной почтой отправлено полковнику, главному человеку по исправительным делам. От Петровки, где заседает генерал, до Бутырки, вотчины полковника, четыре троллейбусные остановки. Спецпочта, по всей видимости, признает только авиаперевозки. Письмо, с утра подписанное скучающим генералом, она доставила бедному полковнику, обреченному на бессрочную отсидку в Бутырке, аккурат к концу рабочего дня. Я понимаю. Конец дня — дело святое.

На следующее утро вдохновенно накручиваю телефонный диск. Чтобы услышать роковое: «Фактически вам отказано».

Вот тут я срываюсь. Это предел. Или беспредел. Меня уже не интересует, как понимать таинственное «фактически» и кто он, бархатный голос в трубке, который, конечно же, «ничего не решает». Там нет настоящих мужчин — отчетливо осознаю я. Потому что настоящий мужчина умеет брать на себя ответственность.

Я влетаю в кабинет главного воспитателя всех московских заключенных, хлопаю об его стол диктофоном и задаю один-единственный вопрос. Кому станет плохо от того, что я поговорю часок с любезным моему сердцу негодяем?

А глаза обаятельнейшего начальника прямо-таки лучатся добротой: «Почему вы

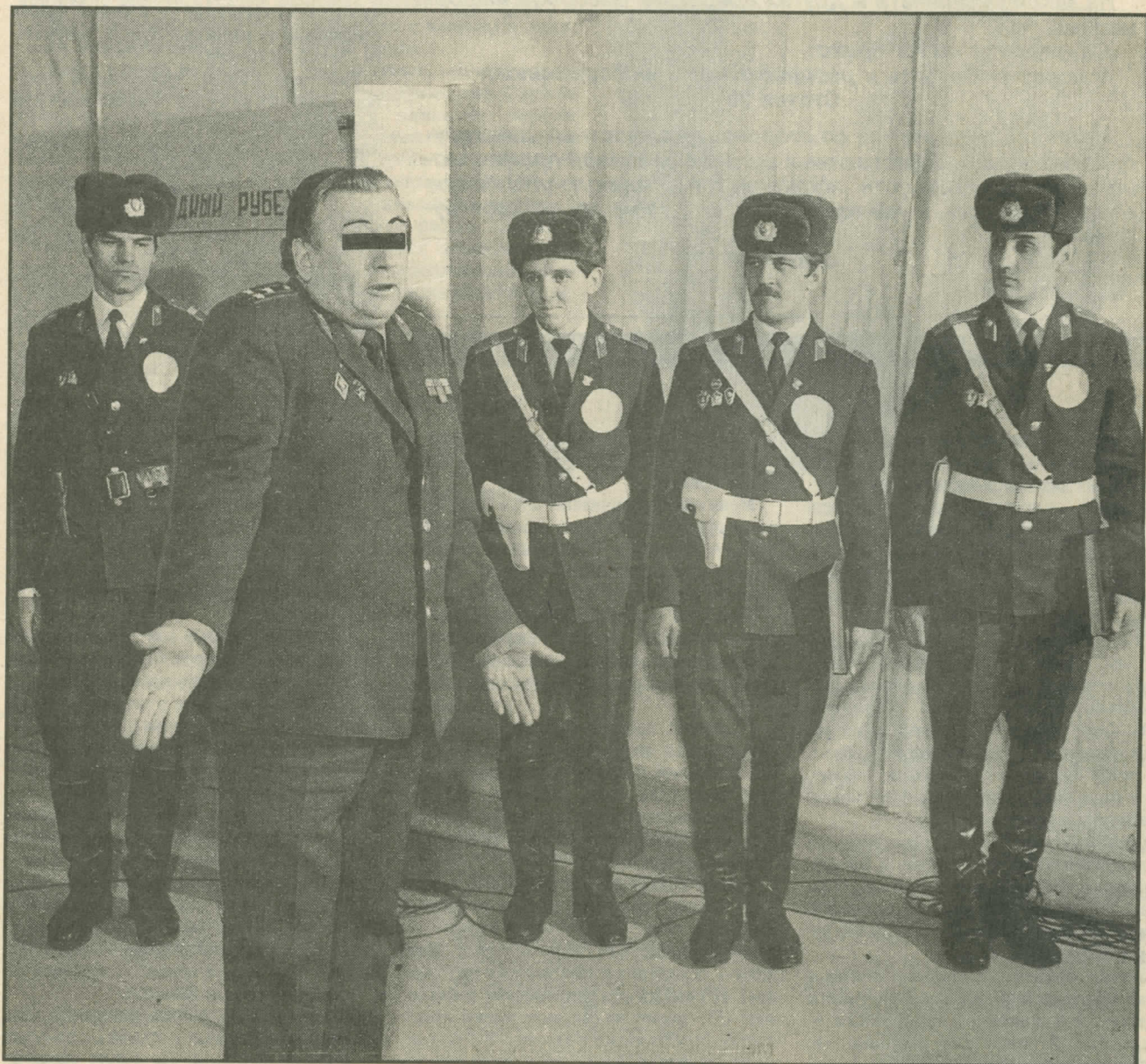
решили, что мы вам отказываем?» Потому что уж мне шепнули на ушко: если б не мой отчаянный прорыв, ничего бы не вышло.

Можно сказать, у этой истории счастливый конец. А сколько других я не смогла или не успела рассказать?

Напротив меня сидит корреспондент Михаил Маслов и с тоской глядит на свой зеленый телефон. Странный человек, он заинтересовался работой так называемого разрешительного отдела ГУВД. Того самого, через который проходит все зарегистрированное и конфискованное оружие.

По моей просьбе Миша записал краткую хронику своих переговоров с руководителем упомянутого отдела.

«20 ноября: «Очень занят. Позвоните завтра». 21 ноября: «Очень много дел. Позвоните в понедельник». 26 ноября, поне-

дельник: «Срочное совещание у генерала». 27 ноября: «Совещание в главке». 3 декабря: «Я на больничном. Заскочил на работу на секунду. Очень болит сердце». 14 декабря: «Позвоните в понедельник. Хочу вам помочь от всей души. Жду звонка». 19 декабря, встреча состоялась: «Очень рад с вами познакомиться. Понимаете, масса работы, крайне занят. 24-го без звонка милости прошу ко мне. Мои сотрудники будут предупреждены».

Объятия. Поцелуй. Расшаркивания. (Читай сначала.)»

Я несколько не сомневаюсь, что в одном из ближайших номеров вы прочитаете репортаж из этого загадочного отдела, начальник которого ни в грош не ставит журналистский труд. У нас крепкие нервы, и мы здорово навестились писать разные письма. Но кто позволил тому начальнику, безусловно, ратующему за правовое государство, плевать разом на весь Верховный Совет СССР, принявший же в конце концов Закон о печати?

Как это ни печально, совершенно очевидно, что закон этот действует пока только в той его части, которая касается учреждения новых изданий. Журналист же как был, так и остается бесправным «просителем информации». Можно, наверно, пойти на принцип, довести начатое дело до конца через суд, но это скорее вопрос личных амбиций. Пока дело будет бродить по судебным кабинетам, исчерпается сам предмет спора. Информация обладает способностью стремительно устаревать.

Все это, кстати, прекрасно понимает большинство рядовых работников правоохранительных органов.

Однажды меня пригласили в далекий областной центр на интересный милицкий семинар. Встретили, отвезли в гостиницу — все честь по чести. Прощаясь в первый вечер, начальник розыскного отдела местного УВД сказал: «Завтра я буду делать доклад. В нем есть один раздел, который вам нельзя слушать. Мы попросим вас выйти на это время из зала. Только не обижайтесь, ладно?»

А утром мне показывают свежий номер «Комсомолки» с интервью Бакатина. И там черным по белому написаны два священных для милицеек сердца слова: «оперативная работа». Значит, можно?

Начался доклад. И вот мой крепыш-начальник доходит до заляганого места. И, слотнув слюну... отважно продолжает, не попросив меня выйти. Не дожидаясь никаких специальных циркуляров!

Я не могу достойно описать то, что творилось тогда в зале. Головы присутствующих начали крутиться: то на меня, то на не то что покрасневшего — побордовешего до кончиков ушей докладчика. И вдруг зал разразился громовым хохотом. А потом — аплодисментами маленькому, но очень смелому начальнику.

Конечно, ничего суперсенсационного для меня в докладе не было — чтобы не смущать еще больше, я даже перестала записывать в тот момент в блокнот. Но он создал такой мощный прецедент обоюдного доверия, к которому не остались глухи его коллеги из всех уголков России, что теплая волна благодарности захлестывает меня каждый раз, когда я вспоминаю о той поездке.

...Никогда не забуду и другой сценки, достойной театра абсурда.

Поднимаюсь по лестнице одного из изоляторов, заручившись уже всеми, какими можно, разрешениями. Вдруг навстречу что-то огромное, мохнатое (шапка низко надвинута на лоб), с тяжелым взглядом. По тому, как цепенеет мой сопровождающий, чувствую, что на меня надвигается очередное внеплановое препятствие.

— Вот, товарищ полковник, журналист...

Глаза начальника изолятора ошалело начинают вращаться, и я пугаюсь за его здоровье. Бия себя в грудь, он принимается вопить, что через его руки прошли уже сотни журналистов, и почему их, как на мед, тянет в тюрьму, и лучше бы писали, что хлеба нет.

— Меня воспитало КГБ, — взрычал последний раз мохнатый полковник и, резко повернувшись, закончил неожиданно монолог. — После зайти ко мне. Я скажу, как писать.

Ну что, на него, несчастного, в суд что ли подавать? Убогих всегда жалели на Руси. Я лучше еще раз перечитаю откровения любимого Феликса, которыми богато иллюстрированы стены всех аналогичных «офисов». И он поведает мне, что «повышение культуры в работе всех сотрудников ИТУ является первоочередной задачей, без разрешения которой нельзя улучшить дело перевоспитания правонарушителей».

Несколько лет назад все приличные органы обзавелись пресс-центрами, призванными, я так полагаю, помогать контактам между журналистами и должностными лицами, владеющими информацией. Но журналисты, народ мобильный, частенько сами узнают нечто, требующее проверки или комментария. Так вот, с некоторых пор я, приходя в отделение милиции или РУВД, натыкаюсь на один и тот же вопрос: «А пресс-центр вам разрешил?» То есть пресс-служба параллельно своим прямым обязанностям тихо-незаметно начала играть роль цензуры, с которой мы уже будто бы распрощались навсегда.

У меня лично нет претензий к сотрудникам пресс-центра московского ГУВД. Без их генералам, наверно, не пришлось бы читать моих пламенных писем — дальше проходной легендарной Петровки, 38 меня просто не пустили бы.

Ну а если взглянуть на их деятельность глазами цивилизованного человека?

Список телефонов милицеек и внутренней служб с подробным указанием, кто чем занимается, да дневная сводка происшествий, размноженная на ксероксе по количеству редакций, — вот, собственно, и все; что нам нужно. А уж как действовать дальше, ориентируемся. Информация, переданная через третье лицо, по пути теряет вместе с деталями всю свою прелесть.

К брифингам (ну какой же пресс-центр без модных брифингов!) с благоговением относятся, пожалуй, лишь иностранцы. Причем капиталистические. Для которых любая наша гласность в диковинку. Помню, на один из брифингов в МВД СССР пришел венгерский журналист с одной только целью — уточнить: несут ли ответственность милиционеры, круглосуточно дежурящие у ворот его дома, за его разграбленный автомобиль или нет. Если нет, то зачем они, простите, протирают там ботинки. Разберемся и доложим — ответили венгру. С тем и ушел, в сердцах махнув рукой.

А прочие остались записывать набор обязательных цифр. Им кажется, что в цифрах, которые там оглашаются, вся объективная реальность. Наивные! Зашли бы в любое районное управление в последний день месяца и посмотрели, как бедные следователи выжимают из себя статистику завершенных дел.

Кстати, любопытная деталь. Всюду, куда не пустят родного журналиста («да что там смотреть?» «да зачем вам это надо?»), непременно похвалятся: «Да у нас только что были американцы (французы, немцы). И кино снимали».

А недавно пресс-служба на Петровке пережила свое второе рождение. Вместо трех хорошо уже знакомых людей их теперь 13. И называются они Центр общественных связей. Пришлось трудоустроить целое политуправление, которое якобы отменили. Не «на землю» же их, бедолаг, давно забывших, как выгладит пистолет, спускать. А кому не хватило места под петровским солнцем, поехали в районы. Гоже представителями по связи с прессой.

Опутанные связями, как бабочки в паутине, мы держимся. У каждого журналиста, пишущего на криминальные темы, рано или поздно заводятся десятки друзей, которые не задают дурацких вопросов и не пытаются из последних сил латать очевидные прорехи системы. Им нечего скрывать, потому что служат они честно, и нечего терять — до них не доходят начальственные блага и привилегии. Они-то как раз прекрасно понимают, что делаем мы одно дело.

Мой телефон — 928-22-74. Учитывая возможные сложности в отношениях с руководством, тайну вклада гарантирую.

Елена САЛИНА,
заведующая отделом права и морали

ПИСЬМО ЕЛЕНА БОННЭР
ГЛАВЕ НОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА

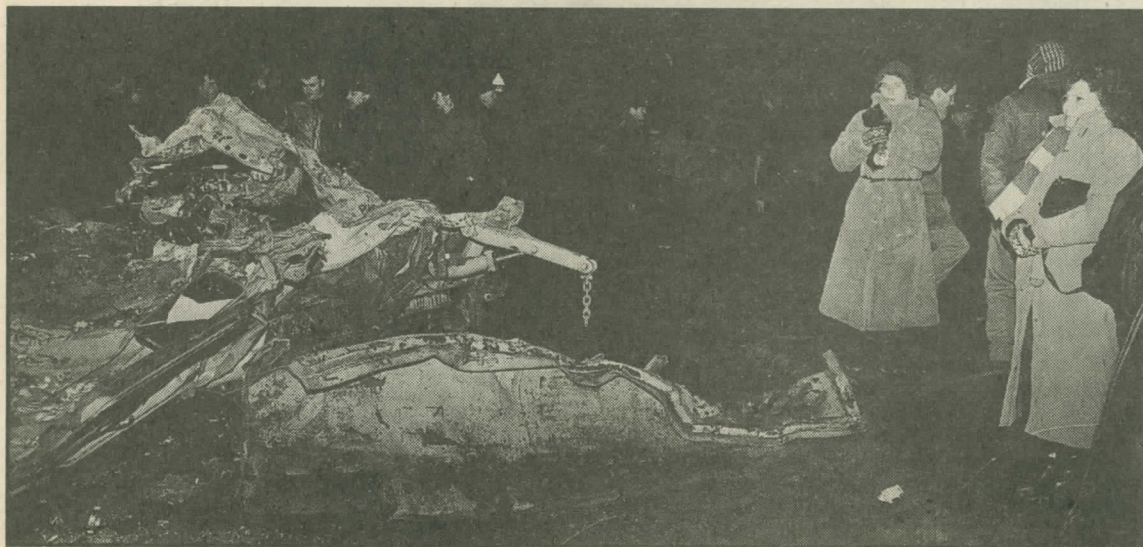
"Председателю Нобелевского комитета Стортинга Норвегии госпоже Гитке Андерсон.

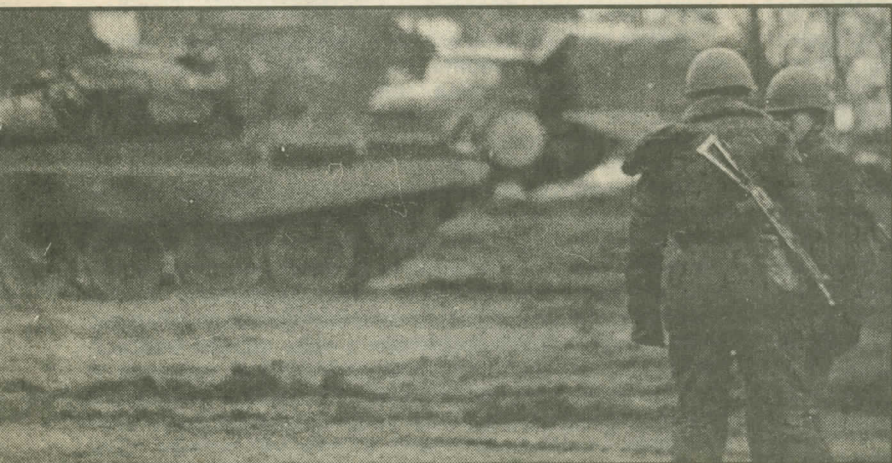
В 1975 году Андрею Сахарову присуждена Нобелевская премия мира. Правительство страны, гражданином которой был Сахаров, не разрешило ему поездку в Осло. В высокой степени церемонии по его воле и согласно его Генеральной доверенности участвовала я. Воля Сахарова также выражена в завещании, по которому я являюсь единственной наследницей его авторского права, права публикации всех его работ, а также использования его имени. Опираясь на его волю и дважды подтвержденное доверие, я прошу Вас вычеркнуть имя Андрея Сахарова из числа лауреатов Нобелевской премии мира.

Считаю невозможным, чтобы оно стояло в одном ряду с именем генерального секретаря коммунистической партии Советского Союза Михаила Горбачева, который как глава государства несет ответственность за кровь, в нем пролитую: Карабах, Тбилиси, Баку, Фергана, Узень, Ош и другие. И за сегодняшние события в Литве, разыгранные по сценарию Берлина, Будапешта, Праги и Кабула. Их трагическое сходство полностью отвергает наличие нового мышления.

13 января 1991 года, Елена Боннэр".

ЛИТВА - ЯНВАРЬ 1991 ГОД

И на старуху бывает проруха. "Столица" проявила недалекость. 15 января вышел из печати наш первый за 1991 г. номер, в котором было опубликовано интервью с Александром Невзоровым. Интервью, в котором преобладали комплиментарные тона. В тот же день, ближе к полуночи, вышел в эфир специальный выпуск передачи "600 секунд", в котором Александр Глебович, к удивлению многих, воспел действия омоновцев в Вильнюсе.

Наутро наши телефоны оборвали возмущенные читатели: получилось, что демократический орган печати поддержал человека, выступившего адвокатом палачей.

Да, мы виноваты. Например, могли бы и раньше обратить внимание на трогательное романтизирование Александром Глебовичем будней всякого рода "правоохранительных органов", включая органы госбезопасности. Могла бы нас насторожить и позиция, занятая журналистом по отношению к демократически избранным органам власти, позиция, для выражения которой он не выбирал выражений. Могли бы мы учесть и неизменно страстное желание Невзорова скомпрометировать нарождающуюся кооперацию, в муках складывающуюся рыночную систему. Я уже не говорю о том, что сам факт соболезнования, с которым обратился к легкораненому Невзорову наш президент (в то время, как многочисленные жертвы времен перестройки и гласности так никаких соболезнований от Горбачева не дождалась), — был фактом достаточно красноречивым. Помните отрицательную оценку, данную Горбачевым "Взгляду" и приведшую в конце концов к закрытию этой передачи? В случае с Невзоровым, по всей видимости, взгляды президента и журналиста совпали.

Характерно, что накануне скандальной невзоровской передачи, а именно 14 января, на экране Ленинградского телевидения появился Борис Гидаспов, который дал свою, "партийную" оценку событиям в Литве. В частности, он сказал, что известный тележурналист Александр Невзоров находится в настоящее время в Литве, и он, Гидаспов, не сомневается, что в его передаче будет показана истинная картина литовских событий. Гидаспов не только знал о командировке "независимого" журналиста, но был уверен в том, что впечатления, с которыми журналист вернется, совпадут с его оценками.

Итак, можно поставить точку в биографии Александра Невзорова. Он завершил свой автопортрет. Силы реакции, поддерживаемые нашим президентом, приобрели в его лице талантливую союзника. Приобрел ли что-нибудь сам Невзоров? Скорее потерял: репутацию. Слава придворного художника, предполагаю, будет его преследовать еще долго. По всей видимости, Александра Невзорова будут теперь посылать и в другие "горячие точки". Не только ленинградский — всесоюзный эфир ему теперь обеспечен. Кто же еще отважится ныне воспеть советский империализм?

Нам жаль, что мы допустили ошибку уже в своем первом номере. Приносим читателям извинения.

Андрей МАЛЬГИН

РОДИМОЕ ПЯТНО БОЛЬШЕВИЗМА

В статье «Был ли Ленин агентом германского генштаба?» («Столица», 1991, № 1) приведены факты сотрудничества вождей большевистской партии с военной разведкой Германии — страны, которая находилась в состоянии войны с Россией.

Это сотрудничество с немецкой разведкой продолжалось и после Октябрьской революции.

События, связанные с заключением Брестского мира, в советской историографии излагаются в извращенном виде. Например, в «Истории дипломатии» говорится, что «в ночь на 8 (21) ноября Совнарком послал радиотелеграмму главнокомандующему русской армией генералу Духонину, приказывая ему немедленно предложить перемирие всем воюющим странам как Антанты, так и германского блока».

На деле это было не так. Во-первых, указанную выше радиотелеграмму Ленин подписал, не согласовав ее текст с другими членами Совнаркома. Известно, что против заключения мира с Германией выступали наркомы Рыков, Теодорович, Ногин, Ломов (Оппоков), Милютин и другие. Во-вторых, радиотелеграмма предписывала генералу Духонину начать переговоры только «с командованием австро-германских войск», а не со всеми воюющими сторонами, как утверждают авторы «Истории дипломатии». Это было явное нарушение договора стран Антанты от 5 сентября 1914 года, который запрещал союзникам заключать сепаратный мир с противником.

На следующий день, 9 (22) ноября (1917), Наркоминдел обратился с нотой ко всем послам союзных держав с предложением объявить на фронте перемирие и начать мирные переговоры. Но не дав времени послам для сношения со своими правительствами, в тот же день Ленин — опять-таки без обсуждения вопроса на Совнарком — послал телеграмму во все полки, дивизии и корпуса действующей армии. В этой телеграмме он предлагал — от имени правительства — выбирать «тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем».

Спустя пять дней, 14 (27) ноября, германское правительство на предложение Ленина начать переговоры ответило согласием. И как ему было не согласиться, когда вступление в войну США (6 апреля 1917 года) склонило чашу весов в пользу Антанты. Американский президент Вильсон выразил готовность оказать помощь и народам России в их борьбе с германским блоком. Представители Англии и Франции тоже неоднократно обращались в Народный комиссариат иностранных дел с предложением помочь России оружием, боеприпасами, продовольствием, деньгами для оплаты солдатам жалованья (по 100 рублей — каждому), военными специалистами и инструкторами. В подавляющем большинстве случаев Ленин никак не реагировал на эти обращения, занимая позицию, продиктованную германскими властями. При этом его ничуть не смущало, что позиция эта не пользуется поддержкой даже большинства членов ЦК партии большевиков, не говоря уже о других партиях. Он организует одно за другим заседания Центрального Комитета большевиков и неизменно терпит на них поражение. В условиях, когда с советских постов, в том числе и в правительстве, в знак протеста против этой предательской политики ушли его соратники — «левые коммунисты» и левые эсеры, а сам Совнарком фактически распался, Ленин предпринимает авантюристический шаг. Он созывает в срочном порядке в 3 часа ночи 24 февраля заседание ВЦИК. Утверждается, что якобы «116 голосами против 85, при 26 воздержавшихся, заседание утвердило предложенные большевиками резолюции о принятии немецких условий мира». Но так ли было на самом деле? Во-первых, отсутствуют материалы по процедуре голосования и списки членов ВЦИКа, присутствующих на этом заседании. Не потому ли, что само голосование проводилось в отсутствие кворума, в то время, когда в соседнем зале заседали члены ВЦИКа — «левые коммунисты»?

Кроме того, непонятно, как можно было менее чем за полтора часа, если верить подписанному Лениным документу, выслушать доклад, задать вопросы докладчику, выслушать его ответы, зачитать резолюцию, провести поименное голосование и подсчет голосов и огласить результаты голосования?

Нет необходимости подробно останавливаться на последствиях Брестского мира, они хорошо известны. Страна оказалась фактически расчлененной, понесла огромные территориальные и финансовые потери. Но если бы дело ограничилось только этим! Нет, народу суждено было долго расплачиваться за предательскую деятельность своего правителя в годы первой мировой войны. Летом 1918 года войска Антанты перешли в решительное контрнаступление. По словам немецкого генерала Людендорфа, 8 августа наступил «самый черный день германской армии в мировой войне». Она

стояла на грани полного поражения. Начальник германского генштаба и министр иностранных дел хотели было начать мирные переговоры с Антантой при посредничестве нидерландской королевы. Именно в этот критический момент на помощь кайзеровским властям приходят их давние союзники — вожди большевиков. 27 августа между Советской Россией и Германией было заключено дополнительное соглашение к Брест-Литовскому мирному договору. Мало того, что Россия обязывалась отступить от «верховой власти над Эстляндией и Лифляндией» (восточные границы которых точно фиксировались) и заключить торговое соглашение с прибалтийскими государствами. Наша страна должна была еще и поддерживать дышавшую на ладан, изнемогавшую под непомерными военными нагрузками экономику Германии. Россия предоставляла последней четвертую часть всей добытой в Баку нефти и нефтяных продуктов. Германия сохраняла оккупацию Донецкого бассейна, то есть право бесконтрольно пользоваться угольными копями Донбасса.

По дополнительному финансовому соглашению Россия также обязывалась уплатить Германии 6 миллиардов марок. Причем первый взнос в 1,5 миллиарда (из них 245 564 килограмма золотом и 545 миллионов кредитными билетами) требовалось уплатить немедленно. Примерно такой же, второй по счету, взнос надо было сделать к 10 сентября. Сроки последующих четырех взносов — 30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 года. Каждый из этих взносов состоял из 50676 килограммов золота и 113 с лишним миллионов рублей кредитных билетов. Согласно соглашению, один миллиард погашался доставкой российских товаров в период с 15 ноября 1918 года по 31 марта 1920 года. Этот пункт соглашения остался невыполненным, так как в ноябре 1918 г. кайзеровский режим в Германии рухнул. Но даже в эти революционные дни в соседнюю страну шли груженные продуктами щелоны. Помогая германскому генштабу, большевистские руководители жестоко расправлялись с теми, кто в подобных делах участвовать отказывался.

В предшествующей статье уже шла речь о том, что осенью 1918 года правительственный Комитет общественного осведомления Соединенных Штатов Америки издал серию документов и материалов под общим названием «Немецко-большевистская конспирация». Один из этих документов — под номером 28, как мне кажется, проливает свет на обстоятельство гибели командующего Балтийским флотом контр-адмирала А. М. Щастного. 24 февраля 1918 года германский генштаб в секретном письме (с пометкой «доверительно») на имя Троцкого ставит вопрос о продаже Германии кораблей Балтийского флота. Напротив абзаца, где идет речь об этом, на полях секретарь Троцкого Маркин пишет: «Отослать Раскольникову». Последний в то время был заместителем наркома по морским делам. По всей вероятности, дело шло к тому, чтобы сдать немцам Балтийский флот. В этих условиях командный состав во главе с контр-адмиралом А.М. Щастным сделал, казалось, невозможное, чтобы предотвратить чудовищное преступление. В сложной ледовой обстановке военные моряки Балтийского флота совершили в февралепеределе 1918 года беспрецедентный в военно-морской истории переход из Гельсингфорса (Хельсинки), Ревеля (Таллинна) и Аландских островов в Кронштадт и спасли свыше 250 боевых кораблей и вспомогательных судов, в том числе 6 новейших линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев и 12 подводных лодок. Какая же награда ожидала Александра Михайловича? Он был

обвинен «в преступлениях по должности, в подготовке контрреволюционного переворота и государственной измене», 29 мая 1918 года арестован, а 21 июня Революционный трибунал при ВЦИК приговорил его к расстрелу.

Известный русский историк С.П. Мельгунов в книге «Красный террор в России» писал, что с Щастным расправились только за то, что он «спас остаток русского флота в Балтийском море от сдачи немецкой эскадре». На совети Ленина и другое преступление — осуществленное по его приказу, в угоду кайзеровскому правительству, — затопление 18 июня 1918 года основной части судов Черноморского флота в Новороссийской бухте.

После победы Октябрьской революции деятельность немецких агентов в России продолжалась. Деятельность эта была санкционирована большевиками. Интересен документ (в вышеназванном сборнике он помещен под номером 5), который к тому же является первым (из известных пока) по времени в немецко-большевистских сношениях. Документ дается в новой орфографии.

«Гр. Генерал-Стаб.
Сентрал Абтайлунг, Секцион М.
Берлин. Октября 1917 г.

Правительству Народных Комиссаров:

Согласно происшедших в Кронштадте в июле текущего года соглашений между чинами нашего Генерального Штаба и вождями русской революционной армии и демократии г.г. Лениным, Троцким, Раскольниковым. Дыбенко, действовавшее в Финляндии русское отделение нашего Генерального Штаба командирует в Петроград офицеров для учреждения Разведочного Отделения Штаба. Во главе Петроградского Отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями:

Майор Любертц, шифрованная подпись Агасфер.
Майор фон-Бельке, шифрованная подпись Шотт.
Майор Байермейстер, шифрованная подпись Бэр.
Лейтенант Гартвиг, шифрованная подпись Генрих.

Разведочное Отделение, согласно договора с г.г. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями и за контр-революционным движением, а также будет выполнять разведочную и контр-разведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты.

Одновременно сообщается, что в распоряжении Правительства Народных Комиссаров командированы консультанты по Министерству Иностранных дел — г. фон-Шенеман, по Министерству финансов — г. фон-Толь.

Начальник русского отдела Германского Генерального Штаба:
Адъютант:

О. Раух.
Ю. Вольф.

(И ниже в том же письме)

В Комиссариат по Иностранным делам:

Указанные в настоящей бумаге офицеры были в Революционном Комитете и условились с Муравьевым, Бойе и Данишевским о совместных действиях. Все они поступили в распоряжение Комитета. Консультанты явятся по назначению.

Председатель Военно-Революционного Комитета Совета Раб. и Солд. Депутатов:
Секретарь:
27-го Октября, 1917 года.

А. Иоффе
П. Крушавич

В письме от 4 декабря «Нахрихтен Бюро» («Разведочное Отделение») сообщает в Народный Комиссариат по военным делам список граждан России, находящихся на службе германской разведки.

В письме говорится, что «все означенные лица находятся на постоянном содержании от разведовательного отделения Германского Генерального Штаба».

9 декабря «Нахрихтен Бюро» адресуется весьма срочное послание Троцкому. Серьезность этого документа вынуждает нас привести его целиком:

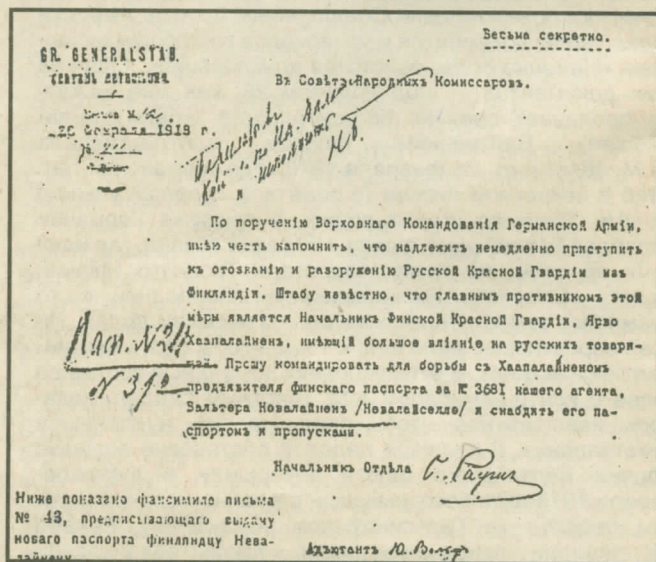
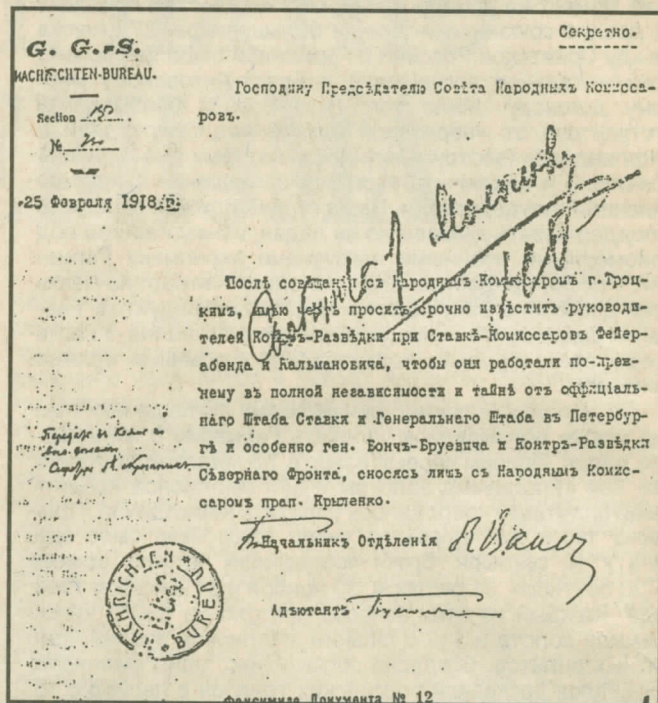
«Согласно Вашему поручению, Разведочным Отделением 29 ноября был командирован в Ростов майор фон-Бельке, установивший там разведку за силами Донского Войскового Правительства. Майором был организован также отряд из военнопленных, которые и принимали участие в боях. В этом случае военнопленные, согласно указаниям, сделанным июльским совещанием в Кронштадте с участием: гг. Ленина, Зиновьева, Каменева, Раскольникова, Дыбенко, Шишко, Антонова, Крыленко, Володарского и Подвойского, были переодеты в русскую солдатскую и матросскую форму. Майор фон-Бельке принял участие в командировании, но сбивчивые распоряжения официально командующего Арнаутова и бездарная деятельность разведчика Туллака парализовали план нашего офицера. Посланные по приказу из Петербурга агенты убить ген. Каледина, Алексеева и Богаевского оказались трусливыми и не предприимчивыми людьми. К Караулову проехали агенты. Сношения ген. Каледина с Англичанами и Американцами несомненны, но они ограничиваются денежной помощью. Майор фон-Бельке с паспортом Финна Уно Муури возвратился в Петербург и выступит сегодня с докладом в кабинете Председателя Совета в 10 час. вечера.

За Начальника Отделения: *Р. Бауер.*

Адъютант: *М. К. — ? (неразборчиво).*

В своем примечании к этому документу Эдгар Сиссон, представитель правительственного Комитета общественного осведомления Соединенных Штатов (зимой 1917—1918 годов), пишет: «Это является хладнокровным раскрытием германо-большевистского плана убийства Каледина и Алексеева, а также доказательством того обстоятельства, от которого так часто отрекался Смольный зимой (1918 г. — А.А.), а именно, что Германские военнопленные были вооружены в качестве русских солдат для борьбы против русских националистов на Дону».

Можно добавить, что взаимная помощь в осуществлении политических интриг и террористических акций прослеживается и в некоторых других документах. Вот один из них — № 37-А. Это письмо в Совнарком руководителя советской делегации на переговорах в Бресте А.Иоффе. В нем говорится, что германское командование просило советскую сторону оказать давление на Румынию, чтобы Германия быстрее заключила с ней выгодный «мирный» договор и развязала себе руки на Западном фронте (против Франции и Англии). Германский генерал Гофман настаивал на аресте румынской миссии в Москве и посылке большевистских агитаторов в румынскую армию для подрыва ее боеспособности и низложения существующего правительства. Троцкий буквально исполнил то, о чем его просили. В канун нового, 1918 года румынский посланник в Петрограде был арестован и освобожден только после совместной просьбы всех посольств и миссий. Его выслали из

страны. Был издан секретный приказ о расстреле посла при проезде его через Финляндию. Посла спасла финская Белая гвардия. Что касается агитаторов, то они тоже были направлены. Их подрывную деятельность, как видно из документов, оплачивал немецкий «Нафт-индустриал банк».

Рука об руку работало «Нахрихтен Бюро» со Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией. 17 декабря «Разведочное отделение» германского генштаба сообщает ВЧК — по просьбе этого ведомства — «список наблюдателей за миссиями союзных России государств» — Великобритании, Франции, Соединенных Штатов, Румынии, Италии. Причем среди германских агентов были как немецкие подданные, так и граждане России. Все они обязывались, как говорится в документе, «исполнить все поручения миссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем, погромами и пр.».

Какое трогательное единство задач! Невольно понимаешь комиссара по борьбе с контрреволюцией и погромами Г. Залкинда, который, обращаясь 14 декабря 1917 года к майору фон-Бельке с просьбой помочь информацией, именует его не иначе как «многоуважаемый товарищ».

Может возникнуть вопрос: как было возможно такое тесное сотрудничество в условиях военного противостояния России и Германии в начале 1918 года? Ведь большевистская мифология до сих пор считает, что Красная Армия родилась в боях с немцами именно тогда, в феврале 18-го. На этот счет имеются любопытные документы. В одном из них (под номером 30) германский генштаб просит Председателя Совнаркома сведения о «настроении направляемых к Пскову отрядов и предостерегает от возможных печальных последствий, если в этих отрядах будет вестись патриотическая пропаганда и агитация против Германской Армии». В верхней части письма есть примечание: «Срочно. Председатель Совета Народных Комиссаров просит Володарского сообщить это Агитационному Отделу. (Подписано). Секретарь Скрыпник».

Э. Сиссон комментирует этот документ так: «Посылаемые в это время в Псков отряды состояли из красногвардейцев и рекрутов новой Красной Армии. Псков был взят немцами без боя».

Столь же бесспорно выполнили большевистские руководители и другую просьбу германского генштаба: направить немецкого разведчика «для наблюдения» за деятельностью патриотически настроенного начальника российского генштаба Бонч-Бруевича, который не устраивал немцев. Троцкий распорядился выдать этому «наблюдателю» — турецкому подданному Карпу Х.Миссирову российский паспорт (документы №№ 31—32). Правда, другое настойчивое «напоминание»

немцев — о «желательности» назначения Российским Верховным главнокомандующим генерала Парского (который осенью 1917 года без сопротивления сдал немцам Ригу) осталось невыполненным. Может быть, потому, что оно показалось чрезмерным даже для большевиков.

Боясь разоблачения в глазах мировой общественности, большевистские лидеры срочно заметали следы. Еще 16 ноября 1917 года уполномоченные НКИДа Е. Поливанов и Г.Залкинд сообщали Ленину (документ №1):

«1. В Архиве Комис. Юстиции из дела об «измене» тт. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. изъят приказ Германского Императорского Банка за № 7433 от 2-го марта 1917 года об отпуске денег тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и друг. за пропаганду мира в России;

2. Проверены все книги Низ-Банка в Стокгольме, заключающие счета т.т. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по ордеру Германского Императорского Банка за № 2754. Книжки эти переданы тов. Мюллеру, командированному из Берлина» (выделено мной. — А.А.).

Думая, пришло время поименно назвать руководящих деятелей большевистской партии, которые поддерживали секретные связи с германскими властями или их разведывательными органами, работали под руководством последних.

ЭТО: УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН), ТРОЦКИЙ, ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, СВЕРДЛОВ, ДЗЕРЖИНСКИЙ, КОЛЛОНТАЙ, ФРУНЗЕ, РАСКОЛЬНИКОВ, КРЫЛЕНКО, ДЫБЕНКО, ВОЛОДАРСКИЙ, ГАНЕЦКИЙ, КОЗЛОВСКИЙ, РАДЕК, ПОДВОЙСКИЙ, УРИЦКИЙ, МЕНЖИНСКИЙ, ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, ИОФФЕ, ФАБРИЦИУС, РАКОВСКИЙ, ПЯТАКОВ, ЧУДНОВСКИЙ, МАРКИН, КОБОЗЕВ, СЫРЦОВ, МЕХОНОШИН, ПЕТЕРС, ЗАЛКИНД, ПОЛИВАНОВ, АВАНЕСОВ, СТЕКЛОВ, ГОРБУНОВ, СКРЫПНИК, КАЛМАНОВИЧ, СТУЧКА, СЕМАШКО...

Кроме того, имелись десятки исполнителей разных уровней — рядовых большевиков. В пользу Германии работали хорошо оплачиваемые (на немецкие деньги) красногвардейцы, бывшие сотрудники царской охраны, чекисты. Последние старательно выявляли агентов среди сотрудников миссий стран Антанты и не обращали внимания на германских агентов, которыми была наводнена страна. Сотни немецких разведчиков выполняли задания в различных регионах страны, начиная от Петрограда и Москвы и кончая Дальним Востоком, Севером и Кавказом. С ведома и согласия Совнаркома под крышей правительства и ВЦИК, различных комиссариатов и ведомств орудовали многие десятки агентов «Разведочного Отделения» германского генштаба...

73 года советским людям внушали, что партия приведет их к лучезарному будущему. Но к какому будущему могла привести партия, на которой изначально стоит родимое пятно национальной измены? Партия, чьи руководители осуществили переворот на немецкие деньги, а чтобы скрыть этот факт, оптом и в розницу распродала страну правительству враждебного государства. Партия национальной измены могла привести страну только к национальному краху.

Известный публицист Юрий Щекочихин сейчас заканчивает работу над книгой «Другая Москва. Россия: 70—90-е». Она пишется урывками, в промежутках между работой в «Литературной газете» и присутствием на съездах и сессиях. Книга эта — о времени безвременья и первых надежд, о том, как преломлялось оно в судьбах людей, перемалывало одних и делало стойками других. Автор как бы предостерегает от того, что может случиться, если в нашей жизни не произойдут настоящие перемены.

Юрий ЩЕКОЧИХИН

Кажется, было лето... Да, лето.

Помню открытое окно и мягкий шум Цветного бульвара, заполнивший крошечную комнату.

Шел 1980 год, когда уже все всё понимали и, не стесняясь — в очереди, в метро, чуть ли не на профсоюзных собраниях, — рассказывали всё новые и новые анекдоты про престарелого лидера.

Так вот об этом дне. Точнее, об одном телефонном звонке, из-за которого тот день остался в памяти, а не растворился в других пролетевших днях.

— Юрий? — услышал я в телефонной трубке вкрадчивый (как мне тогда показалось) мужской голос. — С вами говорит Алексей Иванович...

— Какой Алексей Иванович?

— Алексей Иванович. Из Комитета государственной безопасности! — почему-то радостно сообщил мне телефонный незнакомец. И добавил:

— Нам, Юрий, надо будет с вами встретиться.

— Ну, приходите. Я на работе, — без особой радости сказал я.

— Да что вы, Юрий! У вас же там люди! Нет, на работе никак невозможно!

— Так что, мне, что ли, к вам на Лубянку идти?! Тогда давайте присылайте повестку. И вообще, откуда я знаю, кто это мне звонит?

— Да я на самом деле из КГБ! Что вы, право... — в голосе появилась обида. — Можете записать мой телефон, и сами мне позвоните — и мне был продиктован телефон, который, помню, начинался с их характерных 224...

Я ответил, что куда я звонить не буду и выходить тоже никуда не собираюсь и что если я нужен КГБ, то пусть он ко мне приходит, а не наоборот.

— Да это очень важно, важно... Ну как вы не понимаете!.. Это действительно важно!..

Что им нужно? Их интересно я? Или хотят что-то узнать о моих друзьях? Что за спешка? Может, это связано с последней командировкой в Узбекистан и статьей, недавно опубликованной в «ЛП»? Или просто так — поближе познакомиться?

...И тут телефон зазвонил вновь.

Казалось, что Алексей Иванович только-только взбежал вверх по лестнице, таким прерывающимся, с одышкой был его голос:

— Нет... Юрий... Никак невозможно... Я только что от руководства... Нет, только сегодня... Вопрос очень срочный... И не у вас в редакции... Вопрос не терпит отлагательства... Очень, очень нужно увидеться... И руководство...

ЗАЧЕМ

— Черт с вами! — решительно сказал я. — Только моя тяга к приключениям заставляет меня идти на эту встречу!

— Вот и чудненько, вот и чудненько, — возликовал Алексей Иванович.

— Когда? Где?

— Любая гостиница на выбор. «Россия», «Берлин», «Будапешт»...

Я прикинул, что ближе от редакции: «Будапешт»...

— Через полчаса я вас жду...

— Да как я вас узнаю-то? — спросил я.

— Не беспокойтесь... Мы вас узнаем, узнаем, — радостно сообщил мне таинственный собеседник...

Я вышел в коридор и увидел Роста, выходящего из фотолаборатории.

— Юра, — попросил я его. — Подстрахуй, пожалуйста... Может быть, меня хотят растворить в ванне, — и рассказал ему о надоедливом Алексее Ивановиче, так страстно жаждущем свидания со мной.

До «Будапешта» мы домчались за считанные минуты. Рост остановил машину недалеко от гостиницы.

А вот и Алексей Иванович, тут же определил я, увидев человека, который радостно заулыбался при виде меня. Лет сорок, неразличимое лицо... Клерк клерком.

— Вот замечательно, Юрий, вот замечательно... И чтобы вы не волновались... — он вытащил и показал мне удостоверение, разделенное внутри на три полосы...

Ага, правильно... Алексей Иванович... КГБ... Майор... О, майор!..

Я помню, долго рассматривал удостоверение, больше для Юры Роста, который следил за нашей встречей из машины. И потом сказал:

— Ну, и где же мы будем разговаривать?

— Вот, пожалуйста, — распахнул он двери гостиницы.

А дальше произошла замечательная сцена.

Дело в том, что изо всех врагов, которые у меня есть, на первом месте стоят швейцары. Сколько я себя помню, они меня никогда никуда не пускают, а если и пускают, то долго подозрительно смотрят вслед.

Вот и тогда, как только мы вошли в гостиницу, наперерез мне бросился швейцар:

— Вы куда? Куда!..

— Товарищ со мной, — тихо произнес Алексей Иванович.

— А вы сами кто такой! — вдруг сказал швейцар, переражая путь уже майору в штатском.

Майор посмотрел на швейцара, как на ребенка, и сказал:

— Дайте пройти!.. Не мешайте!..

— Что значит, не мешайте! — взревел швейцар. — Вы куда лезете!..

Тогда майор извиняюще взглянул на меня, подошел вплотную к швейцару и шепнул ему несколько, по-видимому, заветных слов.

— Так бы сразу и сказали! — недовольно пробурчал швейцар, и уже мне: — Ну, а вы куда!..

— Да со мной, товарищ, со мной... — бросил ему майор и, уже когда мы миновали вход, сказал в сердцах: — Вот болван, а?.. Я этих швейцаров, если откровенно, то просто ненавижу. Чем тут же вызвал во мне братскую симпатию.

Я БЫЛ НУЖЕН КГБ?

Мы, помню, шли какими-то переходами, поднимались по лестнице, потом снова опускались.

— Я, Алексей Иванович, так еще ни разу не встречался.

— Неужели первый раз? Да не может быть! — как показалось мне, искренне удивился майор.

— И вообще, — добавил я, — с вашими никогда не встречался. Я больше с милицией.

— Да не может быть! Неужели впервые?! — снова удивился Алексей Иванович.

Наконец, мы остановились у какого-то номера, и майор без стука открыл дверь. Навстречу поднялся пожилой полный человек, судя по возрасту, явно не майор, а намного выше.

— Вот и Юрий... А это... — и он назвал мне какое-то имя-отчество — то ли Иван Васильевич, то ли Василий Иванович, которое я сейчас, честно, запомнил.

— А у нас здесь товарищ живет... — кивнул старший на девственно чистый номер. — Но сейчас по Москве гуляет, вот мы и воспользуемся его номером.

Солгав, он не покраснел.

Ну а дальше, дальше самое трудное для меня — описать разговор, состоявший из междометий и ничего не значащих вопросов.

Помню, с порога я сказал:

— Когда я шел к вам, то все время думал, какая из иностранных разведок меня завербовала...

На что тут же последовал ответ:

— Да что вы, что вы!..

Дальше меня спросили:

— Как ваша жизнь?.. — И когда я ответил, что жизнь как жизнь, то последовал следующий вопрос: «Ну а вообще?» — я ответил, что и вообще ничего. Потом, как дома? как на работе? как мне пишется? и прочую ерунду.

Несколько лет тому назад, когда замечательный писатель и друг Эдуард Успенский написал в КГБ письмо, в котором обвинил генерала Абрамова, тогдашнего руководителя пятого, идеологического, управления в покровительстве всяких темных делишек Сергея Михалкова, то Эдика вызвали в КГБ на беседу и первым делом спросили, как у него со здоровьем. «А здесь у вас что, поликлиника?» — разъярился Эдик.

Так вот. Меня не спрашивали даже о здоровье. Меня вообще ни о чем не спрашивали, не называли никаких фамилий и не требовали от меня назвать какие-то фамилии.

Мы сидели и лениво разговаривали, как случайно повстречавшиеся люди в аэропорту. И дело, как я чувствовал, уже шло к тому, чтобы обменяться мнением о погоде и о видах на урожай, и я уже начал нетерпеливо поглядывать на часы, когда старший сделал эффектную паузу, внимательным и долгим взглядом посмотрел на меня и спросил:

— Скажите, Юрий, как вы оцениваете влияние буддизма на секции каратэ?..

— Чего? — удивился я.

Тот повторил вопрос. И пока я объяснял, что никакого отношения не имею ни к буддизму, ни к каратэ, не видел никогда живьем буддийского монаха и ни разу в жизни не ходил в секцию каратэ, лица моих собеседников удивленно вытягивались.

Фото Б. Азарова

— Как же так? — растерянно сказал майор Алексей Иванович, — а нам сказали, что большой специалист...

— Так из-за этого весь этот маскарад? — удивленно спросил я. — Эта спешка, телефонные звонки, конспиративная встреча?..

В ответ я услышал что-то нечленораздельное о том, как тяжело сейчас с молодежью, что информация на нуле, а сотрудники — мне так и сказали — в силу возраста и специфических стрижек никуда не могут проникнуть.

— Ну тогда я пошел, — сказал я поднявшись.

И уже возле выхода, прижав меня к дверям ванной комнаты, майор сказал мне:

— Но, Юрий, просьба. О нашей встрече никому ни слова.

— А это уж нет, — помню, с гордостью, ответил я. — Это уж я никак не могу. Я не Вася с улицы, а спецкор «Литгазеты» и первым делом обязан — я подчеркнул это слово, — обязан сообщить о нашем контакте руководителям редакции.

Последние слова я тоже подчеркнул.

— Ну зачем же, Юрий...

На этих словах мы и расстались.

Я радостный возвратился в редакцию и, увидев в коридоре Аркадия Удальцова, нашего заместителя редактора, сказал ему, что только-только из гостиницы «Будапешт», где состоялась вот такая идиотская беседа.

— Здесь что-то не так... — протянул Удальцов. — Может, они из тебя хотят сделать секретного агента?..

Потом я рассказывал эту историю множество раз: в командировках, в застолях, на пляже, друзьям и даже мало-знакомым людям.

И все долго смеялись.

Кстати, майор Алексей Иванович звонил мне еще дважды, в том же самом 80-м. Один раз он почему-то радостно сообщил мне, что вернулся из отпуска, второй — признался, что очень ему нравится, как я пишу, и попросил назвать номера газет, в которых были мои статьи (на что ответил, что сделать это невозможно, поскольку я сам не знаю).

С тех пор он исчез.

До сих пор не могу понять, что же им было тогда от меня нужно. Действительно ли их интересовала эта ерунда про буддизм и каратэ или это был повод для беседы?.. Но беседы не получилось. Слишком многим я рассказал про их странные привычки, и потому, думаю, они решили, что со мной лучше не связываться.

Но я ошибся. Прошло время. И они снова связались со мной. Недавно, собираясь с этими воспоминаниями, наткнулся на старый блокнот. Ого, оказывается, у меня был опыт дневника!

«1986 г. 19 января. Вчера — как бы премьера моей пьесы в Детском театре, но неофициальная. В зале много взрослых. Перед началом сидел у администратора, ждал своих гостей... При входе увидел С. Мищенко. Любезно поздоровались. С ним было еще несколько человек».

Мищенко. Кто такой? Помнится, я приглашал на свою премьеру самых близких. Как же оказался среди них Мищенко. Ах да, КГБ.

Вспомнилось, еще в комнате администратора перед началом спектакля я обратил внимание на двух молодых людей, которые то цепко вглядывались в лица моих гостей, то выскакивали на улицу, поджидая кого-то. «А это что за типы?» — спросил я у администратора. «Эти? Эти — из

комитета. Должен прийти их какой-то большой начальник». Потом помню, как вытянулись лица у этих молодых людей, когда высокий их гость (или начальник) наконец-то появился, и я, увидев его, сказал: «Привет, Сережа. И ты к нам?..»

Да, этого-то я знал.

За два года до событий, описанных в дневнике, я объявил в газете номер прямой телефонной связи с молодежными неформальными группами, так будоражившими общественное мнение в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов.

Он позвонил, по-моему, на второй день после начала этого телефонного эксперимента:

— Алло, это Мищенко, из КГБ. Что это вы себе позволяете? Что, еще один комсомол хотите создать?.. У нас к вам уже давно много вопросов... — и так далее, все в таком же духе.

Потом мы с С. Мищенко неожиданно увиделись в Центральном Доме журналиста, больше того — оказались вместе в президиуме какого-то журналистского собрания, посвященного юным неформалам. Он, помню, пугал ими, я — пытался объяснить их. Я не мог преодолеть в себе неприязни к представителю КГБ не только из-за самой фирмы и не только из-за его позиции (хотя, надо отдать ему должное, он излагал ее достаточно убедительно), но и потому, что незадолго до этого моя уже готовая полоса «Алло, мы вас слышим», посвященная отчету о телефонном эксперименте, была снята из номера цензурой. И я полагал, не без помощи С. Мищенко или его коллег.

Потом мне однажды позвонили из ЦК ВЛКСМ и попросили собрать специалистов по «неформалам»-подросткам. Я позвал нескольких ученых, писателей и — неожиданно там увидел приглашенного комсомольцами С. Мищенко. Встреча, как и многие подобные в те годы, шла бестолково, разговор был на разных языках, да и сами ответственные начальники из комсомола, организации, давно уже дышавшей на ладан, не могли ни понять, что происходит, ни, тем более, предложить хоть какой-нибудь здоровый путь общения с младым и незнакомым племенем первого непуганого поколения отечественных подростков, чьих отцов не арестовывали при Сталине.

Запомнилась эта встреча двумя обстоятельствами. Секретарь ЦК, молчавший на протяжении всей встречи, вдруг ни с того ни с сего сказал мечтательно: «А я, ребята, недавно в Японии был. Две недели». И, заметив, наверное, недоумение на наших лицах, замолчал. И второе — страстная речь С. Мищенко в защиту рок-групп, которых, по его словам, сама же власть загоняла в подполье. Я настолько удивился его выступлению, что, когда уже расходились, спросил у него: «Что это с вами случилось? Вы уже не в КГБ?..» На что он, вдруг перейдя на «ты», горячо сказал: «Ты что думаешь, старик, мне легко? У нас тоже всяких хватает. Есть такие, для кого что рок, что шпионаж — одно и то же!.. Я здесь недавно на собрании выступал. Мне тоже приходится бороться». И, заметив, наверное, удивление в моих глазах, добавил: «Ты, наверное, думаешь, что КГБ душит все прогрессивное, а нам, между прочим, приходится отстаивать все прогрессивное от аппаратчиков».

Сейчас я думаю, что дело было не в метаморфозах личности С. Мищенко (капитана? майора? полковника?), а в том, что эта встреча была уже после апреля 1985 года. За год до того, как мы увиделись в третий и последний раз в комнате администратора Центрального детского театра.

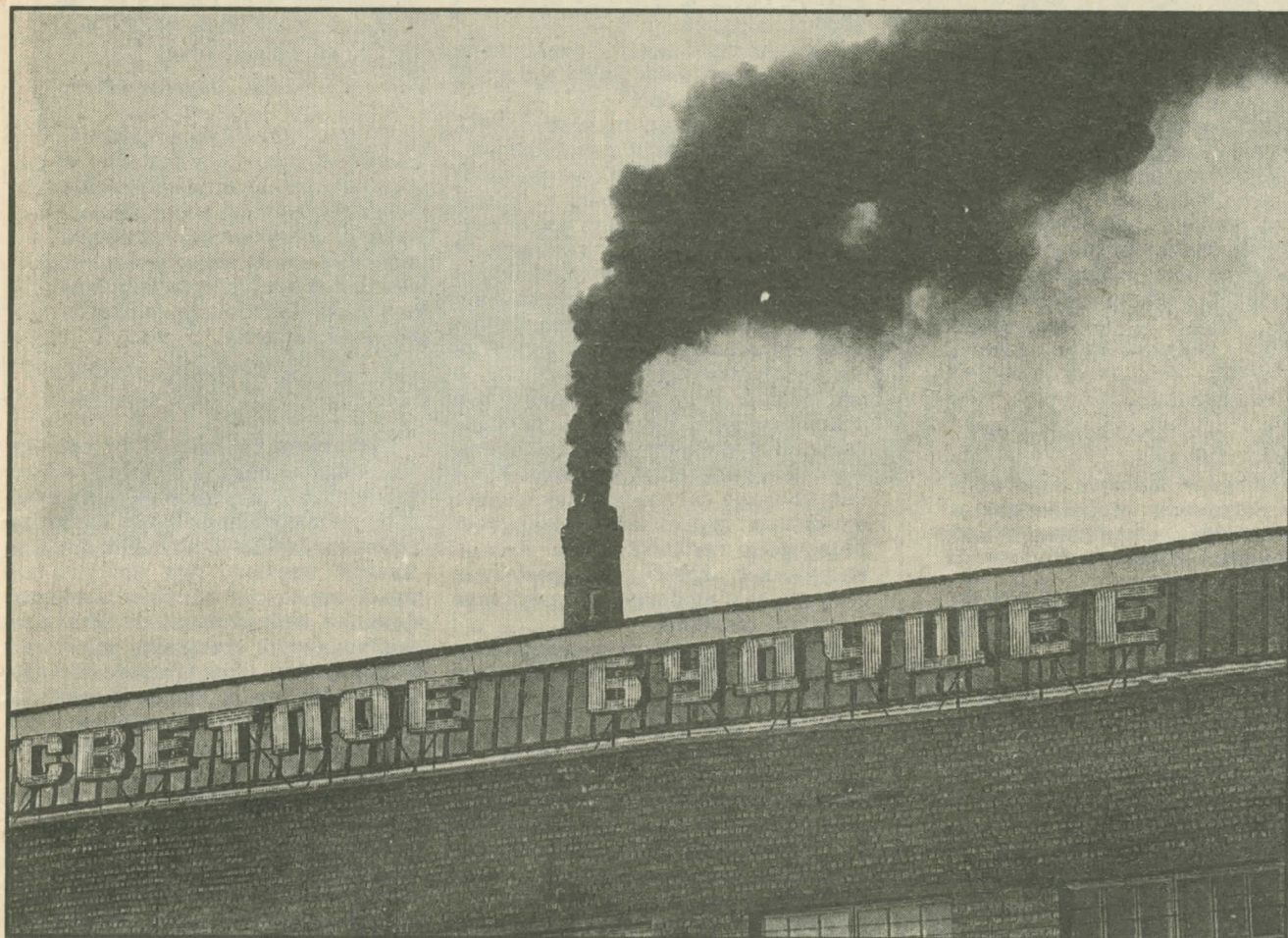

Фото Э. Хрижаненко

ДАЛЕКО ЛИ МЫ УШЛИ ОТ 1984-ГО?

МЫСЛИ ВСЛУХ ПОСЛЕ ПРОСМОТРА НЕНАШЕГО ФИЛЬМА О НАС

В декабре в Москве состоялась презентация английского фильма «1984» по знаменитому роману Джорджа Оруэлла. Выступая перед просмотром, режиссер Марвин Редфорд сказал, что на съемках, репетируя с массовой «двухминутку ненависти», в ходе которой люди истерически выкрикивают проклятия врагам народа и славят вождя, он понял: нет ничего проще, чем обрушиться в тоталитаризм...

Во время просмотра в зале дважды вспыхивал смех — когда героиня выкладывала свертки, приговаривая: «Настоящий сахар... настоящее молоко... настоящий чай... продукты для внутренней партии», и когда в приемной видного члена той же внутренней партии герою налили в рюмку красную жидкость, пояснив: «Это называется вино...»

Нетрудно, отметив очевидные различия между 1990-м и 1984-м (в оруэлловском или в отечественном варианте), сказать: «Обратной дороги нет». И столь же легко, указав на бросающееся в глаза сходство, утверждать обратное. Вопрос, однако, в другом — в причинах и стимулах возможного стремления «хomo советикус» вернуть страну в состояние «1984».

ТОТАЛИТАРИЗМ И НИЩЕТА

«Низкий потолок, набитый зал, грязные от трения бесчисленных тел стены... запах скверного кофе, подливки с медью и заношенной одежды... Всегда ли было это ощущение, что ты обкраден, обделен?.. Сколько он себя помнил, еды никогда не было вдоволь, никогда не было цельных носков и белья, мебель всегда была обшарпанной и шаткой... дома — обветшалыми, хлеб — темным, кофе — гнусным, чай — редкостью, сигареты — считанными...»

Дж. Оруэлл, 1984

«По мере развития капитализма положение рабочего класса ухудшается относительно, а иногда и абсолютно».

Учебник политекономии для системы партийной учебы

Рост коммунистических настроений прямо пропорционален: 1) абсолютному обнищанию значительной части населения; 2) ее обнищанию относительно оставшейся части. И наоборот, относительный и абсолютный рост благосостояния вызывает падение коммунистических побуждений.

П. Сорокин (в вольном изложении)

Тусклость, убожество и апатия, которые Оруэлл назвал «самыми характерными чертами» описанного им мира, были спутниками зафасадной советской жизни с самого ее зарождения, но воспринимались критиками тоталитаризма лишь как неизбежное следствие плохого экономического устройства и незаинтересованности в труде. То, что нищета является одновременно и фундаментом коммунистического режима, практически не замечалось, хотя некоторые коммунистические правители, вроде Пол Пота, вполне сознательно удерживали жизнь на уровне бедности.

По Марксу, относительное и абсолютное обнищание рабочих — закон развития капитализма, столь же неустрашимый, как закон всемирного тяготения. Из него следовало, что рабочие в конце концов низвергнут доведший их до скотского состояния строй и начнется коммунистическая эпоха. Здесь Маркс выступал как исторический фаталист, но мы фаталистами

быть не обязаны и можем задать два наивных вопроса:

1) что должны делать капиталисты, чтобы не допустить роста коммунистических настроений?

2) что должны делать коммунисты, дабы поддерживать эти настроения?

Если закон Сорокина (см. эпиграф) справедлив применительно к коммунистическим обществам (в чем нет оснований сомневаться, хотя выведен он был из анализа других формаций), то капиталисты, очевидно, должны в интересах собственного сохранения заботиться о благосостоянии народа, а коммунисты в тех же интересах — сохранять его нищету. Делают они это сознательно или же система рефлекторно находит нужный ей режим — не имеет большого значения. Ходячий афоризм «нет ничего постоянного временных трудностей» приобретает неожиданно глубокий смысл. Коммунистическая власть, изображавшая себя властью изобилия, на самом деле — власть дефицита.

Первый в истории друг народа Жан-Поль Марат говорил, что голодный имеет право вонзить зубы в сытого и пожирать его трепещущее тело. К праву это отношения не имеет, но практика голода именно такова, и во время этой практики всегда находятся люди, готовые возвести ее в закон. Тем более у нас, где справедливость понимается как уравнивание в результате деления на равные части.

Спасение от коммунизма — в богатстве. Если живущий впроголодь в одноклеточной хибаре с соткой земли еще способен поджечь десятикомнатный дом соседа, то этот последний не станет палить чей-то замок с лесом, ибо уже не будет чувствовать себя обделенным.

Заметим также, что в условиях всеобщего голодания демократия отнюдь не препятствует наступлению тоталитаризма, напротив, начинает выталкивать наверх всевозможных популистов (будь то «бешеные» во время французской революции или коммунисты во время русской), угадывающих уравнилельные инстинкты толпы и стремящихся установить — путем выборов или мятежа — тоталитарный режим, вернее, режим олигархического коллективизма (термин, употребленный Оруэллом, но придуманный не им).

Резюме:
ОБНИЩАНИЕ ПЛЮС ДЕМОКРАТИЯ ДАЮТ ТОТАЛИТАРИЗМ

БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ

«Слово «свободный» в новоязе осталось, но его можно было ис-

пользовать лишь в таких высказываниях, как «свободные сапоги», «туалет свободен».

Дж. Оруэлл, «1984»

«...Мы зачарованы ростом свободы от сил, в е ш н и х по отношению к нам, и, как слепые, не видим тех в н у т р е н н и х препон, принуждений и страхов, которые готовы лишить всякого смысла все победы, одержанные свободой над традиционными ее врагами».

Э. ФРОММ, «Бегство от свободы»

Суть этого феномена (Фромм указал на него одним из первых) состоит в том, что в определенных социальных условиях естественное человеческое стремление к свободе сменяется жаждой порядка, при котором каждый знает свое место и исполняет функции, избавляющие от пугающей необходимости принимать решения и делать выбор. Тоталитарное государство, отбирая у человека свободы (точнее, ряд степеней свободы), взамен давало ему некоторые социальные гарантии — бесплатные медобслуживание, образование; обеспечивало работу, жилье, заработок и место на кладбище. Человек спланировал свое будущее — через пять лет получит прибавку к зарплате, через десять подойдет очередь на машину, через двадцать — на квартиру, а там уже и старость стучит во дворе домишными костями. Гарантии были уничтожены, за ними, как и за всем, нужно было стоять в очереди, но некую уверенность в будущем они вселили.

Нынче плановая экономика летит к черту. Перед воображением «хомо советикус» возникает угроза безработицы (о ее ужасах семьдесят лет долбила пропаганда, и пять лет контрпропаганда отнюдь не вышибли этого из подсознания), тягостная необходимость выбора, который нужно делать самому, ибо никому больше ты не нужен. Как выразился один социолог, «в воду бросают человека, не просто не умеющего плавать, но и не имеющего понятия о том, что можно уметь плавать». Словом, состояние уволенного в запас без пенсии офицера — состояние иммигранта в родной стране. Прикиньте удельный вес массы таких людей в нашем обществе и попробуйте предсказать, как они поведут себя в условиях действительного рынка, когда их тревожат даже просто разговоры о нем. И опять-таки, демократия

Фото В. Мастокова

— Столько же, сколько и на неправой».

А. М.

«— Как я могу не видеть, что у меня перед глазами? Два и два — четыре.

— Иногда, Уинстон. Иногда — пять. Иногда — три. Иногда — все, сколько есть».

Дж. Оруэлл, «1984»

не мешает тоталитарным тенденциям, напротив, способствует им — фашисты ведь победили в Германии демократическим путем.

Добавим сюда специфически российское понимание, оно же непонимание, свободы. Говорили о нем многие, и многие же сходились на том, что русскому человеку нужна не свобода, а воля. Но воля и цивилизация друг друга исключают, воле нужна дикость. «О, как бы резво я пустился в темный лес. И силен, волен был бы я, как вихрь, роющий поля, ломающий леса». Другой аспект российской воли — воля в большевистском понимании, для которой нет ничего невозможного, которая преодолагает все — озеленяет пустыни, поворачивает реки, осушает моря, выращивает пшеницу в тундре, отменяет биологические, экономические, юридические законы. В конечном счете эта воля трансформируется в волю к власти. Будучи же поставлена над законом, она приводит к государственному устройству, которое наиболее беспрепятственным образом обеспечивает трансляцию воли сверху вниз — все к тому же олигархическому коллективизму. Излюбленный наш лозунг «Вся власть — ...!», кем бы он ни выдвигался и что бы ни стояло на месте многоточия (кроме слова «закон»), — есть лозунг тоталитарного государства.

Резюме:

НЕУВЕРЕННОСТЬ ПЛЮС ДЕМОКРАТИЯ И ВОЛЯ ПЛЮС ДЕМОКРАТИЯ ДАЮТ ТОТАЛИТАРИЗМ

ВНУШЕННОЕ ЗНАНИЕ

«— Сколько пальцев на правой руке?»

В течение нескольких лет в советской пропаганде произошел поворот на сто восемьдесят градусов — то, что раньше объявляли черным, объявили белым, что проклинали как зло, стали прославлять как добро, причем делали это подчас одни и те же люди. Люди, которые «с чистой совестью» (признание корреспондента «Огонька» Д. Бирюкова в № 49) поддерживали интервенцию в Афганистан и Чехословакию, высылку Сахарова или осуждение Даниэля и Снявского, теперь с такой же чистой совестью поддерживают рынок, демократию, Гдлана и собственность без права продажи. Прежние понятия были просто отставлены и замещены другими. У людей появились новые мысли, но являются ли они их мыслями? А ведь, как писал тот же Фромм, «право выражать свои мысли имеет смысл только в том случае, если мы способны иметь собственные мысли». Несобственные убеждения не имеют никакой цены.

Легкость поворота должна не успокаивать, а тревожить. Старое знание не исчезло, не разрушено, оно вытеснено в подсознание или на периферию сознания, где соседствует с новым и смешивается с ним. В головах присутствуют взаимоисключающие установки. Но совмещение противоречащих друг другу утверждений способно породить любую химеру. Теряется ощущение реального и нереального.

НЛО, масонский заговор, лечение на расстоянии, контакты с пришельцами и влияние Венеры на вероятность выиграть в «Спортлото» — все смешалось в доме Советов. Раньше законы мироздания пытались расшатать волей, теперь их колеблет сон разумом. Критический барьер обиденного сознания снижен до предельной отметки. Внушаемость, то есть способность отдаться любому авторитарному убеждению, достигла абсолютной величины, что блистательно доказано Чумаком и Кашшировским, и хорошо, что ими, а не доктором Геббельсом или его бесноватым повелителем — но отчего бы не появиться и этим?

«Если человек что-то понял, «распонять» он уже не может», — уверяют игровики-методологи, берущиеся за несколько дней изменить сознание человека. Джордж Оруэлл утверждал обратное, и опыт показывает, что он ближе к истине. Но мы-то ничего еще толком и не поняли. Поменять местами центр и периферию, сознание и подсознание нам по-прежнему ничего не стоит: двоемыслие давно стало нашей культурой, равной бескультурью. Демократия и тут не помеха.

Отсюда последнее соотношение: **ДЕМОКРАТИЯ МИНУС КУЛЬТУРА ДАЮТ ТОТАЛИТАРИЗМ.**

Все четыре формулы, к наукообразной форме которых не следует относиться всерьез, говорят об одном: демократия — вовсе не панацея от тоталитаризма. Напротив, иногда она легко трансформируется в тоталитаризм. Чтобы этого не произошло, чтобы «1984»-й остался только книгой и фильмом, нам нужно быть богатыми и культурными. Как мало! И как много...

ЗАПАДНЫЙ ДИКТАНТ

**Выставка «Обмен»
(Москва — Вашингтон)**

Эта выставка, со стороны напоминающая двоеборье недавних антагонистов, — некое соревнование двух художественных систем, в январе экспонировалась в Москве, а осенью откроется в Вашингтоне. Те, кто не поленились сходить на Крымский вал, могли убедиться: победила дружба, творческие потенциалы обеих столиц очевидно сравнялись. При этом по борцовским качествам мы даже едва ли не опережаем «столичных штук» из Америки. Наша программа и радикальнее, и максималистичнее, поскольку американцы, в отличие от нас, не боятся выглядеть салонными и консервативными.

Итак, мы вроде бы можем гордиться тем, насколько «передовее» и безогляднее наш с вами авангард. Однако, рассматривая московские картины, в какой-то момент невольно набредаешь на мысль, что добрая половина их обязана своим возникновением добросовестному штудированию ныне широкодоступных западных арт-журналов. Полистав какой-нибудь «Flasch art», вводящий в курс дела (моды), немудрено показать миру свою начитанность, тем более, что подглядывать картинки можно и не зная языков зарубежных реалистических искусств...

Конечно, фоторепортаж с выдающимися постмодернистской архитектуры (один из американских экспонатов) нам не снять, зато запоздалое постижение западных «измов», прежде всего постмодернизма, окончательное примирение с ними (что демонстрирует выставка) дает неожиданные всходы и нетривиальные решения. Западный диктант местами удался блестяще.

Глеб СМЕРНОВ

СУП С ФРИКАДЕЛЬКАМИ ИЗ УЖАСОВ

«ЧАС ОБОРОТЯ»

Телекомпания «Тонис»,
реж. И. Шевченко

Вопреки социалистической традиционной тяге к эвфемизмам, при которой «проститутка» значит «Троцкий», под «наведением порядка» подразумевается порка или другой вид репрессий, а «электрификация», к примеру, вообще ничего не обозначает, эта картина является провозвестником возвращения к исконным смыслам слов. Под оборотнем имеется в виду не шпион, не перерожденец, а неожиданно натуральный оборо-

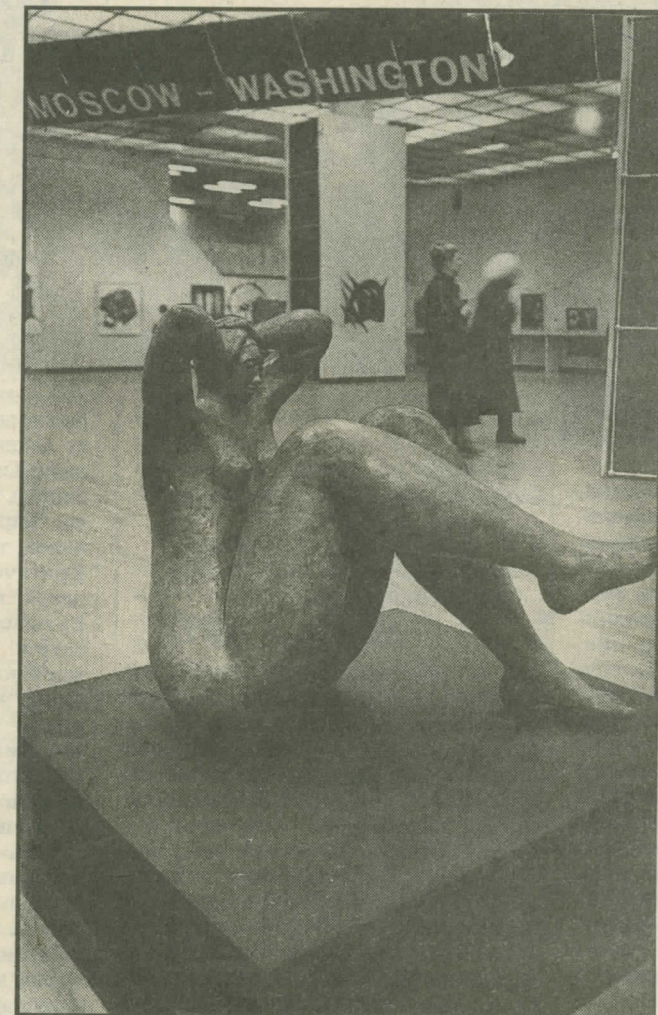

Фото Э. Кудрявцового

тень, некий дяденька, покусанный собакой и в полнолуние превращающийся в красивого здорового черного пса, творящего кровавые безобразия на улицах небольшого города, который в прошлом веке был бы обозначен как уездный. Остается спеть песню «безумству храбрых» авторов, решивших создать поделку в стиле гонконговских подделок под Голливуд, но без денег, без технологии, без опыта. Зато с системой Станиславского наперевес... Нет, определенно нет сил писать. Несчастный актер вынужден превращаться в собаку «на таланте» — ломка, по сравнению с которой наркотическая — суп с фрикадельками. Да плюс ко всему идиотический гра-

жданский пафос намека, по которому выходит, что дело вовсе не в мистике или полнолунии, а в нашей скотской жизни, которая... Словом, постановщикам мало лавров Голливуда, они претендуют и на лавры Булгакова с его «Собачьим сердцем».

Сделайте из моей статьи рупор, вырвав листок из этого гадкого журнальчика, идите к Союзу кинематографистов и скандируйте: «Автора!», пока не позовут. Далее в ход хорошо было бы пустить тухлые яйца, но где они? Ах! Впрочем, их можно купить в находящемся поблизости от дома кинематографистов ресторане «Пекин».

Саша КИСЕЛЕВ

ПРАВДА БЕЗ ТАЙНЫ

**«ПОВЕСТЬ НЕПОГАШЕННОЙ ЛУНЫ»
«Мосфильм» (студия «Слово»), реж. Е. Цымбал**

Борис Пильняк писал стоившую ему головы «Повесть непогашенной луны» еще в революционном дурмане, идеализируя «не горящихся» большевиков и не имея намерения обвинить генсека в умышленном убийстве прославленного командарма. Все, что он сделал, — поставил под сомнение благотворность беспрекословной партийной дисциплины, пославшей под нож хирурга человека, не желавшего операции и не нуждавшегося в ней. С позиции нашего сегодняшнего знания о заплетных сталинских делах Пильняк был наивен.

Фильм Е. Цымбала по сценарию В. Жалакявичуса гораздо ближе к действительным обстоятельствам смерти Фрунзе. Здесь вместо эфемистического Первого фигурирует Сталин, всевластный и хитрый, хладнокровно устранивший возможного соперника, наркомвоенмора, вместо предчувствия террора, как в нервном, с иррациональными бликами повествования Пильняка, — сам террор, пока еще маленькое, но на глазах растущее кровавое дитя революции и гражданской войны.

Киноверсия повести с блеском исполнена, избавлена от романтизации персонажей и, насколько можно судить, безупречно правдива. Казалось бы — чего еще желать? Однако — и тут уж, видно, ничего не поделаешь — со светом знания исчезают не только недомолвки и приблизительность, но и ощущение тайны и глубины, то неподвластное разуму волнение, которое особенно ценимо в искусстве. Жалеть о нем или нет — дело зрителя...

Виктор МАТИЗЕН

МУЖИКИ ТОЖЕ МЕРЗНУТ

«ЗИМНЯЯ ВИШНЯ-II»

«Ленфильм» (студия «Троицкий мост») при участии США, реж. И. Мясниников

Кинематографисты, как преступники, любят возвращаться в места содеянного. И, как правило, успех не повторяется. Подобное уже видели, где-то читали, вторично все, вторично. Но «Зимнюю вишню-II» ругать не хочется. Есть что-то человеческое, нежное, истинное в истории этой любви, в новом, печальном ее круге.

«Малыш» — Ольга — шесть лет живет в Штатах с уважаемым Гербертом. Дочь от Вадима, о которой тот ничего не знал, ни слова не говорит по-русски. А сам

он у нас, в России, в привычной российской хандре, в кризисе надвигающегося 50-летия выясняет отношения с самим собой. И теперь «зимняя вишня» не она, а — он. Мужики тоже мерзнут, когда подступит тоска по жизни, прожитой не с той и не так.

Когда-то был момент — уйти, порвать, а дальше по Трифонову: «Глупость, понимаете? Глупость проходит, а жизнь-то длинная».

Все казалось — ну, было, ну, прошло. Главное — работать, расти, повышать «потолок». Но вдруг очухался и понял — «потолок»-то вот он, и можно по нему постучать, как по крышке гроба. В той вишневой поре все было «затоплено чувством, и места для времени не оставалось». Теперь — куда бы сбежать от времени и сожалений. Потому что глупость не проходит, а жизнь-то — короткая.

Наталья РТИЦЕВА

ЦИРК В ДОМЕ ОСТРОВСКОГО

«МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ»

Малый театр, реж. И. Ронен (Израиль)

Совместными усилиями советских актеров и постановочной бригады из Израиля (режиссер, переводчик, сценограф, художник по костюмам, композитор) на сцене Малого театра появился легкомысленный карнавал, щедро сдобренный цирковыми номерами. Совершенно никакого значения не имеет, кто тут мещанин, где дворянство, кто куда стремится попасть и кого чему научить. Все выглядят одинаково нелепо, одинаково симпатично, одинаково непоучительно. Яркие костюмы оказались к лицу актерам «дома Островского», попривыкшим за последние сезоны к линиям бесцветности. Обрадовались они и долгожданной возможности «размяться». Забыв про сомнительное качество перевода и опасное балансирование некоторых шуток на грани пристойности, можно было бы только поблагодарить создателей спектакля за искреннее желание подарить уставшим зрителям пиршество театральной беспечности. Но мешает возникающее чувство неловкости, сродни тому, которое испытываешь при наблюдении неполучающегося фокуса, — праздник опять оказался неубедительным. Видимо, те, кто на сцене, и те, кто в зале, слишком крепко объединены общими заботами, чтобы первые могли помочь последним развеяться.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

Фото Е. Мичуриной и И. Ефимовой

ПО-НАШЕНСКИ

Справочник «Актеры зарубежного кино»

ВПТО «Киноцентр», 1990

Наше воспевание и обожание собственных неудач, ошибок и преступлений может сравниться лишь с нашим же наплевательским отношением к собственным удачам и достижениям.

Трехтомный биофильмографический справочник, составленный А. Матвеевым и, судя по всему, самый полный и точный в мире, в любой нормальной стране был бы издан с помпой, большим тиражом, принес бы славу автору и немалую прибыль издателю. Но это — «у них». У нас — по-нашенски: справочник выпущен «убойным» тиражом в 500 экземпляров и в полной «тишине». Нужны ли комментари?

Андрей ГАВРИЛОВ

ПОВТОР, УВЫ, ПОВТОР

«Д.О.А.» («Дневник Одной Агонии»)

США, реж. Р. Мортон и А. Янкель

...Преподаватель университета Декстер Корнелл отравлен. У него есть только 24 часа, чтобы сбежать от полиции, подозревающей его в двух убийствах, найти настоящих убийц, отомстить им, смыть пятно со своего имени и совершить еще кучу неотложных дел, чтобы умереть со спокойной совестью. Все бы ничего, если бы не дебильно-неправдоподобная развязка, портящая впечатление от того, что могло бы стать неплохим триллером. Очень хорош Д. Куэйд в главной роли, но режиссеры не смогли превзойти Рудольфа Мате, поставившего фильм с таким же названием и с таким же сюжетом еще в 1949 году.

P. S.: видео
представляет
Андрей Гаврилов

НУ, ПОГОДИ, «НУ, ПОГОДИ»

«Молодые герои — черепашки-мутанты»

Мультсерия, США

Не прошло и трех лет, как наконец-то на видеорынке появились новые любимые герои детворы всего мира — brave черепашки-ниндзя-мутанты. Ничего выдающегося в них нет — они просто такие же супергерои, как Человек-паук, Человек-летучая мышь, Супермен и прочие герои комиксов.

Но это весело, забавно и в отличие от «Кота Леопольда» и «Ну, погоди!» для тех, кому за 10. То есть та мультипликация, которой наши дети практически лишены — наравне со всем остальным.

ХВАТАЙТЕ СРАЗУ

«ОБЩЕСТВО МЕРТВЫХ ПОЗТОВ»

США, реж. П. Уэйр

Грустно. Грустно оттого, что это — хороший, серьезный фильм прекрасного режиссера, и потому, скорее всего, обреченный на коммерческий провал. А это означает, что фильм сразу станет редкостью, как и предыдущая картина того же режиссера «Комариный берег». Даже более «бюрократического» «Свидетеля» Уэйра можно найти сейчас, лишь приложив определенные усилия. Поэтому, если вам попадется «Общество мертвых поэтов», хватайте сразу, смотрите, переписывайте. Другой возможности может не представиться.

ИХ НАВРЫ И НАШ УКАЗ

ЛЮБИМЫЙ СЫН

США, реж. Дж. Бликнер

Леденящая душу четырехчасовая история о жутких нравах в высшем эшелоне американской администрации. Убийства, покушения, СПИД, любовь, извращения, патриотизм, невозможность поступиться принципами, цинизм, никарагуанские контрасты, кливлендский монастырь — все это, разумеется, проникнуто целомудрием американского телевидения и потому полностью в русле известного указа нашего Президента.

И хотя фильм забывается на следующий же день, смотрится он с интересом, который, вероятно, обеспечит ему немалый успех. Только не переставайте думать: если у них — где все так хорошо — в правительстве все так плохо, то как же у нас, где все и так плохо?..

В спектакле Театра на Таганке «Владимир Высоцкий» наряду с оригинальными песнями автора и героя представления звучит музыка на его стихи, сочиненная Альфредом Шнитке. Со дня премьеры прошло десять лет — и вполне естественно сегодня желание узнать, как родилось это музыкальное сочинение, — с чем и обратился к А.Г. Шнитке исследователь жизни и творчества В. Высоцкого, составитель нескольких книг воспоминаний о нем Валерий ПЕРЕВОЗЧИКОВ.

Альфред Шнитке:

— ЭТО БЫЛ ГОЛОС, КАЗАВШИЙСЯ БЕЗГРАНИЧНЫМ

А получилось так... Ко мне обратился Юрий Петрович Любимов, и я поспешил отказаться по ряду причин...

Первое — очень высоко ценя Высоцкого, я все же не мог солидаризироваться с этим песенным жанром... хотя Высоцкий как раз обладал определенной независимостью от его штампов. Его независимость диктовалась и интонацией, и логикой всех его стихов, и его человеческой логикой, и тем эмоциональным уровнем, на котором он жил... Конечно же, этот уровень превышал уровень общий...

Почему Любимов обратился ко мне? Я люблю этот театр, я много лет состою в его художественном совете, я писал музыку к нескольким спектаклям... я писал музыку к «Маленьким трагедиям» — кажется, это последний фильм, где играл Высоцкий... Все так. Но я не видел морального обоснования — почему моя музыка должна звучать в спектакле, где все, каждая нота — Высоцкого.

Я настолько плохо знал его, что, думаю, не имею права говорить о нем, связывать себя с ним. Я — один из многих, кто издали видел, слышал, симпатизировал ему... В первый раз не на сцене я увидел его в Пицунде. Он был с Мариной и с ее сыном. Потом — через несколько лет, когда возникла идея постановки пьесы Брехта «Турандот» с моей музыкой, — я пришел к Юрию Петровичу, он жил на Садовой, и однажды там был Высоцкий, тоже с Мариной... Вот и все. Мы были знакомы, не более того...

Знал я — и тоже лишь в какой-то ничтожной мере — и его песни. Мое субъективное отношение к ним — в

Фото В. Плотникова

другом русле. Скажем так: мои представления о музыкальных критериях отличаются от представлений, которые были у Высоцкого.

Но я постарался в какой-то момент забыть о себе и отнестись к этому как к профессиональной задаче: написать музыку на эти стихи. И некоторые детали песенного творчества Высоцкого по ходу моей работы стали мне понятны, а какие-то из них — чрезвычайно интересны именно с профессиональной точки зрения. Возникли понимание и интерес — и моя музыка как-то вошла в спектакль. Я очень благодарен актерам, которые своим исполнением приблизили этот фрагмент к характеру спектакля. И все же до конца сам я не уверен в качестве своей музыки. И не только потому, что задачи, которые обычно бывают у меня, — совершенно другие...

Мне кажется, что главное у него в песнях содержалось не в наличии профессионально регистрируемых черт своеобразия, но в личности, которая выражалась вопреки всему. Отсюда — необычное построение музыкальных фраз, соотношение слогов, совершенное отсутствие стандартных стереотипов — при всей ограниченности музыкальных сведений.

Вопреки всему...

Неизвестно, что у него возникало раньше: музыка или стихи. В любом случае одно от другого оторвать нельзя. Если текст читать вне музыкальной стороны данного сочинения, вне звука, то он, странным образом, что-то вдруг теряет. Текст петляет, словно у стихов отняли крылья, на которых они парили; они, стихи, как бы немного вянут, лишаясь мелодии.

Или — каков будет результат при попытке героически отнестись к песням Высоцкого как к чисто музыкальному жанру? Что будет, если мелодию оторвать от породивших ее слов? Штамп. Что-то теряется даже в музыкальных обработках — иногда замечательных, — когда Высоцкий пел под оркестр. Все же сильнее всего он был с самим собой...

Естественно, возникает вопрос: что же это такое? Что за жанр?

Я не в состоянии предложить какое-либо наименование.

Может быть, подобрать какой-то эпитет к самой этой личности... Гениальность? Я к этому слову отношусь очень осторожно. Я несколько раз в жизни употреблял его по поводу музыки или композиторов, в случаях для меня несомненных. Но я все же считаю, что слово «гений», как и многие другие слова, несовершенно и недостаточно.

Фото В. Плотникова

Мне кажется, тот факт, что Высоцкого слушает столь огромное количество людей — разного возраста, разной культуры, разной языковой принадлежности, притом как музыкально информированных, так и совершенно неподготовленных, — все это гораздо важнее того, допустимо ли назвать Высоцкого гением или творчество Высоцкого гениальным. Наверное, он гений... если употребить штамп. Я бы сказал, что он — не гениальный композитор или гениальный поэт, но гениальный человек, со всеми недостатками гениального человека...

Как и многие, я ощущаю воздействие его песен на уровне личного происшествия. Может быть, это воздействие есть следствие преодоления тяжести времени, в котором он жил и мы жили. Кажется, это Андрей Битов сказал, что Высоцкий в одиночку отвалил глыбу молчания, немоты... Да, было ощущение какой-то давящей массы, которую до сих пор никто точно не может назвать... давящей — даже не из-за цензуры. Цензура — мы это сегодня чувствуем, — если даже ее совсем снять, не дает окончательного смысла с о б о д ы. В те годы была незримая, но осязаемая, психологически давящая масса.

Вот его типичная черта: распевание согласных — в принципе не поющих. К этому подступали и до него, но запел — он, и только у него это достигло такой свободы и такой осмысленности. И вместе с тем эта свобода не была сама по себе: свобода ради свободы. Она была всегда в сочетании с ярким эмоциональным смыслом, который диктовался сюжетом, содержанием песни... Это очень похоже на многочисленные стоны, всхлипы и вздохи в русских народных песнях — сами по себе они вроде бы бессмысленны, но при распевании очень богато окрашены, очень глубоки по содержанию...

Или — его мелодические фразы,

охватывающие очень большой, нестандартно широкий диапазон. Голос Высоцкого не был безграничным; в самом начале, кто-то вспоминает, его вокальные данные вообще были чрезвычайно скромны. Но этот голос казался безграничным! Казалось, что он может шагнуть еще выше, и еще, и еще. И каждая реализованная высота — получалась! Она не погибала от невероятной трудности ее взятия, а демонстрировала возможность пойти еще выше. И еще этот голос казался безграничным, оттого что он может шагнуть еще выше — не ради красивой ноты, но ради смысла...

Я не знаю, был ли Высоцкий верующим — то есть религиозным. Скорее он был неосознанно верующим. Я предполагаю такие — кощунственные варианты: есть неверующие, ходящие в церковь, и есть верующие, даже не подозревающие об этом. Высоцкий, пожалуй, относился к числу верующих независимо от того, ходит человек в церковь или нет... Я размышляю об этом потому, что этот вопрос нас сегодня страшно влечет, мы не можем скрывать от себя его разрешение. Так вот — Высоцкий останется, если даже угаснет формальный интерес к его творчеству и понятное любопытство к его личности. Высоцкий останется — потому что оказал огромное воздействие на множество людей. Трудно даже назвать — кто еще когда-либо оказывал такое влияние... И даже если бы он сейчас жил с нами, результат остался бы неизменным. Человек изначально есть сжатая формула какой-то сущности, которая раскрывается его жизнью независимо от ее длительности. В каждом человеке — человек выражен изначально весь, даже если он не успеет сделать и десятой доли того, что мог бы... То, что он успел или не успел, — одно; а то, что он представляет собой, — это как бы уже не зависит от сделанного.

В XVIII веке во Франции появился роман в письмах «Опасные связи». Шодерло де Лакло написал только одну книгу, но ее было достаточно, чтобы сделать его имя бессмертным. А можно представить и человека, который и такой книги не написал, не успел — но реализовался полностью. Реализация человека связана с итогом всего им сделанного, но этим не исчерпывается.

Вот почему мне кажется странным гадать, что бы сегодня мог сделать Высоцкий, чем бы он занимался. Куда важнее — эта иллюзорная, хотя и такая очевидная, безграничность диапазона его голоса. Это его о п р е к и в с е м у...

Главному редактору журнала
«Столица»

т. МАЛЬГИНУ А. В.

Копия в Моссовет т. Попову Г. Х.

Уважаемая редакция!

Не могу не выразить своего крайнего удивления в связи со статьей «Советник», опубликованной в вашем журнале (№ 3, 1990 г.). Речь в ней идет о моем коллеге по экономической науке, по деятельности в Президентском совете В. А. Медведеве. Автор, по всей видимости, выполнял задачу любыми средствами дискредитировать и опорочить его. Статья насквозь тенденциозна, основана на подтасовке фактов, выдержана в недопустимо развязном и оскорбительном тоне.

Очевидно, в поисках криминала в печатных работах В. А. Медведева автор отправляется в «большую (республиканскую) библиотеку». Но почему-то обнаруживает лишь «какой-то сборник под общей редакцией» и пару брошюр да еще «какой-то учебник по политэкономии». Сколько по этому поводу сделано в статье язвительных замечаний — «где идеи», «где философские труды», «чиновник», «философ без книг», «идеолог без идей» и т. д.!

Как мог не заметить изданных в разные годы книг, хорошо известных научной общественности? Например, книги «Соци-

листическое производство. Политико-экономическое исследование», выдержавшей два издания (1976 и 1981 гг.); книги «Управление социалистическим производством. Политико-экономические аспекты», выпущенной Политиздатом в 1983 году. А «какой-то учебник по политической экономии» вышел в 1988 году более чем миллионным тиражом и, кроме того, переведен и издан в Японии, Китае, Чехо-Словакии и Болгарии. Конечно, каждая из этих книг несет на себе печать своего времени, но в них развиваются и обосновываются многие современные перестроечные идеи.

Так что же это — недобросовестность автора или сознательная дезинформация?

Не прочитав работ, он предпочел заняться домыслами, утверждая, например, что «вчера Медведев В. А. был гонителем рынка». Хочу сказать, что это ничего общего не имеет с истиной. Если бы автор вместо живописания бесплодных поисков работ В. А. Медведева проявил элементарную добросовестность, то среди прочих его книг он легко бы обнаружил и такую, как «Закон стоимости и материальные стимулы социалистического производства» (М., «Экономика», 1966). Так что признание рынка «одним из крупнейших достижений развития человеческой цивилизации» говорит не о перемене взглядов В. А. Медведева, а о логическом их продолжении и развитии.

Ничего, кроме решительного протеста, не могут вызвать назойливые и абсолютно голословные обвинения автора статьи в адрес В. А. Медведева — от отождествления его позиции со ждановской и сусловской до аморальности — и те оскорбительные выражения, которые полностью подменяют факты или аргументы. Примеры бранных эпитетов приводить не стану, поскольку такие слова уместны, может быть, только в базарной ругани, да и то их употребление сопряжено с риском физических повреждений на лице. Тем более странно читать подобные выражения в столичном журнале, к тому же претендующем на интеллектуальность. Кстати, трудно себе представить, чтобы сам В. А. Медведев — человек интеллигентный и порядочный — когда-либо опустился до набора слов, используемого автором статьи, который при этом считает себя вправе критиковать других за «убогий язык». Уж не собственный ли язык выставляется в качестве образцового?

Единственно, против чего не возразишь, так это признание автора в том, что его совесть «не совсем чиста». Я бы только сказал, совсем не чиста, если понадобилось прибегать к столь непорядочным приемам ведения полемики.

Академик ШАТАЛИН С. С.

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО

На страницах «Огонька» за последние полгода было напечатано столько неприятных для Ивана Кузьмича Полозкова вещей — а тут еще Моссовет ему прописки не дает, — что он начал возбуждать простое, бытовое человеческое сочувствие. Позвольте мне обратиться к нему с добрым словом — и добрым советом.

Дорогой Иван Кузьмич!

Многие из моих друзей и однокашников по Московскому университету в свое время были в том же положении: работа есть (предлагают), а московской прописки нет, и все прахом. Но есть путь, который проверен целыми поколениями студентов. Желающий обрести московскую прописку, если он женат, разводится с женой и вступает в брак с москвичкой. После чего беспрепятственно получает прописку. Аналогичным образом поступает и бывшая жена. Обычно это делается либо по друж-

бе, либо за деньги (уверен, что партийный бюджет потянет).

После получения прописки Вы и Ваша жена разводитесь с доброжелателями, вступаете друг с другом в новый брак и на законных основаниях получаете от ХОЗУ ЦК КПСС (или КП РСФСР) квартиру, в которую и прописываетесь в рабочем порядке. Вся операция займет не более полгода, и Моссовет будет посрамлен.

Это совсем не стыдно. Тысячи и тысячи так делали и делают сейчас. Такова жизнь.

Есть еще и другой путь, но он сложнее и не столь надежен. Сложившееся в Моссовете (да и в Верховном Совете РСФСР) большинство называет себя «демократами» — вот и поймаем их на слове. Что если КП РСФСР — на сегодня сильнейшая в Москве общественная организация — начнет всенародную кампанию за отмену прописки как института? Думаю, что народ

поддержит свою Первую партию.

Пусть коммунисты России разъяснят этим окопавшимся на теплых местах в Моссовете якобы демократам, что прописка — это стыдно, что ни в одной столице и вообще ни в одной демократической стране такого понятия нет. Да и в «недемократических» странах тоже. Расскажите это «демократам — ревнителям свободы», пусть они повернутся и объяснят, как это они, сохраняя «прописку», собираются соблюдать права человека и даже обещать «свободный рынок труда»?

Этот путь труден. Но если коммунисты России поднимут народ на борьбу за свободу (чтобы человек проходил по своей необъятной Родине как хозяин) и отмену позорящей наш народ полицейской «прописки», я буду просить Вас оказать мне честь, приняв в ряды КП РСФСР.

Москва

А. ЧЕРКАСОВ

Уважаемый академик Шаталин С.С.!

Я в своей заметке анализировал идеолога Медведева В.А., а вы в своем письме защищаете (хоть и не вполне убедительно) — экономиста. Работай Медведев В.А. где-нибудь бухгалтером или даже фининспектором — я бы и не подумал о нем писать.

Даже как-то неловко объяснять, что не моя вина, если теперь в библиотеке нет трудов Медведева В.А. А не заметить их в прежние годы я мог. Что из того, что книги Медведева В.А. «хорошо известны научной общественности»? Что из того, что они печатались миллионным тиражом? Да хоть миллиардным. Я, видите ли, прожил, не замечая и не читая трудов Брежнева, Кунаева, Андропова, Громыко, Черненко, Суслова, Романова, Гришина, Подгорного, (добавьте сами). Я знал, что они печатаются многомиллионными тиражами, что переводятся на все языки Солнечной системы, но у меня и у всех, с кем я общаюсь, эти «аргументы», долженствующие доказывать многомудрость вождей,

не вызывали ничего, кроме насмешки и отвращения. Все эти книги несли на себе то, что вы называете «печатью своего времени». Невзирая на это достоинство, их снесли в макулатуру. И что, кроме жалости, может вызвать к себе «научная общественность», вынужденная «изучать» и комментировать, и — прости Господи! — хвалить эти труды.

А мы, может быть, потому что ленивы и нелюбопытны, не читали их ни при какой погоде. Мы твердо знали, что там, «наверху», всего лишь очередной генсек, «а вокруг него сброд тонкошеих вождей» (Мандельштам).

Я действительно написал в «Советнике», что моя совесть «не совсем чиста», подчеркивая отличие обыкновенного человека от идеолога Медведева В.А., публично заявившего, что его «совесть чиста на 100 процентов». В моей системе координат стопроцентно чистая совесть была только у Иисуса Христа. Все остальные порядочные люди всегда говорили о себе: грешен! Даже те, которых впоследствии причислили к лику свя-

тых, говорили о себе: грешен!

Я рискну дать вам очень хороший совет. Полемизируя с кем-либо, никогда не посылайте копию в вышестоящую инстанцию. Неужели вы рассчитывали, что Гавриил Попов меня накажет? Чем? Как? Мы же все (и вы в том числе) уже наказаны тем, что живем в раю, устроенном для нас партией Медведева В.А.

Прощайте, академик Шаталин С.С. Как видите, мне совершенно не требуются бранные выражения для выражения своих мыслей. Давайте не ссориться. Давайте радоваться нашему прекрасному времени, когда академики могут бесстрашно защищать члена Президентского совета, а не журналиста, потревожившего этого члена.

Но если и впрямь в моей статье содержатся названные вами: подтасовка, дезинформация, голословные обвинения и базарная ругань (жаль, вы не привели примеров) — тогда, конечно, писать необходимо. Но делать это, вероятно, должны не вы, а Медведев В.А. И не градоначальнику, а в суд.

Александр МИНКИН

О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ СТАРЫХ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК

Что мы знаем о Москве времен нэпа?

Несколько строк из учебника истории. Воспоминания очень пожилых людей о том, что «сначала в магазинах ничего не было, а потом все появилось».

Но вот я раскрываю наугад одну из подшивок старых газет. Нэпу нет и двух лет от роду — он куда моложе нашей перестройки. Итак, «Известия ВЦИК Советов» за 13 января 1923 года.

Оптовый магазин треста «Моссукуно» получил новый ассортимент всевозможных СУКОН, ТРИКО, ДРАПА и проч. Коллективам рабочих и служащих льготный отпуск товаров.

КУРСКИЕ ДРОЖЖИ
Госзавода бывш. Карякина.
ЕЖЕДНЕВНО
СВЕЖИЕ.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ОТДЕЛОМ. Энергичный, опытный коммерсант-ино-

странец, владеющий языками, обширные знакомства с коммерческими и госучреждениями. Знающий транспортное страховое, таможенное, магазинное, театральное дело. ЖЕЛАЕТ ПЕРЕМЕНИТЬ МЕСТО. Арбат 31.

«Внимание госучреждений, кооперативов и частных лиц. Акционерное общество «ХЛЕБОПРОДУКТ» предлагает с холодильников и складов в Москве МЯСО СИБИРСКОЕ, ГОВЯДИНУ И

БАРАНИНУ повагонно и любимыми партиями.

«ПИКАДИЛЛИ». Ежедневно после 12 часов ночи до 3 часов ночи. ПРОГРАММА: ИЗАБЕЛЛА ЮРЬЕВА, ЮР-ЮРОВСКИЙ, ВИТЛЕЙ, АНТОНИО, ФАТИМА, СОНЯ ЛЕБЕДЕВА, ХОР ЦЫГАН ИЛЬМАНОВА.

Ужин из трех блюд — 15 рублей.

Собрал Н. КУРНОСОВ

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

БОЛЕЗНЕННАЯ УЛЫБКА МОНЫ ЛИЗЫ

По утверждению одного калифорнийского врача, знаменитая улыбка Моны Лизы — следствие... нервного тика, которым якобы страдала модель художника. Доктор Кедар Адур, отоларинголог, считает, что у Моны Лизы был легкий левосторонний паралич лица, обычно выражающийся в сжатии мускулов около уголков губ. Именно этим, по мнению врача, можно объяснить тот факт, что левый угол губ Джоконды несколько приподнят по сравнению с правым, и то, что один (тоже левый) ее глаз меньше другого.

*«Эвенман дю жёди»
(Франция)*

ЗАГАДКА, ПОЧЕМУ ОГЛОХ БЕТХОВЕН, НАКОНЕЦ, РАЗГАДАНА

Музыковеды считают, что мучительные боли, которыми на протяжении почти всей жизни страдал Бетховен, сыграли основную роль в создании им замечательнейших произведений.

Боль причиняла композитору такое беспокойство, что он даже предпринял попытку самоубийства. Бетховен был совершенно глух, когда завершил Девятую симфонию. Широко известен тот

факт, что сам композитор так и не услышал этого своего произведения.

Какова же была причина глухоты Бетховена и болей, мучивших его? Исследования доктора Тома Пэлфермэна отвергают ранее признанные гипотезы о том, что глухота была связана с заболеванием сифилисом. Пэлфермэн также ставит под сомнение известные версии о том, что смерть его была якобы вызвана отравлением печени алкоголем.

Причина мучений композитора — редкое ревматическое заболевание под названием «саркоид», которое постепенно оказывало воспалительное воздействие почти на все органы тела. Диагноз Пэлфермэна дает объяснение грудным и желудочным заболеваниям композитора, а также объясняет причины сильных болей в спине, общее состояние здоровья Бетховена — и, в частности, его глухоту.

Причина саркоида, которым страдает каждый из 20 000 жителей современной Англии, неизвестна науке. Но сегодняшние медицинские препараты могли бы излечить глухоту Бетховена и продлить его жизнь на много лет, полностью избавив от всех болей.

Это новое исследование помогает нам понять, что Бетховен прожил жизнь в борьбе с постоянной болью, которая и была — частично — причиной блистательного вдохновения. «Для него это был, возможно, ад, но мы становимся духовно богаче от тех мучений, которые пе-

ренес Бетховен», — говорят специалисты-музыковеды.

*«Санди таймс»
(Великобритания)*

ВСЕОБЩИЙ ЛЮБИМЕЦ — СВИНЬЯ

Американцев трудно обвинить в недостаточном стремлении к экстравагантности и сенсационности. Как с удивлением отмечает французский журнал «Сине-теле ревью», последний крик моды по ту сторону океана — это вьетнамские свиньи. Забыты традиционные кошечки и канарейки, собачки и золотые рыбки — только очаровательные карликовые поросята владели сердцами американцев. Хозяева их обожают до безумия и считают очень умными и большими чистюлями.

НЕ БОЙТЕСЬ СКЛЕРОЗА

Влияет ли возраст на память? «Старческий склероз» давно стал объектом плохих шуток. — Ничего подобного! — заявляет газета «Суар» (Бельгия). — Это предрассудок.

Оказывается, последние исследования доказывают, что возраст не оказывает влияния на так называемую «перспективную» память, кото-

рая важна при выполнении какой-либо задачи.

Память, которая, разумеется, обогащается неустанной любознательностью, постоянно расширяет свои возможности. Ведущие художники и музыканты могут не опасаться старости. Видные писатели создали шедевры на склоне лет, как, например, Шатобриан и Поль Валери.

СОВЕТ ИНТИМНЫЙ, НО ТВЕРДЫЙ

Чтобы сдержать наступление СПИДа, Совет по планированию семьи Зимбабве заказал 5000 деревянных пенисов — для демонстрации того, как следует применять презерватив. Они будут изготовлены из твердых пород древесины.

АКАЦИЯ РИШЕЛЬЕ ДО СИХ ПОР ЦВЕТЕТ В ОДЕССЕ

Герцогу Ришелье ошибочно приписывают то, что он основал Одессу. В 1805 году, когда Александр I назначил его генерал-губернатором Новороссии. А Одессе было уже 10 лет. Но он действительно сделал для Одессы очень много.

В ноябрьском номере «Исторамы» (Франция) опубликован пространный

материал, описывающий деятельность герцога на этом посту. Постепенно, усилиями Ришелье, бесформенный поселок превращается в идеальный город, построенный в классическом духе по образцу городов римской империи. Ришелье ловко использует принудительные меры и раздаёт привилегии: он дарует бесплатно участки земли, но взамен требует, чтобы план застройки был представлен администрации и чтобы строительство было завершено за два года; он требует также посадить по 20 деревьев на каждой десяatine полученной земли.

Ришелье был очень слаб в ботанике, и посему саженцы растений выписывает из Петербурга. В основном это оказалась белая акация, которая и по сей день цветёт в Одессе.

ПРИШЕЛЬЦЫ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ, И ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗНАЕТ ОБ ЭТОМ

В журнале «Фэйс» (Великобритания) за ноябрь сообщается об интересной догадке американской уфологической организации «Невада Эриал Рисерч Груп». На основании предположения о том, что в результате якобы имевшего место крушения летающей тарелки в Розвилле в 1947 году пришельцы остались живы, уфологи делают вывод: на протяжении ряда лет американское правительство поддерживало контакты с ними.

Согласно этой версии, в пустыне Невада под землей находится секретная база, на которой живут инопланетяне — высокоинтеллектуальные каннибалы, которых пра-

вительство обеспечивает живыми детьми в обмен на технологические секреты.

ГОРБАЧЕВ, ХРИСТОС И РАИСА

Правы те, кто считает, что у «горбомании» на Западе есть определённый привкус культовости. По сообщению английской газеты «Дейли телеграф», Михаил и Раиса Горбачёвы удостоились чести быть изображёнными на мозаике размером 60 кв. м в церкви в окрестностях Рима.

Теперь церковь Святого Сердца в местечке Терни гордится тем, что именно здесь впервые изображена супружеская чета Горбачёвых — вместе с Христом, апостола-ми и папой римским.

КОНЕЦ СВЕТА ДОЛЖЕН БЫЛ НАСТУПИТЬ ВЧЕРА

Что такое «1990 МУ»? За этим немного смешным названием кроется одно из величайших бедствий, которое чуть было не постигло нашу планету: астероид, который едва не «врезался» в Землю.

Согласно сообщению итальянского журнала «Новелла 2000», в июне прошлого года астероид «1990 МУ» на скорости 70 тысяч км/час прошёл вблизи Земли — на расстоянии всего 2 миллионов километров от её поверхности. Дистанция эта для космических скоростей ничтожно мала. Достаточно сказать, что наша планета, двигаясь по своей орбите, лишь на 18 часов опередила астероид, пройдя точку соприкосновения двух траекторий чуть раньше его.

В случае если бы столкновение произошло, его сила была бы равна силе взрыва двух с половиной тысяч атомных зарядов. Это вызвало бы явление в атмосфере пылевых туч, способных закрыть нас от солнца на долгие годы. Естественно, это неминуемо привело бы к климатической катастрофе: растения, лишённые света, перестали бы вырабатывать кислород, температура поверхности резко поднялась бы в результате парникового эффекта...

«ВАША КОШКА — МЕДИУМ»

Под таким заголовком бельгийская газета «Суар» приводит несколько занимательных историй из только что вышедшей книги двух ветеринаров — исследователей «Эта незнакомка кошка».

...Это было в начале 30-х годов. Владелец черно-белой кошки по кличке Митси уехал в путешествие. Однажды вечером он был у друзей, с которыми говорил о гражданской войне в Испании. Ночью ему приснилась его Митси, одетая как доброволец испанской войны, с сильно израненным ухом. От этого кошмара наш герой проснулся, было ровно четыре часа утра. Утром ему позвонили из дома и попросили скорее вернуться, потому что его любимая кошка серьёзно ранена. Оказалось, что Митси пришла домой, разбудив всех своим мяуканьем. Одно ухо у неё было почти оторвано. Было четыре часа утра...

...Некий господин Дюк засиделся за письменным столом до часу ночи. Неожиданно ему пришло в голову, что с его кошкой что-то случилось, что он ей необходим. Стал искать любимицу в доме,

— безуспешно. Вышел в сад и, услышав слабое мяуканье, нашёл кошку около забора, в ловушке. На шею у неё была скользкая петля. У кошки хватило ума не двигаться, чтобы петля не затянулась у неё на шею, и послать сигнал бедствия своему хозяину...

Третья история, пожалуй, самая интересная. Одна англичанка заметила, что её кошка как будто догадывается о некоторых вещах. Когда дама шла за покупками, она ещё и сама не знала, что именно купит в подарок своей кошке. И как раз в тот момент, когда дама, раздумывая возле прилавка, останавливала свой выбор на печенке, кошка — об этом свидетельствовали все домашние — внезапно проснулась и прыгнула на кухонный стол, чего никогда не делала, если хозяйка покупала ей что-нибудь менее вкусное. Лежа на столе, кошка ожидала появления печенки. Так повторялось каждый раз, когда дама решала купить печенку.

Исследования, которые провели авторы книги, заставляют предположить, что между кошкой и её хозяином существует телепатия или, по крайней мере, что-то такое, что можно назвать сверхчувствительным восприятием.

Хотите проделать опыт? Нет ничего проще. Когда ваша кошка заснет, посмотрите на неё со спины. При этом будьте твердо убеждены, что ваш взгляд вызовет в ней ответную реакцию: нервозность, потягивание или просто вопросительный взгляд. Как признаётся автор статьи в «Суар», он сам пробовал экспериментировать. И получалось... через раз!

Александр МИНКИН

ВОЗВРАЩЕНЕЦ

«ВЫ ЧТО —
С УМА СОШЛИ?!»

Первая же прогулка по Лозанне столкнула меня с эмигрантами из СССР. Папа, мама, двое детей. Всего месяц в Швейцарии. Очень довольны.

— А вы, — осторожно спросил папа, — вы здесь в командировке?

— Нет, я здесь гуляю.

— И вы собираетесь вернуться?! Вы что — с ума сошли?!

Папа убеждал, мама поддакивала, даже дети глядели, как на больного. «Посмотрите! — папа широким жестом показал на витрину. — А сюда посмотрите! А это! А это! А вот это вы видели?!» Я видел. Мы шли по центральной улице, витрины были фантастические. Но странное чувство... Они так старались, будто показывали мне свою квартиру, свой садик. Но магазины были чужие. Они хвастались не своим. Месяц восторгаться витринами? По-моему, это долго. Час, ну, два. Ведь каждый день одно и то же.

Хотя мне трудно пройти мимо всевозможных «swatch», мимо радиомагазина и мимо страшных мотоциклов «Хонда», на которых бандиты с немислимой скоростью гоняют по всей Швейцарии. (Мне объяснили, что они не бандиты. Но человек на таком мотоцикле выглядит настоящим гангстером, да и сам чувствует себя суперменом.)

А журнальные киоски! Боже мой, сколько всяких газет! И все свежие. Кроме «Правды». Это было ужасно — знать, что идет учредительная партконференция и — получать газету трехдневной давности... Впрочем, я думаю, когда швейцарцы захотят читать свежие советские газеты, то найдут способ получать их. Это, вероятно, и от газет зависит.

...И многие спрашивали меня:

— Неужели вернетесь в СССР? Что вы там оставили? И швейцарцы спрашивали, и

многие эмигранты из разных стран, и студенты, и миллионеры, и проститутки, и знакомые, и совсем незнакомые. Сначала серьезно отвечал. Потом надоело: — Кошкуня там оставил. По имени Конфетка. Она меня ждет, скучает.

ФАНТАСТИКА

Первое, что поражает в Швейцарии, — воздух. Совсем другой. Прозрачный. Потом убедился — пыли нет. Три недели окно нараспашку — и ничего. Пальцем мазнул по тротуару — палец чистый. Как на линкоре.

Второе — дороги. Летишь 150 км/час — никакой вибрации. Вдруг сидящий за рулем говорит: «Тряхнуло — заметил?» Да, действительно, чуть-чуть громыкнули колеса. Через 20 минут опять. «Заметил? Это наши дороги заминированы, на случай войны». Господи! Теперь понятно, почему у швейцарцев в СССР такой испуганный вид. Подпрыгивают в такси и думают, что в центре Москвы все улицы заминированы, а на окраинах уже взорвали.

Сколько сыра! Сколько шоколада! Еще больше пакетов. Покупал творог — завернули в бумажку, положили в банку, банку в мешочек и ленточкой завязали, а потом (у кассы) в большой мешок. Похоже на магию. Интересно, как Фрейд истолковал бы швейцарскую страсть к упаковке... Или это генетическое влияние банковской тайны?

А сколько ножичков! Два лезвия, 10 лезвий, 20 — и у всех ножичков красная ручка с белым крестом — флаг Швейцарии.

А запахи! А отсутствие запахов!!! От завода Нестле пахнет кофе. Очень хорошо, но неудивительно. Удивительно, что от бензоколонки не пахнет бензином. На улице не пахнет выхлопными газами. В туалете — не пахнет туалетом. К сожалению, хлеб не пахнет хлебом. Зато за Фрибургом Швейцария пахнет, как в детстве русская деревня. Интересно, вызывает ли этот запах ностальгию у эмигрантов?

Очень удивительное — швейцарцы ничего не читают. «Фолкнер? Кто это?» Газеты, журналы, комиксы — да. А Шекспира — нет. В очень интеллигентной компании разговор споткнулся: собеседники не читали Шекспира. Я не поверил, думал — шутка. А теперь думаю: почему мне кажется, будто у нас Шекспира все читали. Конечно, не все.

Самое поразительное, самое невероятное — чему я не мог поверить и сто раз проверял — никто не знает имени президента. Никто! Везде спрашивал. Все говорят: «Какая разница?» При этом все знают Горбачева и Буша. От этих чужих президентов жизнь швейцарца немного зависит. От родного президента не зависит совершенно. Один молодой рабочий сказал, что кто сейчас — не знает, но лет 10 назад знал, так как его отец был президентом. Сомнительно. Если его отец был президентом, почему он — рабочий, а не дипломат? После этой случайной встречи я задумался: есть ли среди детей членов Политбюро хоть один рабочий. Боюсь, что нет.

Только у проституток я не спросил, знают ли они имя президента. Не рискнул. Если бы они не знали, это ничего бы не меняло. Но если хоть одна из них знала, пришлось бы спросить: откуда, а я совсем не хочу знать что-нибудь лишнее.

...«Куда ты едешь, — говорили мне дома, — швейцарцы заняты только собой, остальной мир их не интересует. Тем более — СССР». Как они ошибались! Интерес к нам огромный. И не только теперь, когда «гласность». Стоит зайти в Лозаннский музей, где выставлены картины шизофреников, чтоб увидеть, что швейцарцы до потери рассудка думают о нас. На картинах сумасшедших увидишь и Сталина, и серп и молот, и даже слово «АЭРОФЛОТ». Уверяю вас — вы можете облизать сотни музеев СССР и не найдете ни одной картины с символами Швейцарии. Но если такой художник появился бы, мы, конечно, тоже попытались бы его лечить.

Швейцария: 700 лет, 6 миллионов жителей, 4 государственных языка. И никто не знает, сколько денег.

ПРАВИТСЯ

Вообще мне в Швейцарии многое понравилось.

Гениальное изобретение — децентрализация. Суд — там, экономика — здесь, правительство — в Берне. Поэтому швейцарцы непрерывно гоняют по всей стране. Привыкли, что все в разных местах. И если человек обедал в Лозанне, то он испытывает психологическую потребность ужинать в Базеле.

Понравились продавцы и официанты. Очень вежливые, всегда улыбаются. Говорят, они никогда не обманывают. Наверное, это связано: улыбка и честность. Трудно обманывать того, кому радуешься. Но одна продавщица газет в Лозанне — совсем как наша. Раньше я думал, что наши продавцы и официанты злые и агрессивные от природы. Теперь понимаю: раз они нас обвешивают и обсчитывают, им — для душевного комфорта — необходимо видеть в нас врагов. Друзей обманывать нельзя, а врагов можно и нужно.

Очень понравился таможенник. Прилетев, я вышел из аэропорта Женевы, но не увидел встречающего. Чтобы не ждать с сумками в руках, я вернулся в аэропорт за тележкой. И тут таможенник решил проверить мой багаж. Вероятно, он принял меня за сумасшедшего: везти водку и икру в СССР?! «Нет, — говорил я, — я не улетаю в СССР, я остаюсь в Швейцарии». Он успокоился. Понял, что я нормален.

Неудивительно, что Швейцария мне понравилась. Все хотели показать страну с лучшей стороны. Как-то в Женеве, в 2 часа ночи (швейцарцы говорят: 2 утра), я посочувствовал проституткам: «Не сахар — стоять ночью под дождем, и за целый час ни одного клиента». «Ничего, — сказала переводчица, — ночь теплая». «Да, — согласился я, — не холодно».

Через пять минут мы говорили с немцами, чинившими трамвайные пути. «Тяжелая и вредная работа», — сказал немец.

«Да еще ночью», — добавил я. «Ничего, — сказала переводчица, — ночью лучше: прохладно». «Да, — согласился я, — не жарко». Вот какие удобные ночи в Швейцарии: проституткам не холодно, а гастарбайтерам не жарко...

Это свойственно швейцарцам — интерпретировать все факты как положительные, а неприятных тенденций вообще не замечать. Хорошо для нервов.

Изобилие товаров — это прекрасно. И уж, конечно, лучше, чем дефицит. Конечно, конечно. (Я вообще не понимаю, как может советский критиковать Швейцарию! Ну ладно бы немецкую, но всю?!) Однако недостатки — это продолжение достоинств.

Сколько игрушек может иметь ребенок? Видимо, столько, чтоб осталось место, где спать. Хотя, если игрушки мягкие, — можно спать на игрушках.

Сколько предметов может быть в ножичке с красной ручкой? Сейчас 29. Будет 129. Потом 329 и две ножки. Нажимаешь кнопку, ножик идет, открывает холодильник, принесит пиво, а сам не пьет. Разве что чуточку кампари. И реклама объяснит, что именно такой нож должен быть у «настоящего швейцарца».

Товаров все больше. Швейцарцев все меньше. Вещи вытесняют людей? «Где ваш паркинг?» — «Во Франции». «Где ваш мусор?» — «Государственный секрет».

Население растет, а швейцарцы сокращаются. Детей все меньше. Гастарбайтеров все больше. Пройдет время, и возникнет уникальная страна: ночью иностранные рабочие будут все делать, днем иностранные туристы будут все покупать. А граждане Конфедерации будут служить в армии (охраня покой иностранцев снаружи), в полиции (охраня покой иностранцев внутри) и сидеть в тюрьме (за отказ охранять иностранцев). Но и это еще не конец.

Бразилец размножается рано, не имея даже одной комнаты. Швейцарец — поздно и не раньше, чем будет три комнаты... В конце концов последний швейцарец (вероятно, по фамилии Нестле) будет сидеть в кафе где-нибудь в Венеции и читать в газете, как прекрасно функционирует Швейцария. Швейцария без швейцарцев.

ТЕПЕРЬ

В здании вокзала слепой старик крутит ручку очень старого компьютера. Картонная программа вползает в компьютер спра-

ва, выползает слева. Посередине получает музыка. Старая. Бесплатная. Все идет мимо.

В центре столицы кантона скваттер захватил квартиру. Живет тихо. Когда нет денег на еду — ворует. Полиция ищет его, чтобы посадить в тюрьму за отказ от армии. В корзине играют два котенка.

Парень охотно отвечает.

— Родители? Для меня они умерли. Общество? Я думаю, что оно кончится. Хочу в Таиланд, в монастырь.

На стене у него советские плакаты времен гражданской войны: «Вступай в Красную Армию!», «Бей Деникина!». Нашел в старом книжном магазине, что написано — не знает. О Сталине «слышал». Думает, что в концлагерях было «трудно жить» и что в гитлеровских погубило гораздо больше, чем в сталинских. Ему 23 года.

Праздник Лозанны. Огромное количество оркестров, танцоров, жареных сосисок, иностранцев. Есть пьяные. Нет полиции. И эксцессов нет. Ни одного «антишвейцарского выступления».

— Смотри, вон полицейский.

Сидит сонный толстяк. Скушает. Давка страшная. Совершенно непонятно, как такую толпу создает маленький город. Но толпа совершенно не агрессивная, люди протискиваются с трудом, толкаются, но все с улыбкой. И нет очередей ни за едой, ни за питьем.

Но я думаю, огорчаться нам не стоит. У нас так много проблем, что, решая их, мы стремительно двинемся к прогрессу. А в Швейцарии жизнь так хорошо налажена, что улучшить почти ничего невозможно. А значит — их ждет застой. (Ведь не от хорошей жизни они изобретают очередной ножище. Это же псевдопрогресс, согласны?!)

БОГАТЫЕ

С издателем Димитриевичем мы говорили около двух часов. Философия, мировая политика, будущее мира — излагать эти темы концептивно, значит, поневоле вульгаризировать. Поэтому только цитаты:

— Я защищаю непопулярные вещи: честь, индивидуальность, христианскую цивилизацию.

— Фашизм не возникает в деревне. Только в городе.

— Общество становится все примитивнее духовно. Наблюдал это и в других странах. Когда все диалектики — нет диалектики. Есть инфляция красивых слов.

— Атака на культуру всегда идет снизу (от бедных) и с краю (из провинции).

— Все кончится. Не важно, кто выиграет: классический коммунизм, либеральный коммунизм, американская коммерция — все равно этому обществу придет конец. И не от революции, и не от вулкана (я не романтик)...

Димитриевич — тонкий, умный фило-

соф повторил фразу дикого невежественного скваттера: все это кончится. Я тоже так думаю.

Но Бернар Нико так не думает. Он вообще об этом не думает. Он работает.

Я сидел в кафе, мимо стремительно прошел мужчина — острый взгляд, волна энергии. «Это мог бы быть тот миллионер, с которым у меня встреча, — подумал я, — но нет, слишком молод». Через 15 минут в роскошном офисе выяснилось: интуиция меня не обманула — тот «слишком молодой» и был мультимиллионер Бернар Нико. Внешне — удачливый мафиози из лучшего американского фильма. Он показывал макеты будущих домов, влюбленный в них, как ребенок в игрушки. Он притащил картотеку. «Красные — это мои!» Видно было, что половина кантона у него в банке.

— А скоро все дома будут ваши? — Он засмеялся и с легкой досадой объяснил: «Это невозможно. Видите, желтенькие — они государственные». Но меня интересовала не архитектура, а жизнь миллионеров — толстопузых бездельников с огромными сигарами.

Не было толстопузого, не было сигары, и совсем не было бездельника.

«Свои миллионы я сделал сам за 12 лет работы по 12 часов в день. 10 часов — чтобы не пойти вниз, еще один, чтобы держаться на уровне. И только двенадцатый час делаю меня миллионером. Это очень просто: амбиция, любовь к работе и нюх — вот три условия». Я спросил о ценах на квартиры. «Я не считаю их слишком дорогими, — сказал мультимиллионер. — В конце концов все решает рынок». А потом добавил (может быть, из сочувствия к сложному положению советского журналиста — своего классового врага):

— Бедные не знают, как богаты богатые. Бедные не знают, как работают богатые. А богатые не знают, как бедны бедные.

Абсолютно согласен. Но бедными я считаю не тех, у кого мало денег, а тех, кто тускло и скучно живет. Ненавидеть свою работу и каждый день делать ее, потом смотреть ТВ — вот страшное несчастье. А Нико счастлив.

— Вы работаете для денег?

— Нет, для удовольствия.

И я верю, потому что денег у него уже давно больше, чем он может истратить. Но он не может остановиться.

Жадный? Но на меня он потратил 1,5 часа, и поверьте, ничего не заработал. А сколько стоят 1,5 часа Бернара Нико?

Акула? Но разве Бог создал только травоядных?

С Андреа Кова — владельцем отеля Фалькен в горном курорте Венгене — мы познакомились в 9 вечера на концерте Шумана, который Андреа организовал в деревенской церкви. А расстались в 5 утра. Всю ночь мы строили планы подъема советской

экономики с помощью совместного предприятия (подробности — тайна).

— Если ваша перестройка кончится — я потеряю деньги.

— А я свободу. Что дороже?

В 5 утра бедный журналист пошел спать, а богатый итальянец — работать.

Проснувшись в 10, я пошел в горы. Юнгфрау. Туман, облака, солнце, изумительные виды — романтика. Венген уже был далеко внизу. Я покорял Альпы... вдруг — динь-динь-динь. Гораздо выше меня паслись домашние коровы. Это не очень романтично, но я продолжал подниматься. И тут — новый, противный, технический, городской звук. Я оглянулся: в гору катился самый обыкновенный трамвай. Наверх — к коровам. Видимо, это ехали доярки колхоза «Венген». Ужасный удар для покорителя Альп. Обесчещенная Юнгфрау меня больше не влекла. Я пошел вниз. А для настроения громко пел русские солдатские песни. Альпы их не слышали со времен Суворова. Очень энергичные песни. Встречные смотрели с уважением. Они видели — идет иностранный победитель.

Когда я вернулся, Андреа все еще работал — вторые сутки без отдыха.

Мое классовое сознание испортилось в Швейцарии.

Больше всего мне понравились те, кто должен был совсем не понравиться, — банкиры! Это самые вежливые, воспитанные и обаятельные люди в мире. Société de Banque Suisse мне показали сверху донизу. Я видел, как за минуту оператор купил по телефону 3.000.000 долларов. Рядовая сделка.

— А если он ошибется — его выгонят?

— Нет, но не надо ошибаться слишком часто и не каждый раз на три миллиона.

Но не 130 миллиардов SBS поразили мое воображение, а директора, принимавшие меня так, будто у меня есть 260 миллиардов. И я понял, что качество банка — это качество его людей. Им ничего не нужно было от меня, профит исключался. Но сомневаюсь, что Рокфеллера принимали бы доброжелательнее. Это невозможно. Окончательно я был ошеломлен, узнав, что мелькнувшие в банковских залах калекки были взяты на службу из принципиальных соображений.

— Это политика банка: давать посильную работу физически неполноценным.

Я переспросил. Мне повторили. Я был в одном из 15 банков мира, имеющем высшую категорию: «AAA». За отношение к инвалидам я добавил бы SBS четвертое «А».

Банкиры обрабатывали меня 6 часов. И они добились своего. Теперь у меня есть счет в швейцарском банке. А капитал SBS с того понедельника равен 130.000.000.040 франков.

Добилась своего и Швейцария. Теперь у меня есть новая мечта. Я хочу не знать, как зовут Президента СССР.

ПОКА УЛЫБКИ НЕ СОЗРЕЛИ

На презентации американской корпорации «Москоу интернэшнл» ее председателю мистеру Чарльзу Мак-Парку (на снимке) советские партнеры вручили символический подарок — часы-сувенир. Мол, начинается новый отсчет времени. На меньшее и не рассчитывал мистер Ч. Парк, миллиардер корейского происхождения из Соединенных Штатов, владелец огромной холдинговой компании с представительствами в ведущих странах мира, затеявая корпорацию в Москве. Посетив наш город в сентябре ушедшего года, более всего он поразился дефициту улыбок на лицах советских граждан и... решил в корне изменить такое положение. Приверженец конфуцианства, м-р Парк убежден, что честностью и добром можно добиться любых желаемых результатов. И потому оперативно вложил часть своих средств в новое дело, сориентированное на счастье советского народа.

Первым шагом на этом благородном пути будет доставка в Союз по «нижайшим» ценам, почти даром, продовольствия и одежды из Южной Кореи. Затем мистер Мак-Парк построит на родине Советов консервную фабрику, целлюлозно-

бумажный комбинат, заводы по производству сельскохозяйственного оборудования, кирпича, бетона, мебели и т. д. В новом году американский бизнесмен собирается организовать торговую выставку в Москве, чтобы советские люди и власти поняли преимущества свободного бизнеса. Еще через год он планирует провести здесь всемирную торговую и индустриальную выставку. «И тогда Москва будет в центре внимания дельцов всего мира, вы преодолеете экономический кризис, и мы увидим улыбки на лицах москвичей», — уверен председатель «Москоу интернэшнл». К слову, мистер Ч. Парк

— самый молодой в мире гран-мастер по тэквандо. Может, сосредоточившись, зубами сдвинуть с места танк. Ему, как говорится, и карты Советского Союза в руки...

А пока, не зная зде́шнего сурового климата, американский миллиардер прибыл в нашу зиму в легкомысленном для декабрьской Москвы кожаном пальто и одалживал подходящую верхнюю одежду у наших отечественных бизнесменов. Президентом своей корпорации он назначил поэта Сергея Алиханова, определив ему роль носителя духовного начала фирмы.

А. Е.

КАЛЬМАРОВ НЕ ЖАЛЕТЬ

Нелегко отыскать на карте нашей Родины место, где не воруют. В стране распределения и перераспределения близость к любой «кормушке» предполагает и участие в ее опустошении.

А как насчет кормушки в прямом смысле слова? Как себя чувствуют, к примеру, цирковые животные и те, кто их кормит? Дело в том, что ведь животные в политике и экономике ничего не понимают (хотя нас, может быть, чисто интуитивно и жалеют), и, скажем, беспартийному сивучу никак не обойтись без своих «суточных»: 37 кг рыбы, 5 кг кальмаров, 2 кг говяжьей печени, 3 кг мяса, 0,5 кг креветок, трех яиц и

т. п. Мишке, которому наплевать и на «Коммунистов России», и на «Демократическую Россию», и на Моссовет, и на МГК КПСС, хочется меду и орехов. Так же как обезьяне — бананов. Ну и так далее.

А что же люди — им ведь тоже хочется?

— Вы поймите, — объясняет дрессировщик С., — настоящий профессионал никогда не урвет ничего у своих партнеров. Они — его хлеб, его работа, его успех. Конечно, за всех я ручаться не могу, но все же по части воровства цирк — место уникальное. Здесь не воруют...

Работники цирковой кухни тоже не припомнили случая крупной утечки продуктов. Да и мелкие случаются крайне редко, а если и случаются, то все об этом знают: любое изменение рациона мгновенно отражается на здоровье и работоспособности животного.

На тему воровства существует, правда, цирковая байка о дрессировщике морских животных (не то сивучей, не то

котиков, не то львов.) Этот изобретательный человек добился от специалистов заключения о том, что его подопечные крайне нуждаются в черной икре. Начал он получать эту икру — ел ее, ел, сначала чайной ложкой, потом столовой и... превратился в морского зверя — не то в сивуча, не то в котика, не то в давно вымершую стеллерову корову. Такая вот грустная история о любителе черной икры. И похоже, что место, где еще не воруют (а возможно, никогда и не будут воровать), действительно существует. Это Старый Цирк. Работники которого хотя и облизываются, глядя на ящики с бананами, но не берут — жалеют братьев наших меньших, далеких от политики. А те, наоборот, в свою очередь с состраданием смотрят на нас.

В этот вечер цирковые собаки работали не покладая лап, чтобы нас развеселить. А мы, неблагодарные, еще в рот им после этого заглядываем — сколько граммов мяса съели...

М. Д.

Юрий ДАВЫДОВ

ОВЕРКИЛЬ

Проза Юрия Давыдова зачастую кажется лишенной — в строгом смысле — сюжета. Но читается она — как детектив. Что же притягивает нас в этой прозе — в пору сказать: втягивает в нее? Напряженность и острота авторских размышлений о нашей сопричастности Истории. Это делало прозу Давыдова актуальной и в 60-е, и в 70-е годы. И в новой книге он делает акцент на самой болезненной и едва ли не самой важной проблеме последних лет: наш суд над Историей, над историческим Фактом — это и суд Истории над нами, нашим Временем.

Он любил полуподвальные рюмочные; в питерском просторечии — «низок». Пахло там огородами, взморьем, лучком, укропчиком, килечкой. Добром поминал завсегда-тай довоенное пиво «Красная Бавария», а граненую стопку называл «ударом». Посетитель залетный, пусть чем-то обозленный, взъерошенный, тотчас покорялся общему благорасположению. Милию же Алексеевичу дарили плебейские рюмочные минутное забвение опасности, незримой и всепроникающей...

Смолоду застенчивый, был он теперь перепуганным интеллигентиком. До того перепуганным, что и в сортир-то мешкал сунуться, если вместо галантного «Туалет» или латинских литеров «WC», знака нашего интимного сближения с Западом, чернели глазницы двух нолей, заменяющих, как известно, гриф «секретно».

* Из романа «Синие тюльпаны». Полностью будет опубликован в журнале «Дружба народов», отдельной книгой — в издательстве «ПИК».

Обшлагом и то опасался Милий Алексеевич задеть Государственную Тайну. Вот давеча в архиве: позволите, мол, взглянуть, что там такое в документальном фонде правительственного Еврейского комитета? Отрезали, как в трибунале: «На секретном хранении!» Ему бы возроптать — помилуйте, комитет прошлого века, а на дворе-то вторая половина двадцатого; нет-с, ножкой пришаркнул, извините.

Вторым пунктиком были аллюзии, намеки.

После войны, года за два до ареста, прихотился Башуцкий к историческим сюжетам. Пописывал, публиковал. Знакомые историки охотно отдавали неопита литераторам; литераторы еще охотнее уступали неопита историкам. Башуцкому хотелось именоваться красиво — новеллист, эссеист. Да тут как назло подоспел скуловоротный аврал. В борьбе с глетворной иностранщиной не щадили термины, оскорбительные для нации. Ну, вроде «безе», что в переводе с французского — «поцелуй», а в кондитерском ассортименте — пирожное. Правда, когда Башуцкий выполз из лагерей, в свободном полете витало слово «реабилитация». Конечно, следовало бы говорить по-русски «восстановление чести и достоинства», но это уж звучало бы совсем дико и чуждо. Короче, ничего, кроме «очеркист», к тому ж, увы, схожего на слух с «чекист», Башуцкому не оставалось.

Милий Алексеевич и теперь, после лагеря, пробавлялся историческими сюжетами, и притом в самом благонамеренном духе. Дух сей требовал отсутствия аллюзий. Они, однако, выскакивали, как моськи из подворотни. Два случая в особенности подтверждали необходимость бдительности.

Однажды изобразил Башуцкий состояние человека в час жандармского обыска. Получилось недурно, да вышло дурно. Сосков, назначенный в редакторы из топтунов, грянул: «Это что?! Это о себе, что ли?!» — тут и блеснули нашему очеркисту браслеты-наручники.

В другой раз цитировал он журнал «Русская старина», а именно: огромная, уродливая Тайная Канцелярия высилась на Лубянке. Добро бы огромная, а то и уродливая! Редактор Чабанова покосилась на Башуцкого, как на провокатора Азефа, и Милий Алексеевич устыдился — ах, черт дери, чуть было хорошего человека под монастырь не подвел...

Опять и опять обнаруживалась связь с тов. Сталиным. Это ж он, Лютый, объявил исторические параллели рискованными: не для науки, конечно, а для тех, кто на параллели отваживается. Да и тов. Мао шутил зловеще: обращение к историческим сюжетам как род антипартийной деятельности — это неплохо придумано.

И параллели, и деятельность — калашный ряд; а Милию Алексеевичу лишь бы на аллюзиях не поскользнуться. Неистребимы! Раскроешь словарь ж и в а г о великорусского языка, извольте радоваться: лубянка — балаган, а лубяные глаза — бесстыжие. О, великий, о, могучий, неплохо придумано...

Пушкин медлил публикацией «Бориса Годунова», опасаясь дать «повод применениям, намекам, allusions». Вся штука в том, чтобы не давать повода. Но тогда — руки в гору: отринь задуманное. А задумал Башуцкий рассказать кое-что о высшей, то есть тайной, полиции. Ее жрецов в темно-голубых мундирах один старый юрист называл СИНИМИ ТЮЛЬПАНАМИ.

Взглянуть на историю с «полицейского ракурса» — мысль узкая, мысль плоская? Но если от слитного вздоха всех заключенных когда-нибудь падут тюремные твердыни, то и карманные фонарики, соединившись в прожектор, многое высветят. К тому же мысль эту, как случайно обнаружил Башуцкий, не отвергали и на «другом берегу».

Роман Набокова «Другие берега» разделял в ту пору участь многих книг: отбывал срок в библиотечном отделе, отмеченном административной печатью Люцифера — № 13. В палестинах, Башуцкому незабвенных, Отдельный лагерный пункт № 13 был штрафным.

«Другие берега» достались Милию Алексеевичу не из сейфа, близнеца карцера, не из рук библиотекаря, побратима вертухая. Господи, разве не следовало избегать книжной контрабанды по той же причине, по какой шарахаешься от секретности? Но тут уж Милий Алексеевич не владел собой. В подпольном чтении обретал он чудные мгновения эзка, получившего пропуск на бесконвойное хождение. Это ж, милые вы мои, не лопатки на спине, а крылушки: лети! Да, остаешься в лагерных пределах, но уже не лешься «каплей с массажи» в бригадных колоннах-сороконожках.

Книгу надо было вернуть утром. Милий Алексеевич управился к рассвету. И ладошки потер, выдернув абзацы: о том, стало быть, что русскую историю можно рассматривать с двух точек зрения: «Во-первых, как своеобразную эволюцию полиции (странно безликой и как бы даже отвлеченной силы, иногда работающей в пустоте, иногда беспомощной, а иногда превосходящей правительство в зверствах — и ныне достигшей такого расцвета); и, во-вторых, как развитие изумительной, вольнолюбивой культуры».

С вольнолюбивой культурой все было ясно. А с эволюцией... гм... «достигшей такого расцвета». Роман написан в середине нашего века. «Ныне достигшей»? Выходит, расцвет политической полиции соотносил автор с той же серединой нашего века. Положим, действительно расцвет. Но при чем здесь эволюция? Разве что своеобразная: большой скачок «пятками назад»!

В полуподвальной рюмочной, вдохнув запах огородов и взморья, взял он три бутерброда и принял соответственно три «удара». Потом, не торопясь, выкурил сигаретку. И опять вышел на набережную Английскую, то бишь Красного флота.

Ни в детстве, ни в юности Милий Алексеевич не ощущал то, что именуют Гением Местности. Он сознавал единственность своего Города, но была она как бы собственностью человека, лишнего чувства собственности. Ну, вроде бы есть руки и ноги, и ты, само собой, знаешь, что они есть, однако как бы и не замечаешь, пока здоровы, пока не болят.

Чувство Города возникло у него после войны, было оно состраданием и надеждой — отогреется Город, возьмет второе дыхание.

Была и освобожденность от довоенных впечатлений, потому что поражение фашистской Германии казалось поражением темного и злого здесь, дома. Даже и не то чтобы поражением, а скорее увольнением в чистую за полной ненадобностью. Вот эта освобожденность, эта раскованность и сыграла с Башуцким скверную штуку. Он высказался не по-писаному о начале войны, о блокаде. Высказался среди своих, демобилизованных, озаривших пол-Европы светом свободы. И бритвой полоснуло: ладно бы какой-нибудь стукач, не нюхавший пороха, нет, из своих же побратимов... Антисоветская агитация: статья 58-я, пункт 10-й УК РСФСР. Священник-эзк вздохнул под бодрый стук столыпинского вагона: «Песнь пятьдесят восьмая, стих десятый».

В тюремных снах он никогда не видел Город и наяву по Городу не тосковал. Лишь изредка ощущал отзвуки бывшего сострадания, схожие с колкими толчками крови в мизинце и безымянном — несуществующих, отсеченных. Но вот вернулся — и что же?

Мурластый майор с глазками злыми, заплывшими, как у мурзы, исповедовал культ паспортного режима. О, мученик идеи, годы спустя сварганивший роман-кирпич про какие-то звезды, исчезающие в полночь, о, как страдал майор, когда враги народа совали ему паршивые реабилитационные справки. И меркли звезды: такие же справки нахально совали жида. «Башуцкий» произносил он, ударяя на последнем слоге, а все эти «цкий», «ман», «зон», «ич» терзали его барабанные перепонки. К тому же: Милий. А где Милий, там и Юлий, а где Юлий, там и Шмулий... Отдадим должное мурласту: он был бы начеку, явись к нему Милий Балакирев и в особенности Сергей Юльевич Витте. А Башуцкого ради отметки «русский» заставил добывать выписку из архивной церковно-приходской книги, подтверждающей папенькино крещение: не отделилась все-таки церковь-то от государства! И лишь после того, подозревая, что тот мог быть выкрестом, нехотя оттиснул на справке о реабилитации: «Паспорт выдан».

Они были всюду, обладатели печатей и штампов. Утупив лубяные зенки, шлепали на бумагах жирные грифы. Когда-то писатель Куприн пожимал плечами: эти глаза соответствуют голубому околышу жандармской фуражки или голубой околыш соответствует этим глазам? Ах, Александр Иванович, мы соот-

ветствуем и глазам, и окольшам, вот и реют над нами жирные грифы, а звонким жаворонком вьется: «Паспорт выдан»... Но вот какая штука — паспорт не упразднил ноющее беспокойство: и все же, братец, существуешь ты в родной стране на фуфу, дуриком существуешь.

Постепенно исподволь завладело им чувство Города. То не было восхищение гармоническим согласием северного пространства с западной регулярностью, а было печальное сознание дряхлости Города. Он был в пролежнях, в его недрах застыла кровь.

Но Река милосердно смывала пролежни, ржавчину, плесень.

Он шел по набережной, легкой ладонью потрагивая парапет, пригретый солнцем; шершавость гранита и шорох Реки были внятны, как радость. И вдруг Башуцкий остановился, присвистнул, сбежал к воде, хотел бросить окурочек, но не бросил — как можно? И точно, как можно, если слышишь: «Позвольте...» Вот и молодые люди перестали барахтаться у берега.

Плечи пловца влажно блестели, курчавые редущие волосы слиплись прядями. «Позвольте показать вам, как надо плавать, — весело крикнул Пушкин молодым людям. — Вы не так размахиваете руками, надо по-лягушачьему...» А-а, вот оно что, вот оно что, ярко догадался Милий Алексеевич — здесь, против Летнего сада, была когда-то купальня, приходил Пушкин, плавал, однажды учил каких-то молодых людей «по-лягушачьему», приходил и Вяземский. «А, здравствуй, Вяземский», — сказал Пушкин, и Милий Алексеевич взбежал на набережную.

Бабушка, убирая с дороги внуку, прокрипела: «Смотри, Катюша, люди еще на работе, а дяденька уже напился». Нямало не интересуясь «дяденькой», толстуха отозвалась требовательным басом: «Есть хочю!» Милий Алексеевич рассмеялся и приставил ко лбу растопыренные пальцы — идет коза рогатая.

Мгновение спустя три тени наискось прочертились по плитам набережной — и в рассеянном солнечном свете сошлись отчетливо-зримые коллежский секретарь, только что учивший молодых людей плавать по-лягушачьему, брюхастый тайный советник Поленов и — на солнышке лицом совсем белый — регистратор Башуцкий.

Милий Алексеевич помахивал портфельчиком, такой, разрази его гром, счастливый.

Очень это хорошо, что они, как по наитию, сошлись. Лучше не придумашь. Однако наш очеркист убил немало времени прежде, чем нашел документы, которые позволили ему считать своего родственника в числе подчиненных тайного советника Поленова. Это уж было не просто «хорошо», а было, повторяем, чрезвычайно важно.

Тайный советник взял Башуцкого за почерк. Купцы, случалось, вели к аналогу бесприданниц, похваляясь: за красоту взял. А Поленов — за почерк. Талант истинный! Этот выводит тоненько, точно фистулой или как паучок лапкой елозит; тот — толстенно, жу-жу-жу, как шмель между оконными рамами; третий — будто корова на льду... А Башуцкий... О-о, душой исполненный полет! А какое проворство! Не то чтобы лепит фразу за фразой, а схватит единым взором всю страницу и тотчас изобразит, как фигуру в танце.

Труды-то его удвоились, да вот оклад остался прежним. Случай обыкновенный, следственно, несправедливый. Добро бы нежить в натопленных покоях Иностранной коллегии, так нет, архивариусы, старшие и младшие, дрогли в сумрачных комнатах, как пасынки. Но именно здесь, в Главном штабе, супротив Зимнего, в историческом Архиве застиг регистратора Башуцкого час полновесной самоценности. Он почувствовал себя воплощением «в начале бе Слово». Повинуясь торжественной и грозной силе, приподнялся, опираясь обеими ладонями о канцелярский стол, испытывая потребность к чему-то приглядываться, к чему-то прислушиваться. День стоял смурый, скучно селась снежная крупка. Город ощущался огромным холодным коробом, обжатый железом... Вдруг послышались гул, треск, дребезг, звон — выламывались напрочь окна и двери министерств и

ведомств. Еще не отзвенели, еще не оттрещали, как из дверных и оконных проемов выхлестнулись, низринулись, потекли на стогны Санкт-Петербурга реестры, ведомости, списки, рапорты, расписания, указы, мемории, рескрипты, экстракты, справки — миллионы бумаг, все вдруг исходящие. Дурной ветер тяжело кружил, ворочал, взметывал эти казенные бумаги, и они веющими хвостами втягивались в подворотни или вдруг бешено кружили в Пляске Смерти. В этих вихрях, в этом, казалось бы, бесконечном исходе исходящих металась, разевая рты и махая руками, министр, директора, вице-директора, сенаторы, прокуроры, обер-прокуроры. На балкон Зимнего, сутулясь, вышел государь, молвил печально: «Царям не совладать». А регистратор Башуцкий, скрестив руки на груди и вскинув подбородок, проникался сатанински-гордым сознанием незаменимости своей чернильной корпорации, без которой все гибнет в круговерти незавершенного делопроизводства, потому что держава на канцелярских крючках... Трудно определить, к чему привел бы этот бескровный бунт, если бы Башуцкого не позвали к тайному советнику Поленову, и метель за окнами сразу кончилась.

Минувшим летом доставили с Васильевского острова сундуки секретного хранения. Невской переправой командовал Поленов. Он трепетал за эти сундуки, как испанские капитаны за свои пузатые суда, набитые золотом для королевской казны. И теперь архивариусы, старшие и младшие, корпели, осушая своим дыханием, в понедельник сивушным, шершавые, словно наждачные, страницы запятанных времен вельмож-первачей: Бирона, Миниха, Остермана. Тонкая, как нюхательный табак, пыль поршила в глаза, не помогали даже немецкие примочки из дорогой лечебницы на Фонтанке. Не было спасу от кашля, кашель оставлял на бумаге бурые брызги, потом их кто-то поэтически называет запекшейся кровью истории.

Корпелки поленовского штаба были Милию Алексеевичу как бы родней. Он ведь когда-то служил архивистом в Историческом отделе Главного морского штаба — листал, нумеровал, скреплял бумаги, постулавшие с флотов и флотилий. Послевоенная осень была от земли до небес хлябью. За окном дудела и всхлипывала водосточная труба, солист дворового оркестра. Незабвенной чертой этой осени были большие протвены — бутерброды с крупной красной икрой, закуска забегаловок-пивных. С ума сойти. Сглотив слюну, Милий Алексеевич подумал, что «единицы хранения» были архивариусам хламом, который требовал описи, и больше ничего, а для него «единицы хранения» были вчерашней обыденностью. И вдруг выдался день: из груды бумаг совершенно незначительных скользя, так-таки в руки сунул листок школьной тетради: «Мероприятия при оставлении г. Ленинграда». И полихнула резолюция: «Утверждено. Пред. ГКО И. Сталин». Увидев «живую», толстым зеленым карандашом подпись Иосифа Виссарионовича, Башуцкий приложился к ней лбом. Потом прочел реестр «мероприятий» и мысленно увидел то, что выдывал очно, — бурое и глыбистое в жгутках и спиралях железа. Но ударило, ударило, как под ребро, другое: «Утверждено». Кутузов, уступая Москву, все взял на себя перед Богом и Родиной. На себя взял. А этот — заслонился безличным «утверждено». Этот умывал руки. Однако Город-то не отдал? Не отдал, уготовив худшее: выморил. И ударило, как под ребро: Сталин ненавидит мой Город! Кто знал его здесь в мирное время, в дни переворота, в недели, потрясшие мир? Город молчаливо и презрительно свидетельствовал о его безвестности, о его незначительности. Башни и подземелья, Третий Рим, переименованный в Третий Интернационал, — вот его место, ибо весь он московитский. Так думалось Башуцкому потом, после лагеря, а тогда лишь робко чувствовалось.

Он вручил начальнику тетрадный лист с автографом Вождя. Яйцеголовый, приятно грацирующий генерал береговой службы, не глядя на младшего архивиста Башуцкого, сказал тускло: «Вы этого никогда не видели. Идите...»

Генералу статской службы Поленову, коему тоже подчинился

архив, покамест нужды не было страшать его предка, коллежского регистратора.

Тлен не тронул бумаги Петра. Три фолианта содержали их перечень, но дело царевича Алексея ни в одном не значилось. Пожалуй, самой тайной из всех была книга гарнизонных записей, Поленов берег ее пуще зеницы ока.

Сына Петра Первого, царевича Алексея, убили в июне 1718 года — заря империи. Сына Николая Второго, царевича Алексея, убили в июне 1918 года — закат империи. Тут брезжило нечто, Башуцкому недоступное. Не с такой бы головушкой задаваться вопросом громадным, однако реабилитированный гражданин опять чувствовал себя эзком с пропуском на бесконвойное хождение.

Петр казнил сотни стрельцов. Меченное цифирью, массовое убийство ужасает ум, но не сердце. Иродово злодейство воспринимаешь злодейством Ирода, а не мукой безымянных младенцев. Но вот произносишь имя — возникает «ОН» и — потрясенность... Петр отдал палачу плоть от плоти. Соловьев, философ, не считал его великим человеком. Не потому, что Петр был недостаточно велик, а потому, что Петр был недостаточно человек. Едва речь заходит о Державе, обнаруживается развилка идеи и человечности. Грозный писал Курбскому: величайший из царей, Константин, ради царства сына своего, им же рожденного, убил... «Ради царства» Лютый готов был отдать Город. А Черчилль — Ковентри. Бульдог знал секретный приказ нацистского командования: дотла разбомбить Ковентри. Упреждение налета дало бы понять врагу, что англичане овладели ключом к архисекретному шифру. В расчете на будущие выгоды от владения этим ключом Черчилль обрек горожан, младенцев и старцев — всех обрек гибели. И Рузвельт, подняв бледные, как у Сперанского, руки, вздохнул: иногда приходится действовать вместо Бога...

Сторож зажигал свечи. Коллежский регистратор готовил наутро бумаги для Пушкина.

Поленов не благоволил Пушкину: в стихах «сладострастие, близкое к разврату». Прочитав «Бориса Годунова», ворчал, насунив кустистые брови: «Это не поэма, не роман, не трагедия и не творение гения». Тайный советник председательствовал в Отделении русского языка и словесности Академии наук и посему в точности знал, что есть гений.

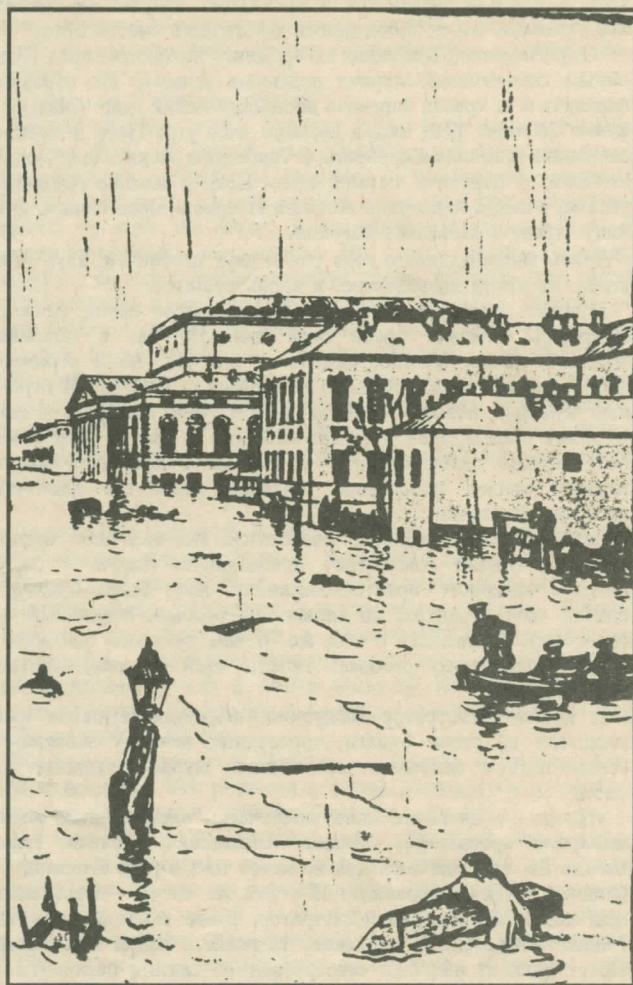
Добро бы сочинитель Пушкин оставался в свите Аполлона, так нет, волочится за Клио. Приходится отворять Врата Истории. А перед кем отворять? Шеф жандармов трижды прав: посещение государственного архива разрешается единственно людям, пользующимся особенною доверенностью начальства. Сочинитель Пушкин ею не пользуется.

Однако на всякого караульного довольно разводящего. Разводящим явился государь, он разрешил Пушкину рыться в архивах. Поленов испытал пренеприятнейшее чувство, род тяжелой одышки.

В комнате сырой и сумрачной Пушкин занимался историей Петра. Напольные часы английской работы цвякали на тверской манер: «ца-це», «це-ца». Регистратор Башуцкий принесил связки бумаг. Бумаги не шурхали, как осенние листья, а шептали, как сень старинного бора. «Сколько творческих мыслей тут могут развиться!» Его изначальный трепет, его подобострастие перед Петром рассеивались. Он обретал свободу суждений.

«Очень хорошо, прекрасно, благодарю вас», — быстро говорил Пушкин. Улыбка была яркой. Но всем его существом, казалось Милию Алексеичу, владела ясность вечерняя — «воды струились тихо, жук жужжал»: душа его нашла центр тяжести в желании блага всему существу.

При виде Пушкина Милий Алексеич испытал разнородные чувства. Ему захотелось согреть свою руку в его руке, сухой и горячей, но он не посмел, хотя явственно ощущал веяние его благожелательности. Она отзывалась давним, детским, внезапно очнувшимся запахом. Будто в душевной комнате, где пахнет маргарином, макаронами, старым ватным одеялом, оттаивает в плете-

ной корзине ворох хрусткого белья; корзину внесли со двора, там, на дворе, стирание белье закаржавело, выдубилось сухим морозом и солнцем и вот оттаивает, и духоту, запах обыденности теснит сизая, как вода в проруби, свежесть, и ты дышишь обновленно и чисто, и так хорошо, такая отрада, словно завтра светлый праздник.

Все это было слитно с ожиданием. Милий Алексеич не сомневался: вот-вот сбудется наитие, посетившее у Летнего сада, на невской набережной. Пушкинисты лишь предполагали, а он теперь знал: здесь, в поленовском архиве, служил доброт Александр Сергеевич, и этим доброхотом был коллежский регистратор Башуцкий.

И точно. Разве государь не запретил брать из архива архивное? Строго настрою запретил, и ничего деспотического не усмотрел бы в этом ни один из ненавистников монархии. Но Пушкин, Александр Сергеевич Пушкин, случилось, брал бумаги домой. После его гибели тюльпаны все перерыли, ничего архивного не нашли. Потому и не нашли, что Пушкин, сознавая риск своего доброхота, не медлил возвратом. Вот так-то, именно так, однако и не в том главное, погодите-ка... Он завтра опять придет, велено приготовить бумаги. Он ладный, крепкий, ростом средний... Опять послышалась Милию Алексеичу ивовая дудочка из-за холмов... «Мой предок Рача, мышцей бранной...» «Рача» — то и значит: невысокий... На нем черный плащ-альмавива, набрякший осенней сыростью. Он в новых башмаках от Пеля, лучшего в Городе сапожника, звук шагов четкий, быстрый, Пушкин нетерпелив, он работает в архиве со страстью. Он ждет бумаги; «преданные вечному забвению». В этих бумагах дело царевича Але-

кся. Пушкин не заслонится от проклятого вопроса, не скажет, как Рузвельт, вот-де приходилось действовать вместо Бога.

О, регистратор Башуцкий не преминет положить перед Пушкиным гарнизонный журнал поденных записей. Не отравили царевича и не сразил царевича апоплексический удар. Сказано в книге: 26 июня 1718 года в восьмом часу утра Петр и высшие сановники приехали в крепость; в Трубецком раскате был учинен застенок — царевича пытали; засим Петр и высшие сановники уехали; в шесть пополудни Алексей Петрович преставился, кончину царевича возвестил колокол.

Летом восемнадцатого года убили двух царевичей, двух Алексеев: на крови возведенное, в кровь рушится.

Колокол звонил в шесть пополудни, светло было, Алексея Петровича убивали среди бела дня. Ну да, в потемках застенка, огонь, железо, камень — все так, но и огромное небо — когда погибают, небо не бывает с овчинку. И огромные кучевые облака — когда казнят, они всегда огромны. Царевич превращался в запах, как вода в пар, и этот запах был запахом паленой плоти. И все же с последней тоской царевич увидел просторное, блеклое небо, где ласточки, ласточки, ласточки...

Звон курантов, медленно растекаясь, выстлал небо медной фольгой, Милий Алексеевич прилозился давеча в гостинице, у лагерного приятеля-москвича, небо было близко и близок звон курантов, но словно бы особый, отдельный, не городской, и думалось о том же, о чем думалось однажды в барак усиленного режима: гибель идей предпочтительнее гибели людей.

А нынче регистратор Башуцкий, поджидая Пушкина, раскладывал на столе бумаги, «преданные вечному забвению», серым пятном означался гарнизонный журнал поденных записей.

«Па-це» — цвякнули напольные часы, насморочным носом шмыгнул архивариус; Милий Алексеевич, подняв глаза, словно бы впервые взглянул на него: точь-в-точь Езерский — длинный, худой, рябоватый. И в том же чине — четырнадцатый класс, коллежский регистратор. Боже ты мой, бормотал Милий Алексеевич, башуцкие, езерские... «При императоре Петре один из них был четвертован, за связь с царевичем...» Четвертуют «за связь», расстреливают «за связь», ссылают «за связь», и нет распада связи времен. Да, но Пушкин оставил четвертованного Езерского в черновиках. Не за родственника по крови грозил его Евгений — «Ужо тебе!» — нет, за гибель Любви, то есть Свободы!

Гневный, по-рачьи выпученный зрак, вращаясь востро, сверлил Милия Алексеевича. Два слова начертал Петр в последнем своем земном напряжении, два слова: «Отдайте все...» Гадают доселе: кому и что? Молчать! Вам объявлено — все. И добавлено: все.

Молотом о наковальню ударили копыта Коня: «Отдайте все!» Резким выхлопом вторил Броневик: «Отдайте все!»

Башуцкие, схватившись за голову, кинулись наутек.

Ах, как бежали они, переломившись в поясе, простирая руки, вытянув тонкие шеи, — гуси, подбитые палкой. Сдвинулись вплотную площадь Сенатская и та, что у Финляндского вокзала. «Ужо тебе!» — рычал Всадник, детище классицизма. «Ужо тебе!» — рычал Броневик, чудище кубизма. Клубились тучи, и там, в этих клубах, Город, качаясь, всеми своими шпильями и колокольнями вычерчивал огромные восьмерки.

В коммуналке занимал Башуцкий М. А. четырнадцать квадратных метров без двух квадратных дециметров. В комнате с окном на брандмауэр Башуцкий М. А. ел, пил, спал, работал. Если бы какая-нибудь инстанция вдруг поинтересовалась его житейщиной (что само по себе невероятно), он ответил бы нашим расхожим «нормально». Ясное дело, все зависит от точки отсчета, а если она — стиль «баракко», то, стало быть, «нормально», особенно для квар-

тирсьемщика, озабоченного проклятыми вопросами бытия.

Умные люди, думал он, примирились с высшей исторической необходимостью: есть правота, есть правда Всадников и Броневиков; есть правда, есть правота пешеходов, егвениев и башуцких. Милий Алексеевич вдруг приснул в ладошки. А попросту глянуть, всего-то навсего нарушение правил ГАИ!..

«Реакционное царствование Николая Первого, получившего зловещее прозвище Палкина, началось жестокой расправой с первенцами русской свободы, декабристами», — прилежно написал наш очеркист. И продолжил: «В дни московских коронационных торжеств, в сентябре 1826 года, было официально объявлено учреждение Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии. Так самодержавие, которое веками душило наш героический народ, упрочило политический и экономический гнет. Главой сысского ведомства Николай назначил А. Х. Бенкендорфа, одного из тех петербургских немцев, которые, как говорил Герцен...»

Наметанным глазом Милий Алексеевич зацепил нахально-взвездливые «которое» и «который»; вычеркнув первое, заменил на «веками душившее» и поджал губы — еще и абзаца нет, а рукопись уже «вшивеет»; он стал искать язвительные цитаты из Герцена, заготовленные впрок, — не попадались; на столе с черным кругом от сковороды смешались бумаги... Бодрый настрой нашего очеркиста пошел на убыль. Господи, если бы дело было в мелочной правке и цитатах, если бы так, господи...

И вчера, и третьего дня, и раньше, размышляя о синих тюльпанах, он почти машинально определял, что именно придется похерить, не давая повода ни для иеремий рецензентов из породы «марксиста-аграрника» Сытова, ни для аллюзий чуткого и, быть может, благодарного читателя.

Но и вчера, и третьего дня, и раньше он сознавал близость срока, когда всю эту «прагматику», все эти уловки, пусть и постыдные, накроет тень полковника Вятского полка, повешенного на кронверке Петропавловской крепости, и ему, Башуцкому, некуда будет деться. Нет, не от сытовых — от себя. И не потому лишь, что полковник Вятского полка обернется единомышленником генерал-лейтенанта Бенкендорфа, а потому, что казненный первенец русской свободы встанет предтечей гранитного регулировщика в долгополой кавалерийской шинели — там, на известной московской площади. Ужасно. Ведь и полковник, и его друзья-заговорщики, они, как Пушкин, были первой любовью, словно с рождения поселившейся в сердце. И горестно думалось: о, если бы 14 декабря... Ну да, вот так если бы к вечеру, исполнив «долг свой», не остались в живых Николай и Бенкендорф...

Захлопали двери, зашаркали жильцы, зарычал унитаз. В соседской комнате радиоголос предложил Мудряку, экономисту Ленэнерго: «Приступайте к водным процедурам. Потом донесся другой голос, сдержанно торжествующий: «...на двенадцать процентов больше, чем за тот же период в прошлом году». О, кумач на воротах штрафного лагпункта: «Все дороги ведут к коммунизму!» Да ведь и ты сейчас готов зарядить туфты? Не совсем так, не совсем так, смутился наш очеркист. Отстраняясь от радиоголоса, от голоса внутреннего отстраняясь, перечитал нейтральное: «Главой сысского ведомства Николай назначил А. Х. Бенкендорфа» — и недовольные смели быть, подумал Милий Алексеевич с той поспешностью, с какой, как говорят, хватаются за соломинку.

Да, на Сенатской площади, рассуждали недовольные, явил Бенкендорф безусловную преданность государю, но, когда злодеев заточили в крепость, сострадал узникам... Да, на следствии по делу о происшествии 14 декабря Бенкендорф вынужден во все подробности, однако полагал невозможным ставить вопросы... ну, эти, что вынуждали бы отвечать против совести... Он желал, чтобы суд над преступниками происходил с возможной степенью законности и гласности. Пусть и с

возможной, но мысль ребяческая. А сердечная слабость на кронверке? Пестеля вздергивают, закоперщика, — Бенкендорф падает ниц на холку коня... Все это государь знает. И что же? Неделю спустя после бунта отстраняет Аракчеева, соболезнуя графу, здоровье которого сильно потерпело от поразившего всех нас общего несчастья. А во дни суда над злодеями учреждает Третье отделение собственной канцелярии, главноначальствующим коего назначает Бенкендорфа. Помилуй Бог, какое время на дворе!..

При любой погоде историки укажут: «Классовая борьба обострилась». При любой погоде говорят: «Положение крестьян ухудшилось». Это ж как доллар: всю жизнь только и слышишь — доллар падает, падает, падает... А надо архивно ухватить, словно рыбу под жабры, — и тогда...

В одном полку толковали сокрушенно: «Эфгот царь забулатит службой, все в госпитале перемерем». В другом полку горячо шептались: «Приезжал государь к лейб-гвардии финляндцам, велел: ребята, буде какой начальник скажет стрелять в народ, то не слушать, а взять штыком». В трактире на Невском спросил отставной полковник прилюдно и со вздохом: «Каково-то нашим страдальцам в каторжных работах?!» А на стене постоянного двора — святых вон — «Скоро дворец, сосушие кровь своих несчастных подданных, погибнут смертью тиранов». И подпись: «Второй Рылеев».

«Второй Рылеев» припахивал Пугачевым. Из поленовского архива, где корпел коллежский регистратор Башуцкий, затребовали... Стоп. Ошибка. Архив еще плесневел в Особых Кладовых, в Секретной комнате, в сундуках, обросших пылью, как ягелем. Оттуда и затребовали дело Пугачева — «весьма нужное для некоторого соображения».

По мнению же господ, недовольных назначением Бенкендорфа, надо было бы затребовать покойного кнутобойца Шешковского, любимца матушки Екатерины. Фрондеры ворчали: дружба дружбой, а служба службой; лучше бы государь вернул Александра Христофоровича в Гвардейский генеральный штаб, а не ставил в челе тайного сыска. Да-с, Бенкендорф взлезлея прожект, но что с того, ежели натура неподходящая?..

Аккуратный экономист Мудряк давно обесточил радиоточку, жильцы-труженики давно разошлись, все как один выполняя сообразительству, а Башуцкий по-прежнему кружил вокруг да около. Видать, не зря экономист объяснял жильцам, кто такие тунейдцы и почему их следует гнать из Города к чертовой матери.

У-у, Башуцкий, счастье твое, что уже на службе Мудряк, а не то бы сквозь стену учуял, на что ты, тунейдец, руку-то подыял! На пламенных революционеров клацает зубами брянский волк, опрометчиво реабилитированный.

С тех пор как гражданка Касаткина, мать-одиночка, еще одного родила, экономист Мудряк удвоил бдительность, «Спидолу» громко запустил, чтобы слышал тунейдец вражеское вещание — уговор с райотделом был: клонет Башуцкий, антисоветчину выложит. Увы, битый фраер тихохонько сидел в своей мышеловке... Да, Башуцкий, счастье твое, на службе экономист, а не то бы учуял, ну и отдал бы твои четырнадцать квадратных метров без двух квадратных дециметров остроножающейся гражданке Касаткиной, тем паче, младшенький народился от Мудряка.

И действительно, куда-а-а занесло Башуцкого в умозрительном безумстве его!

Третье отделение после тридцать восьмого года фасадом глядело на Фонтанку, а рядом, на Пантелеймоновской, были дворы со службами, экипажными сараями, внутренней тюрьмой. Ну и переименовали Пантелеймоновскую в улицу Пестеля: люди, страшно далекие от народа, непременно учредили бы и «отрасль соглядатаев», и застенки. А потом Гороховую переименовали в улицу Дзержинского: помнили, как там, на Гороховой, ночей не спала Чрезвычайка, ужасно к

народу близкая. Не понапрасну тревожился Герцен: а не начнется ли новая жизнь с организации корпуса жандармов? Привычка свыше нам дана, замена гласности она, заключил Башуцкий.

Может, он и вправду спятил?

Тяжело хлопнул парус, рухнули тучи, море встало стеной. Это там было, в Н-ской базе. Кавторанг Карлов не давал бить баклуши, дважды в неделю — шлюпочные занятия. Поворот оверштаг, то есть против ветра; поворот через фордевинд, то есть по ветру; и последовательный поворот, и последовательный все вдруг. Но там, чтобы никаких «вдруг»... И вдруг тяжело хлопнул парус, рухнули тучи, море встало стеной, и все это в миг единый, ибо был поворот — «оверкиль» — вверх днищем, вверх килем. Но матрос из поморов, Васька Анисимов, гаркнул: «Кроче!» — и обошлось.

Можно крикнуть — «Кроче!» «Тише» — морю и ветру: в них есть душа, в них есть свобода, глядишь, и обойдется. Грозись «Ужо тебе!» — не обойдется: неумолим Конь, неумолим Броневики, восьмерки небесные, иероглиф истории, число и фигура.

Пестель был жертвой, Бенкендорф палачом, но поразительная близость государственных замыслов. Не обойдется, не образуется. И нечего бегать, как гусь, подбитый палкой.

Пестель сидел в каземате Алексеевского рavelина. Бумаги Пестеля читал Бенкендорф в обер-комендантском доме, о коем сказано: «Памятник русского зодчества с четкой и ясной планировкой». Четкие и ясные замыслы Пестеля и Бенкендорфа обжигали Башуцкого в комнате, на которую имел свои виды экономист Мудряк.

Все наперед расчислил Пестель в «Записке о государственном правлении». Все расписал в статье двенадцатой о государственном благочинии, хранимом тайной полицией.

Обязанности: узнавать, как действуют части управления — справедливо ли правосудие, взимаются ли подати без притеснения, нет ли корыстолюбия, лихоманства; узнавать поступки частных людей — не образуются ли вредные общества, не происходят ли запрещенные собрания, не готовятся ли бунты, не распространяются ли соблазны и учения, противные законам и вере; собирать сведения об интригах и связях иностранных посланников, а также иностранцах, навлекших на себя подозрение.

Структура: палата исполнительных дел; палата распорядительных дел; палата расправных дел, ибо невозможно подвести под общие законы и правила все предметы, относящиеся до государственной безопасности; наконец, палата внутренней стражи, состоящей из пятидесяти тысяч жандармов.

Способ действия: тайные розыски, или шпионство, есть надежнейшее и почти, можно сказать, единственное средство; для тайного розыска, или шпионства, употреблять людей хорошей нравственности, имена коих ни под каким видом или предлогом не должны быть известны; оные лица должны получать хорошее жалованье.

Бумаги Пестеля поступили в следственную комиссию в феврале восьмьсот двадцать шестого года. В апреле того же года Бенкендорф подал государю записку о синих тюльпанах. Генерал обокрал полковника? Ремни из чужой спины вырезал? Нисколько! Сошлись во взглядах. А государь прочитал, государь согласился, чем и добил Милия Башуцкого...

Жаль очеркиста, не по Гегелю учили диалектику в трудовой школе на Васильевском острове. Совершив «оверкиль», лежал он ничком на проваленном диване, глобных пружин не чувствуя. Жаль перепуганных интеллигентиков — все близко к сердцу принимают.

Захлопали двери, зашаркали ноги, зарычал унитаз. Мудряк, экономист Ленэнерго, запустил «Спидолу». Жизнь продолжалась.

Лина МКРТЧЯН: «Я — ОБЫКНОВЕННАЯ ХРИСТИАНКА»

— Так уж повелось, что в России настоящее искусство, как правило, существовало вопреки, в сопротивлении. Творчество у нас принято считать несовместимым с благополучием. У вас, Лина, в этом смысле «идеальные условия»...

— Да что — я... Хотя я всю жизнь была и, верно, останусь безработной, зато у меня вот уже восемь лет есть замечательный аккомпаниатор Евгений Талисман и я сохраняю за собой право петь, что и как хочу. То есть так, как в меня Господь вдохнул, а не как считают себя вправе диктовать чиновники от советской музыки. Для меня закрыты все филармонические залы Москвы, но я свободна, и никто не сможет отнять у меня то, что дано не ими...

А что делать гениальному дирижеру Евгению Колобову, изгоняемому сегодня из своего театра, лишенному оркестра? Как выжить режиссеру Ольге Ивановой без труппы? Однако эта трагическая ситуация, на мой взгляд, суперстандартна и естественна для античеловеческой Системы, которая до сих пор процветает и перемен в которой я, увы, не замечаю и не предвижу.

Такие художники, как Колобов, не только носители Божественного дара, но и носители перемен. А поскольку от «вершителей судеб страны» мы все чаще слышим, что идеалы этой Системы будут отстаиваться, ясно — от таких людей неизбежно будет избавляться. Во избежание перемен. Если бы Колобову оставили право на жизнь, то есть возможность работать, могу заверить, это была бы реформа в отечественном музыкальном театре. С его некротимым темпераментом, с его духовным озарением он создал бы в России настоящую оперную труппу, которая была бы способна выдержать сравнение с любой западной. И все вернулось бы на круги своя, и у нас вновь (как до кровавого переворота 1917 года) возник бы музыкальный театр, выступать в котором считали бы за честь выдающиеся певцы всех стран...

Историю «выживания» Колобова и Ивановой из театра Станиславского и Немировича-Данченко я рассматриваю как ступеньку к их выдворению из страны.

Очень коротка человеческая память. Не дай Бог, чтобы через несколько лет Н. Губенко, став уже членом ЦК КПСС, встречал с цветами и извинениями приехавшего на гастроли из-за границы Колобова. Все повторяется. История, происшедшая с Ю. Любимовым, происходит постоянно в этой стране с каждым крупным художником. Она непреходяща, как непреходящий страх охранителей Системы перед этими людьми.

— Но ведь и вас, Лина, — певицу, которую, по мнению знатоков, услышав раз, невозможно забыть, певицу, которую называют «Дузе в вокальном искусстве», — преданные зрители вынуждены «ловить» по московским домам культуры. Вас «не

пускают» на большую сцену конкретные люди? Музыканты? Чиновники?

— Это одна цепь. «Увенчанные» певцы, связанные с Отделом культуры ЦК КПСС, опасаются моего параллельного им существования, спускают свои пожелания в министерство культуры, оттуда — в Филармонию. Они не только «оберегают» от меня филармонические площадки Москвы, они не дают мне выпускать пластинки, записываться на радио. Я довольно часто для певцы появляюсь на экране ЦТ, но только не по линии музыкальной редакции: в передачах «До и после полуночи», «Киносерпантин», «Добрый вечер, Москва!», некоторых других. Фильмы обо мне разманичиваются: один — после единственного показа, другой, где я исполняла пушкинские стихи, — вовсе не увидев свет... А уж от зарубежной сцены меня свертцательно охраняют.

Может, считают, что я неизбежно произведу там фурор и придется смириться со мной и здесь? Ведь на Западе интерпретация музыкальных произведений — то, за что меня упрекают в Союзе, — ценится как главное достоинство певца. Там очень высок исполнительский уровень. Меццо-сопрано поют как контральто, сопрано — как меццо, но природные контральто встречаются крайне редко. После ухода таких звезд, как Кэтлин Ферриэр, Элизабет Шварцкопф, камерная сцена за рубежом вообще осталась оголенной. Пласидо Доминго, Лучано Паваротти не так часто выступают с сольными программами.

Я, как камерная певица, контральто, да еще поющая духовную музыку, могла бы, кажется, быть там полезной...

— Вы ни разу не были на гастролях за границей. Но вы были на международном встрече за воссоединение всех христиан мира в Ватикане, пели в святых храмах Италии. Пели даже для Папы Иоанна Павла II. А теперь по-прежнему — по «красным уголкам» столицы...

— То, что со мной произошло в Италии, как бы вынесено за рамки реальной жизни. Это была кульминация в моей судьбе. Никогда никому я не смогла открыть, что сказал, услышав меня, Папа. Ничего дороже у меня нет. Год спустя я стала единственным музыкантом в стране, получившим личное приглашение от Папы Римско-

го принять участие в грандиозной акции на католическое Рождество в Париже за предотвращение войны в Персидском заливе. Он позвал тех музыкантов мира, кто, по его мнению, способен оказать особое влияние на души людей. К сожалению, акция по каким-то причинам не состоялась. Грустно, что я потеряла, быть может, единственную возможность быть услышанной в мире, но для меня гораздо важнее, что папа помнит меня. Значит, он молится обо мне. Это дает мне силы не забывать, что я создана по образу и подобию Божию. Как всякий человек. Память об этом — главное для нас. Если бы люди не забывали об этом, мир был бы иным.

— Говорят, будто вы дважды уходили от этого мира в монастырь, пытались принять схиму...

— Я всегда приходила туда, подолгу жила и буду приходиться, чтобы набрать полную грудь воздуха и терпеть дальше, и делать то, что должна. Постригаться же я никогда не помышляла, это не мой путь.

— В вашем исполнении не только духовная музыка, а даже самые простые, беспечные вроде бы русские романсы всегда несут оттенок трагичности. Кажется, что печаль и одиночество составляют ваше мироощущение. Почему? Ведь у вас так много друзей, поклонников, даже созданы «Общества друзей Лины Мкртчян» в Москве и Ленинграде.

— Трагичность эта не моя — мира. Еще Блок сказал: я здоров, это жизнь сошла с ума. Я не более одинока, чем все люди. Но если говорить об «одиночестве сердца», я действительно к нему тяготею. Одиночество и размышление естественны и необходимы человеку.

— Розанов говорил: когда ты один — ты с Богом. И еще: душа православия — это гармония.

Вы крещены в православии, глубоко веруете. При вашей житейской неустроенности, неопределенности положения, при очевидном разладе должного с сущим ваша жизнь — гармонична?

— А разве быт — это жизнь? Жизнь — внутреннее пространство души. И в этом смысле, с точки зрения православия, я пребываю, безусловно, в гармонии. Потому что знаю, зачем мне все это послано...

— И все же какое-то место в нашей жиз-

Фото С. Михайлова

ни, увы, занимает и быт. Мне лично трудно представить вас в очереди за мясом.

— Я никогда не стояла ни в какой очереди. Единственная область, где я довольствуюсь тем, что есть, — это советский быт. Конечно, как певица я хотела бы иметь условия для сохранения голоса. Я их почти лишена. Но что делать — не петь из-за этого?..

— Скажите, Лина, вы можете вообразить себя счастливой?

— Да. Для этого должна была бы воплотиться мечта моей жизни: хотя бы раз спеть для русских эмигрантов первой волны, которые ценой своих судеб, судеб своих детей и внуков сохранили нам русскую культуру... А реально я была много раз счастлива, когда на моих вечерах собирались сотни детей. Это те люди...

— Как хорошо вы говорите — «люди»...

— А я со всеми с ними на «вы». Я не могу, глядя в глаза таким детям, сказать «ты». Я ведь после каждого вечера по два, а то и по три часа в артистической подписываю им программки. Я не могу, как это принято, улыбнуться, расписаться, и все. Я спрашиваю у ребенка: «Как вас зовут?» Он отвечает: «Петр». Я пишу: «Петенька, Вы ведь будете помнить...» Каждому пишу другое, то, что предназначено только ему одному. И они мне пишут, и я опять не могу сказать — что. Так же, как не произносимы слова Папы ко мне. И я боготворю этих людей.

— Нормальное состояние музыканта — это работа на запись. Только то, что он успевает материализовать, останется после

него, а там уже судить будет время...

— Благодаря совместной советско-американской фирме «Вист», двум ее представителям Г. Елецкому и Ф. Перепелову, у меня есть надежда, что я не унесу все с собой. Я записала с ними три компакт-диска для Запада. Скоро выйдут и три мои пластинки здесь: альбом православной и католической музыки, альбом Римского-Корсакова и Рахманинова, русские народные песни и старинные романсы. После шедевров немецкой романтической музыки — Вагнера, Шуберта, Шумана — я запишу на фирме «Вист» вместе с Колобовым «Песни об умерших детях» Малера.

— Получается, что ваши спасители — люди коммерческой ориентации. Вас не пугает, что культура переходит от чиновников в руки бизнесменов?

— Увы, никогда, пока существует тоталитарный режим, культура не перейдет к бизнесменам. Тысячу раз Михаил Сергеевич уже повторил: я не отдам вам идеалы социализма, коммунизма, не отдам Владимира Ильича. Того самого Ильича, которого до сих пор земля не принимает, который придумал концлагеря, убивал священников... Сколько уж за пять лет пролито крови, сколько обездоленных людей, погибших детей, а Система незыблема! И бизнесменам-меценатам не дадут спасти культуру. Система использует их для самосохранения.

Но есть простая начальная ступень к воскрешению России: повсеместно, а не только в некоторых школах Москвы ввести детское религиозное воспитание.

— Доходы от своих немногочисленных выступлений вы постоянно перечисляете в различные благотворительные фонды: охранные памятников культуры, экологии, детей Армении, детей Чернобыля. Но ведь, как я понимаю, благотворительность — привилегия людей состоятельных?

— Богатые люди только потому и богаты, что не тратят свои деньги. У меня ничего нет, поэтому я так поступаю. Ну как же можно иначе, я ведь обыкновенная христианка. И нужно только Бога благодарить, что хотя бы это, хоть сейчас, на время возможно. Если бы еще удалось помочь конкретно таким людям, как Колобов. Как величайший композитор XX века Алемдар Караманов, находящийся несколько десятилетий в тотальном изгнании и забвении. Как кинорежиссер А. Сокуров...

Почему для того, чтобы оценить человека, ему в этой стране надо непременно умереть? И тогда те, кто его убивал, будут ставить ему, теперь уже официально гениальному, памятники. Способ один — уехать или умереть. Тогда твое дело победит. Доколе, Господи?.. Все время в горле ком, и с этим свиццовым комом больно петь... Но свои земные надежды я связываю с этими гонимыми у нас людьми.

Беседу вела
Аэлига КОСТЕНЕЦ

Обманка жизни

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДВУХ ВЫСТАВОК

По-научному это называется — «инсталляция». Создание среды. Организация пространства жизни. Копирование среды обитания. Такое копирование, чтобы собака узнавала в манекене своего хозяина, а подвыпивший гражданин отдыхал на экспонате (скамейке) так же спокойно, как, по привычке, в парке.

Постоянные читатели «Столицы» помнят, наверное, того человека при бабочке, который красовался на обложке последнего номера ушедшего года, — с неопределимой величины куском колбасы под мышкой. Так вот, колбаса была ненастоящая. Человек же — доподлинный, Александр Попов. Известный, говорят, художник. Вот ему-то создавать такую среду обитания — самое приятное дело.

Ровно два года назад в Центральном Доме художника сделал он выставку «Улица» вместе с фотографом С. Пархомовским. А в ноябре прошлого года — в гастрономе № 72 — инсталляцию «Гастроном».

«Обманки» — так автор называет куски оргалита, раскрашенные «под граждан». И то верно: чего мудрить-то? «Макеты», «муляжи»... Нет ничего, видимости одна, обман. Делаются обманки очень просто. Фотографируются на улице две, например, бабы с авоськами — только что затоварились в ГУМе — и аккуратно перерисовываются на оргалит. Можно на картон. Беглым глазом покосишь — вроде человек идет. От двух милиционеров при входе люди на «Улице» шарахались. Ничего, нормальные такие менты...

Еще есть обманки окон. Тоже все в порядке: окна такие зарешеченные, прутья в виде лучей солнца расходятся. Кажется, даже комнату освещают, через прутья-то.

Вообще у Попова нет ничего придуманного. Все каждый день видим. Кое-что, правда, подувеличено. Вот, например, серия «Не бузи» — водочные этикетки. «Пшеничная», «Сибирская», «Столичная», «Особая», «Экстра» — все величиной с хороший плакат про Сабрину. И — вот ведь влияние искусства! — поразительные вещи выясняются.

— Я обнаружил, что на этикетке, когда ее увеличишь, — птички поют. Серьезно! На «Пшеничной». Русское поле! Или вот

серия «Папиросы». На пачке «Беломора», знаете ли, оказывается, после красной черты — реки дальше не текут. Ну, нету рек дальше! Кто бы знал...

Раньше картины писались для интерьеров салонов, гостиных, дворцов, храмов всяких. Попов решил украсить картинами стены гастронома. Чем гастроном не храм еды, чем он не дворец пуза?

Долго искал подходящий. Нашел. Директор оказался человеком душевным и к искусству близким. И магазин подходящий — хороший, красивый гастроном. Пустой, как водится. На Комсомольском проспекте, напротив метро Фрунзенская. Попов директора добрым словом поминает: на целый рабочий день (суббота была) стал гастроном той средой, в которой мы все, по наблюдениям художника, и обитаем.

На уличную витрину Попов положил обманку спящего гражданина. Сам же он внутри этой витрины ходил — с той самой исполинской колбасой ходил, с белой сахарной костью ходил. Много ходил. Внимание, правда, мало чье привлек.

На витрины же внутри гастронома положил он ящик патронов (обманку, конечно) и гражданина со лбом вместо лица. Только дурак, говорит, может не догадаться, кто это лежит вместо мяса и для чего тут патроны. Три капитана подходили, долго стояли, смотрели. Больше никто не остановился. Даже жалко.

Ну, по углам, уже по традиции, — обманки граждан. На стенах — картины. В

винном отделе — различные водки и папиросные пачки; в гастрономическом — консервы.

Консервы у Попова знатные (см. иллюстрацию). Узнаваемые, хотя и позабытые уже, — зеленый горошек, китайская тушенка, ставрида в масле опять же. Сам банки на свалке собирал.

— Нет, не хотел я издеваться. Просто подсмотрел когда-то давно, как продавщицы пирамиды эти строят — красота! С любовью, аккуратно выстраивают, как кубики, как конструктор какой. Но на картины никто внимания особого не обращает. Днем в том гастрономе колбасу настоящую выбросили, так вот от нее глаз не отрывали. А так — нет, ходят, угрюмые, в пол оставились... Бабки, правда, приставали ко мне, поскольку я был в костюме и при бабочке. Издеваетесь, говорят. А я не издеваюсь, я гастроном украсил. Жить помогал.

Да, озабоченность отбивает чувство прекрасного. Голодный желудок реагирует не на этикетку, а на запах. Да и вообще, вся наша жизнь, по правде говоря, для искусства мало оборудована.

— Есть у меня одна красивая идея — не знаю даже, серьезно или так... Взять все мои картины и бросить их в Москва-реку. И смотреть, как они поплывут по течению. Публику пригласить... Вот это будет выставка.

Евгений КУЛАКОВ

(Из буклета к выставке «Улица»):

«В самом обыденном и обыкновенно простом я вижу предмет, достойный живописи. Камень, пыль на дороге, разбросанные банки, стена дома, водосточная труба... это никому не принадлежит... В этих вещах заключены смысл и бездомная красота».

А. Попов

Натюрморт из серии «Картины для гастронома» х.м.60x80.1990г.

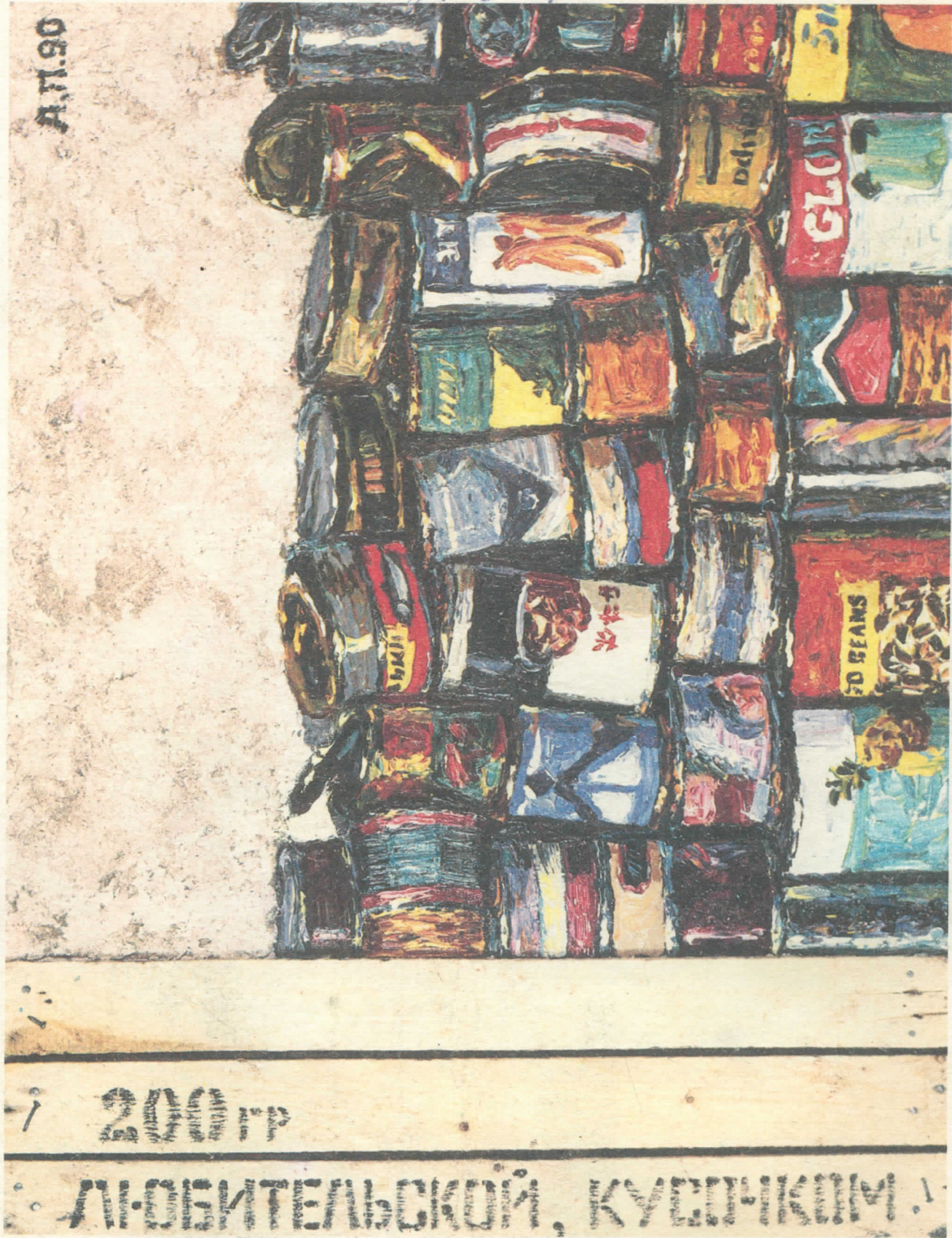

Выставка «Улица» живопись, инсталляция, фотография. ЦДХ.1989г.

21-3-198

А.П.90

Натюрморт из серии «Картины для гастронома»